

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Том 6. № 4 (21) • 2015

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский
Е.В. Колдунова

И.Ю. Окунев (ответственный редактор номера)

Д.В. Басова (техническая подготовка)

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ
О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.
В.В. Гриб, д.ю.н., проф.
В.И. Журавлева, д.и.н., проф.
М.В. Ильин, д.полит.н., проф.
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.
В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ
В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН
О.В. Павленко, к.и.н., доц.
Е.В. Попов, к.ю.н., доц.
В.Д. Соловей, д.и.н., проф.
Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф.
М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.
А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Ditrîhs*
(Университет Анкары)
Профессор *Akihiro Iwashita*
(Университет Хоккайдо)
Профессор *Zhao Huasheng*
(Фуданьский университет)
Профессор *Klaus Segbers*
(Свободный Университет Берлина)
Профессор *Anne de Tanguy*
(Сьянс По)
Профессор *Yu-Shan Wu*
(Институт политологии, Academia Sinica)
Профессор *Alexander Zhebit*
(Федеральный университет Рио де Жанейро)
Профессор *Charles E. Ziegler*
(Университет Луисвилла)
Профессор *A. Faizullaev*
(Университет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана)
Профессор *Li Xing*
(Пекинский педагогический университет)

Издается при поддержке

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
<http://www.lawinfo.ru>
Отпечатано в типографии
«National Polygraphic Group»
Тел.: +7(4842) 70-03-37

Печать офсетная

Усл. печ. л. 18,5
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 25.09.2015

ISSN – 2221 – 3279

© Воскресенский А.Д., 2015
© Сравнительная политика, 2015
© Издательская группа «Юрист», 2015

COMPARATIVE POLITICS

Volume 6. № 4 (21) • 2015

MASS MEDIA REGISTRATION CERTIFICATE PI № FS77-28335 of December 8, 2009

Editor-in-Chief

Alexei D. Voskressenski, Prof., Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of
Far Eastern Studies)

Dputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Professor, Dr.Pol.Sc.
S.I. Lunev, Professor, Dr. of History

Executive Secretary

E.V. Koldunova, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board of the Issue

A.D. Voskressenski
E.V. Koldunova

I.Yu. Okunev (editor of the issue)

D.V. Basova

Executive Secretary (online version)

I.Yu. Okunev, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board

T.A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor;
Distinguished Researcher of Russia
O.N. Barabanov, Doctor of Political Sciences, Professor
V.Ya. Belokrenitskij, Doctor of History, Professor
V.V. Grib, Doctor of Juridical Sciences, Professor
V.I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor
M.V. Il'in, Doctor of Political Sciences, Professor
E.V. Koldunova, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor
V.G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD
(University of Manchester), Professor
M.M. Lebedeva, Doctor of Political Sciences, Professor;
Distinguished Lecturer of Russian Higher School
V.V. Mikheev, Doctor of Economics, Professor;
Corresponding Member of the RAS
O.V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor
E.V. Popov, Candidate of Judicial Sciences,
Associate Professor
V.D. Solovej, Doctor of History, Professor
L.V. Smorgunov, Doctor of Political Sciences, Professor
M.V. Strezheva, Doctor of Political Sciences, PhD
(University of Manchester), Professor
V.V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor
T.A. Shakleina, Doctor of Political Sciences, Professor
A.Yu. Shutov, Doctor of History, Professor
I.N. Timofeev, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor

International Consultative Board

Professor Ayse Ditrhihs
(University Anbara)
Professor Akihiro Iwashita
(University Hokkaido)
Professor Zhao Huasheng
(Fudan University)
Professor Klaus Segbers
(Free University of Berlin)
Professor Anne de Tanguy
(Sciences Po)
Professor Yu-Shan Wu
(Institute of Political Science, Academia Sinica)
Professor Alexander Zhebit
(Federal University of Rio de Janeiro)
Professor Charles E. Ziegler
(University of Louisville)
Professor A. Faizullaev
(University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan)
Professor Li Xing
(Beijing Normal University)

Published with support

Subscription Centre:

+7(495) 617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Tel.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru
Printed in typography
«National Polygraphic Group»
Tel.: +7(4842) 70-03-37

Offset printing.

Conventional printing sheet – 18,5
Circulation 3000 copies.
Free-market-price
Passed for printing: 25.09.2015.
ISSN – 2221 – 3279

© Voskressenski A.D., 2015
© Comparative Politics, 2015
© Publishing Group “Yurist”, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Е.С. Окунева. Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму

А.Ю. Голобородько. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения

Е.В. Руденко. Образы экономических интеграционных объединений в российском политическом дискурсе

А.С. Тетерук, Я.А. Чижевский. Асимметричные конфликты в теории международных отношений: современные аспекты изучения

П.П. Бражников. Пример рассмотрения борьбы держав суши и моря с точки зрения критической геополитики

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Ю.А. Павлова. Политика Испании в отношении спорных территорий в Западном Средиземноморье

А.В. Мажулина. Особенности пространственной идентичности жителей г. Якутска

А.В. Аделгареева. Географические карты как инструмент государственной политики

Я. И. Мальцев. Шотландия: нация без национализма?

Н. Е. Семенов. The Re-integration of Iran into the Global Energy Markets and its Geopolitical Implications

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА: пространственные идентичности Молдавии

И. Ю. Окунев. Россия и Европа: деконструкция дискурса противопоставления (*othering*) (на примере геополитического конфликта в Молдавии)

З. В. Сергеева. Визуальные проявления идентичности в Кишиневе

Д.В. Басова. Многоуровневая идентичность Приднестровья как модель построения государства для современной Молдавии

А.В. Салаватова. Особенности пространственной идентичности в Гагаузии

М.И. Тисленко. Гагаузы на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора

CONTENTS

EDITOR'S NOTE

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Elizaveta Okuneva. Critics of Democratic Peace Theory: From Realism to Constructivism

Andrey Goloborodko. Cultural Security: The Notion, Resources and the Instruments of Implimentation

Evgeniya Rudenko. Images of Economic Integration Groups in Russian Political Discourse

Aleksei Teteruk, Yan Chizhevskiy. Asymmetric Conflicts in the IR Theory: Contemporary Aspects of Studying

Pavel Brazhnikov. A Case of Struggle between Land and Sea Powers: A Critical Geopolitics Viewpoint

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Yulia Pavlova. Policy of Spain towards the Disputed Territories in the Western Mediterranean

Anna Mazhulina. Spatial Identity in Yakutsk

Anastasia Adelgareeva. Geographical Maps as an Instrument of Politics

Yaroslav Maltsev. Scotland: Nation without Nationalism?

Nikita Semenov. The Re-integration of Iran into the Global Energy Markets and its Geopolitical Implications

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES: Spatial Identities in Moldova

Igor Okunev. Russia and Europe: The Deconstruction of a Discourse of 'Othering': A Case of a Geopolitical Conflict in Moldova

Zlata Sergeeva. The Vizualisation of Identities in Kishenev

Daria Basova. Multilevel Identity in Transnistria as a Model of State-building for a Modern Moldova

Anastasia Salavatova. Spatial Identity in Gagauzia

Maria Tislenko. Gagauzs at the Crossroads: National Identity as a Determinant of a Geopolitical Choice

СОДЕРЖАНИЕ

Г.И. Остапенко. Особенности идентичности болгарского территориального сообщества в контексте полиэтнической Молдавии

П.В. Осколков. Исторический выбор Бессарабии

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА: концепт «столичности» в малых городах России

И. Ю. Окунев. Геохронополитическая идентичность столиц с проблемной государственностью: к постановке проблемы

Д.В. Басова. Старая Ладога – «воображаемая» столица России

Г.И. Остапенко. Интерпретация пространства: пространственные конфигурации Старой Ладоги

Н.И. Еряшев. Новые импульсы в развитии старого концепта северо-западной «столичности» России

Е.С. Окунева. Деконструкция мифа о «столичности» на примере города Мышкина

С.О. Савин. Столица как центр государственного строительства – историческая память о столичности Касимова

Б.А. Барабаш. Символ города в сознании жителей как идентификатор концепта «столичности» на примере городов Касимов и Мышкин

М.И. Тисленко. Касимов и Мышкин: как пространственная идентичность делает одни города более столичными, а другие – нет

А.В. Салаватова. Понятие «столичности» в восприятии жителей малых городов России: на примере Касимова, Мышкина и Старой Ладоги

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА: пространственная идентичность на российско-китайском пограничье

И.Ю. Окунев, Д.В. Басова. Деконструкция пространственной идентичности жителей разделенных городов (на примере Благовещенска и Хэйхэ)

М.И. Тисленко. Пространственные идентичности на российско-китайской границе: случай Благовещенска и Хэйхэ

Н.А. Манжина. Особенности пространственной идентичности приграничного города Благовещенск

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информация для авторов

CONTENTS

76 German Ostapenko. Spatial Identity of the Bulgarian Community in the Polyethnic Moldova

84 Petr Oskolkov. A Historical Choice of Bessarabia

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES: The Concept of 'Capitalness' in Small Russian Towns

89 Igor Okunev. Geochronopolitical Identity of Capitals of a Problematic Statehood: Research Question

96 Daria Basova. Old Ladoga: An 'Imagined' Russian Capital

97 German Ostapenko. Spatial Interpretation: Spatial Configurations in Old Ladoga

102 Nikita Eryashev. New Impetuses to the Development of an Old Concept about North-Western 'Capitalness' of Russia

105 Elizaveta Okuneva. Deconstruction of a Myth about 'Capitalness': a Case of a Town Called Myshkin

107 Sergey Savin. Capital as a Center of State-building: Historical Memory about 'Capitalness' in Kasimov

110 Bogdan Barabash. Town's Symbol in the Mind of its Residents as a Determinant of a Concept of 'Capitalness': The Cases of Kasimov and Myshkin

121 Maria Tislenko. The Cases of Kasimov and Myshkin: How Spatial Identity Makes Some Cities More Metropolitan than Others

116 Anastasia Salavatova. 'Capitalness' in the Mind of the Residents of Small Russian Towns: The Cases of Kasimov, Myshkin and Old Ladoga

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES: Spatial Identity at the Russo-Chinese Border

119 Igor Okunev, Daria Basova. Deconstruction of Spatial Identity in the Separated Cities: The Cases of Blagoveshensk and Heihe

121 Maria Tislenko. Spatial Identities at the Russo-Chinese border: The Cases of Blagoveshensk and Heihe

123 Nadezhda Manzhina. Spatial Identity of a Borderland City of Blagoveshensk

125 ACADEME

127 Information for Authors

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляем Вашему вниманию специальный выпуск журнала «Сравнительная политика», посвященный работе молодых ученых из Клуба геополитических исследований Научного студенческого общества МГИМО Университета. Как сравнительно-политическая, так и геополитическая тематика регулярно освещается на страницах нашего журнала, однако обращение к данной проблематике в формате специального выпуска было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, в последнее время в данной дисциплине наметился существенный парадигмальный сдвиг, отражающий смещение методологической базы от классического реализма в сторону критического конструктивизма. Во-вторых, описанные методологические изменения предопределили разворот геополитики в сторону качественных эмпирических исследований, в том числе, регионального и локального уровня, что составляет прямой интерес сравнительной политологии как научной дисциплины, так и журнала «Сравнительная политика». Наконец, в-третьих, среди читаемых и авторов журнала сформировалась группа молодых исследователей, интересующихся данным направлением и организующих специализированные экспедиции. Подобные факторы приводят нас к выводу о том, что знакомство читателей с критической геополитикой в рамках одной статьи или рубрики будет неполным и нарождающуюся школу правильнее было бы представить более широко и полно – в формате специального выпуска.

Клуб геополитических исследований НСО МГИМО был создан инициативной

группой студентов в 2013 г. при непосредственной поддержке Факультета политологии, Кафедры сравнительной политологии и Фонда развития МГИМО. На его базе была воссоздана Исследовательская группа по политической географии и геополитике Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки. Целью клуба является объединение заинтересованных студентов и приобщение их к научной деятельности путем проведения серии политико-географических эмпирических (в том числе и полевых) исследований и экспедиций. Особое внимание клуб уделяет вопросам критической геополитики, которая предлагает новаторские подходы и методы изучения насущных геополитических проблем. Клуб приглашает к участию и сотрудничеству студентов, аспирантов и молодых исследователей.

В данном сборнике представлены результаты трех экспедиций, проведенные Клубом в 2015 году: исследования пространственных и национальных идентичностей в Молдавии (январь-февраль); изучение роли столиц и развития концепта «столичности» в малых городах России – Мышкине, Касимове и Старой Ладогге (июнь-июль); исследование пространственной идентичности на российско-китайском пограничье – города Благовещенск и Хэйхэ (август). В рамках данных экспедиций фиксировались как осознаваемые, так и неосознаваемые проявления пространственного воображения, проводился сбор письменных и устных материалов, которые в дальнейшем были подвергнуты тщательному анализу.

КРИТИКА ТЕОРИИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА»: ОТ РЕАЛИЗМА К КОНСТРУКТИВИЗМУ

Е.С.Окунева

Предпосылка о том, что внешняя политика демократических и авторитарных государств фундаментально различается, берет начало в ранних сравнительных внешнеполитических исследованиях. Дж.Розенау утверждал, что базовые источники внешней политики в «открытых» и «закрытых» режимах кардинально различаются¹.

Наиболее весомый вклад в изучение влияния типа политического режима на внешнюю политику государства оказала теория «демократического мира» И.Канта,² одна из ключевых теорий либерально-идеалистической парадигмы теории международных отношений, которая привела к появлению эмпирических исследований, предпринявших попытку подтвердить или опровергнуть идеи, выдвинутые Кантом и его последователями (М. Дойл, Д. Бабст, Р. Руммел, Б. Рассет, З.Маоз, Дж. Онил, М. Бирбаум, К. Де Роуэн, Ш. Голдфинч, Дж. Муравчик и др.)³. Основным тезисом

И.Канта является предположение о невозможности войн между демократическими государствами.

Споры вокруг идей И. Канта не прекращаются до сих пор, более того, предположение о невозможности войн между демократическими государствами стало одной из ключевых гипотез теории международных отношений (в первую очередь, её либерально-идеалистической парадигмы). По всей видимости, актуальность и парадоксальность вопроса, поднятого великим немецким философом, неисчерпаемы. Рассмотрим критические замечания в адрес теории «демократического мира»⁴.

Наиболее активными критиками выступили представители реализма. Во-первых, они усомнились в самих эмпирических

¹ Rosenau J. Pre-theories and Theories of Foreign Policy. / *Approaches to Comparative and International Politics* / Edited by R.B. Farrell. – Evanston: Northwestern University Press, 1966. – Pp. 27-92.

² Кант И. О вечном мире / Сочинения в 6 томах / Под ред. В.Ф. Асмуса и др. – М.: Мысль, 1966. – (Ин-т философии АН СССР. Философское наследие) – Том 6. – С. 259-309.

³ См.: Rummel R. *Libertarianism and International Violence* // *Journal of Conflict Resolution*. – 1983. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 27-71; Mintz A., DeRouen K. *Understanding Foreign Policy Decision Making*. – NY: Cambridge University Press, 2010. – 208 p.; Рассет Б. Демократия, экономическая взаимозависимость и международные организации в создании зоны мира // *Теория и практика демократии. Избранные тексты* / Пер. с англ. под ред.

В.Л.Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – С. 426–430; Кулагин В.М. Политические режимы и внешняя политика // *Pro Et Contra*. – 2003. – Том 8. – № 1. – С. 137–151; Кулагин В.М. Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств // *Полис*. – 2004. – №2. – С. 115–124; Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный рах democratica? Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития // *Полис*. – 2000. – №1. – С. 23–37.

⁴ См. Кулагин В.М. Политические режимы и внешняя политика // *Pro Et Contra*. – 2003. – Том 8. – № 1. – С. 137-151; Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // *Международные процессы*. – 2005. – №3. – С. 33-44; Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный рах democratica? Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития // *Полис*. – 2000. – №1. – С. 23–37.

исследованиях, предпринявших попытку подтвердить гипотезу «демократического мира». Г.Фарбер и Дж.Гова обнаружили⁵, что статистически можно судить о «демократическом мире» только после II мировой войны. Силовая политика имела место в ряде ключевых кризисов между демократическими государствами (К.Лейн⁶). К.Лейн выявил, что в каждом случае демократическое сотрудничество и взаимное сдерживание было маловероятным, напротив, более сильное демократическое государство пыталось добиться уступок от более слабого и политически ограниченного оппонента. Кроме того, реалисты обратили внимание на разногласия, существовавшие между демократиями, которые чуть не привели к вооруженным конфликтам. Они приводят несколько примеров, когда демократии объявляли войны друг другу, но реальных вооруженных столкновений не было.

Во-вторых, реалисты считают, что демократиям может быть выгодно дестабилизировать политические режимы других демократий.

В-третьих, критика теории «демократического мира» У.Томпсона показала, что теория фактически принимает причину за следствие. У.Томпсон доказал, что демократии с умеренной внешней политикой оказались в географически более безопасных условиях, тогда как государства, оказавшиеся в более опасных условиях и имевшие более беспокойный путь к демократии, проводили непредсказуемую внешнюю политику (революционная Франция и период правления Тайсё в Японии)⁷.

В-четвертых, сторонники политического реализма определили, что авторитарные режимы также могут вести себя миролюбиво. Реалисты полагают, что авторитарные лидеры более осмотрительны по отношению

к последствиям войны, которые могут привести к их свержению.

В-пятых, главное направление их критики теории «демократического мира» – поиск причин миролюбивости демократий не в институциональных ограничениях или в общности ценностей, а в конкретных военно-политических стратегиях (например, солидарность в противостоянии коммунизму в «холодную войну»). Кроме того, некоторые реалисты утверждают, что мирное состояние может быть характерно для определенной ситуации на международной арене – «до тех пор, пока это выгодно США»⁸.

В-шестых, реалисты подвергли сомнению влияние гражданского общества на отношение демократий к войне, т.к. общественное мнение не всегда рационально, и издержки войны могут негативно отразиться лишь на некоторых социальных слоях.

В-седьмых, по мнению реалистов, сложно считать войны между великими державами просто противостоянием между демократическими и авторитарными режимами. Первая мировая война началась с противостояния преимущественно гибридных (а не авторитарных) режимов Австро-Венгрии, Германии и России (в союзе с демократической Францией). Межвоенный период начался с агрессивного поведения демократий (например, Франции против Веймарской Германии), и достиг кульминации, когда демократические режимы Франции, Великобритании и США не смогли сформировать союз против авторитарных режимов. Распространение демократических режимов не совпадает с периодами мира между великими державами после 1815 г. «Стабильный мир» Европейского концерта (1815–1850 гг.) ставит под сомнение уникальность демократического мира – авторитарные Пруссия, Австрия и Россия (равно как и гибридные Франция и Великобритания) более не были вовлечены в войны, предотвращали кризисы и содействовали сотрудничеству внутри Концерта. Точно также «демократический мир» не описывает длительный мир после 1945 г. Наконец, в мире после холодной войны нынешние отношения между велики-

⁵ Farber H.S., Gowa J. Politics and Peace // International Security. – 1995. – Vol. 20. – No. 2 – Pp. 123–146.

⁶ Layne C. Kant or Cant: The Myth of the Democratic Peace // International Security. – 1994. – No. 19. – Autumn. – Pp. 5–49.

⁷ Thompson W.R. Democracy and Peace: Putting the Cart Before the Horse? // International Organization. – 1996. – No. 50. – Winter. – Pp. 141–174.

⁸ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. – 2005. – № 3. – С. 37.

ми державами поднимают вопрос о ценности теории «демократического мира» для поддержания международной стабильности.

Спорное отношение к теории «демократического мира» встречается и у последователей либерализма, их которого изначально возникла эта теория (например, Ж.Аттали, П.Аснер, Э.Тодд). Так, сторонники либеральной парадигмы теории международных отношений считают, что возможность войны существует, так как демократии могут перестать быть демократиями в случае инициации войны. Кроме того, Э.Тодд⁹ уверен, что демократии со временем неизбежно трансформируются в олигархии, и такая потеря демократиями своей истинной сущности может привести к войне. Помимо потенциальной потери демократиями своей сущности выделяется отсутствие верховного властного органа в мировом сообществе, который мог бы разрешать конфликты, которое может привести к конфликтам между демократиями.

Оппонентами теории «демократического мира» выступили и сторонники конструктивистской школы теории международных отношений (М.Германн и Ч.Кигли, Б.Фарнхам, Т.Рисс-Каппен, Дж.Васкез)¹⁰.

Они критикуют ее, в первую очередь, за недостаточный учет культурно-социальных факторов, а также за использование усреднённого понятия демократии (преимущественно выработанного в рамках базы «Полити»), которое опирается в основном на современные представления о демократии, а не на изменения этих представлений, исходящих из исторического контекста.

⁹ Тодд Э. После империи. *Rax Americana* – начало конца. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 18.

¹⁰ Hermann M.G., Kegley C.W. Rethinking Democracy and International Peace: Perspectives from Political Psychology // *International Studies Quarterly*. – 1995. – Vol. 39. – No. 4. – Pp. 511–533; Farnham B. The Theory of Democratic Peace and Threat Perception // *International Studies Quarterly*. – 2003. – Vol. 47. – No. 3. – Pp. 395–415; Risse-Kappen T. Democratic Peace – Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument // *European Journal of International Relations*. – 1995. – No. 1 – December. – Pp. 491–517.

Во-вторых, конструктивисты замечают, что существует и понятие «скрытой войны», когда демократии занимаются поставкой оружия на мировой рынок.

В-третьих, представители конструктивизма рассматривают демократию как символ, позволяющий определить, кто является другом или врагом на международной арене. Более того, «демократический мир» – это своего рода модель, сформированная, чтобы предотвратить повторение исторических ошибок, например, следующие мировые войны.

Можно обратиться к иным критикам, либо концентрирующим внимание на роли лидерских характеристик во внешней политике демократии, либо, наоборот, – на том, насколько «демократический мир» укоренен в институтах и разделяемых нормах.

И.Орен¹¹ подметил стремительное смещение в восприятии Соединенными Штатами предвоенной имперской Германии: от стабильного законопослушного государства до агрессивной автократии.

Дж.Оуэн,¹² переформулируя модель «демократического мира», ставит вопрос о приверженности лидеров (и внутренней оппозиции) либеральной парадигме во внешней политике. Основываясь на примерах из внешней политики США XIX века, он утверждает, что американские президенты применяли либеральные критерии избирательно, в т.ч. выступая против относительно плюралистических режимов, эксплуатируя тем самым либеральную идеологию для легитимации агрессии против Мексики и Испании.

Таким образом, на основе анализа литературы можно сделать вывод о том, что проблема влияния политического режима на внешнюю политику государства все же остается не исследованной системно, особенно в рамках теории международных отношений, затрагивающей фактор влияния политического режима, но в большей степени рассматривающей влияние внутренней политики на внешнюю политику в целом.

¹¹ Oren I. The Subjectivity of the “Democratic” Peace // *International Security*. – 1995. – Vol. 20. – No. 2. – Pp. 147–184.

¹² Owen J.M. How Liberalism Produces Democratic Peace // *International Security*. – 1994. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 87–125.

Кроме того, большинство исследователей изучают внешнеполитическое поведение в основном демократических режимов, в частности, предпринимая попытку, во-первых, подтвердить или опровергнуть теорию «демократического мира», сформулированную И. Кантом, а, во-вторых, изучить влияние политического режима на характер

войн, их продолжительность, результаты и причины. Наконец, вопрос внешнеполитического поведения государств с гибридным типом политического режима является наименее изученным в сравнительной политологии, поскольку большая часть исследований посвящена внешней политике демократий и авторитарных государств.

Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму

Елизавета Сергеевна Окунева, МГИМО (У) МИД России, магистр «Зарубежного регионоведения», e-mail: elizaveta.okuneva@gmail.com

***Аннотация:** В данной статье рассматривается критика теории «демократического мира» представителями различных школ теории международных отношений – реализма, либерализма и конструктивизма.*

***Ключевые слова:** политический режим, теория «демократического мира»*

Critics of Democratic Peace Theory: From Realism to Constructivism

Elizaveta Sergeyevna Okuneva, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), MA in Regional Studies, e-mail: elizaveta.okuneva@gmail.com

***Abstract:** This article is devoted to the critique of the 'democratic peace' theory by various schools of IR theory, including Realism, Liberalism and Constructivism.*

***Key words:** political regime, 'democratic peace' theor*

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ, РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А.Ю. Голобородько

Выступая в апреле 2015-го года на просветительском форуме в Санкт-Петербурге, доктор политических наук профессор, заведующий кафедрой государственной политики МГУ, президент ОАО «РЖД» В.И. Якунин, рассматривая «пост-капитализм» как новый миропорядок, одним из самых неоднозначных и многомерных воплощений которого является феномен глобализации, аккумулируемый формулой «деньги-деньги-деньги», артикулирует мысль о том, что современная глобализация имеет минимум три измерения: научно-техническое, политическое и идеологическое, основное внимание уделяя именно третьему, идеологическому аспекту; при этом В.И. Якунин подчеркивает, что в современных условиях глобализационного миропорядка тревожным видится тренд на размывание национальных институтов управления, которые замещаются международными организационными образованиями¹.

Почему опасен этот тренд? Вне всякого сомнения, провозглашаемый и активно позиционируемый сегодня в различных каналах коммуникации ориентир на межкультурное сближение, развитие диалога культур, ценностное взаимообогащение видится весьма перспективным... Но жизнеспособен ли он на современном этапе функционирования мирового сообщества, доминирующими стратегиями развития которого, очевидно, выступают экономикоцентризм, превалирование финансовых/материальных интересов.

В нынешних условиях развития мирового сообщества мы становимся свиде-

телями того, что процесс глобализации происходит в условиях явно нарушенного динамического баланса между технологическим и нравственным потенциалом человеческой деятельности. Как вынужден признать известный французский экономист-либерал Жак Аттали, «эра господства экономики породила тотально однородный мир, «эру денег» как всеобщего эквивалента, не знающего различий высшего и низшего, морального и аморального². Мировое сообщество давно уже находится в состоянии системного кризиса, которое характеризуется набором и чередой кризисных ситуаций: экологической, демографической, антропологической, ресурсно-потребительской, ценностной и др. Мифологизация всемогущего рынка, всевластие рыночного механизма – одна из главных причин деформации цивилизационного пространства и сосуществования, с заметным креном в «зоосферу» вместо «ноосферы»³.

Политика в современном «глобализационном обличье» явно эгоистична и слишком часто, причем безнаказанно, пренебрегает простыми нормами нравственности и справедливости. Её можно назвать «царством прав без обязанностей», когда господствует право сильного, экономический шантаж

² Россия должна быть нашим союзником. L'Express [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yug.svpressa.ru/politic/article/112633/> (Дата обращения 22.06.2015 г.).

³ Толстых В.И. Диалог культур в современную эпоху// Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева «Диалог культур в условиях глобализации»// Под общ. Ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Отв.ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 34.

¹ Электронный ресурс [www.cnsr.ru]. Дата обращения 22.06.2015 г.

и политический диктата⁴. Поэтому мы наблюдаем ситуацию, когда политика все чаще «бежит» от морали, и понятно почему: ведь именно мораль призвана обеспечить стеснение «свободу маневров», мораль вся соткана из ограничений и запретов, которые как раз и оберегают человечество от вырождения, а политику и её акторов – от цинизма и бесчеловечности.

В этих условиях в научно-исследовательском сообществе укрепляется точка зрения, в соответствии с которой именно культура становится ключевым фактором развития государств, городов и территорий, поскольку обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических предпосылок.

По мнению болгарского ученого А. Панчева, современному обществу очень нужен созидательный и скрепляющий фактор в виде культуры, поддерживать и развивать который можно только посредством политической организации в виде государства⁵. Сходную мысль находим у профессора С.Г. Кара-Мурза, отмечающего, что современная наука рассматривает общество как сложную систему, которую надо конструировать и создавать, непрерывно воспроизводить и обновлять. Общество находится в процессе непрерывного развития, и функция государства – сохранить общество (обеспечить его воспроизводство), а если в ходе какой-то катастрофы оно утратило системную целостность, как можно быстрее его снова «собрать» на обновленной и прочной матрице⁶.

На сегодняшнем (часто называемом «бифуркационным»), этапе развития мирового сообщества все более активно и обоснованно «звучат голоса» как отечественных,

так и зарубежных исследователей, постулирующих мысль о необходимости поиска адекватного инструментария оптимизации возможностей «сбалансировать экономическое и социально-культурное измерение бытия человека»⁷; иными словами, речь идет о целесообразности поиска ресурсов, выходящих за рамки только экономических (количественных) показателей развития, – ресурсов качественного, культурного порядка.

Человек XXI века оказался погруженным в бездну хаоса, неоднозначности, неопределенности пути и перспектив будущего развития, в ситуацию жизни «одним днем»; в социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память, изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми... жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений – человеческие сообщества становятся короткоживущими, а социальная структура – размытой⁸. Очевидными подтверждениями обозначенных тенденций в условиях развития российского общества последних трех десятилетий, можно, наш взгляд, назвать феномены культурной травмы, контркультуры, культурной десоверенизации⁹.

На авансцену политики, экономики, социального развития в современных условиях выходит проблема человеческого сознания как уникального феномена, динамика, гибкость и продуктивность развития которого способны обеспечить человеку «адаптационный фон» в условиях информационной революции и развития глобализационных процессов. По мнению М. Кастельса, новые

⁴ Там же.

⁵ Панчев А. Культура и нация // Материалы Бакинскому форуму, посвященного памяти Гейдара Алиева «Диалог культур в условиях глобализации» // Под общ. Ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Отв.ред.Гезалов А.А., Мамедзаде И.Р. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 301.

⁶ Кара-Мурза С. Дезинтеграция и консолидация общества, 28 мая 2015. Сайт Центра исследования кризисного общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centero.ru/chair/dezintegratsiya-i-konsolidatsiya-obshchestva> (Дата обращения 22.06.2015 г.).

⁷ Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.319.

⁸ См., например: Якунин В.И. Постиндустриализм. Опыт критического анализа/ В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, С.Г. Кара-Мурза, М.В. Деева, Ю.А. Сафонова. М.: Научный эксперт, 2012. С. 27–28.

⁹ См., например: Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России. 06.05.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/> (Дата обращения 25.05.2015 г.).

информационные технологии в эпоху глобализации являются не просто инструментом для применения, но также процессом для развития, в силу чего в какой-то мере исчезает различие между пользователем и создателем, пользователи могут держать под контролем технологию (как в случае с Интернетом); отсюда следует новое соотношение между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительные силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производственной силой, а не просто определенным элементом производственной системы¹⁰.

В онтологическом (бытийном) плане сознание – есть совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые «пронизаны» смыслом: сознание в актах понимания стремится обнаружить смыслы текстов; понимание, по сути, является процессом смыслообразования. В силу этого сознание можно описать как «множественный самоинтерпретирующийся текст, как понимающее себя эго-сознание, сознание есть мультипликативный самоинтерпретирующийся текст»¹¹. Человек не просто отражает мир, строя модель мира, но, отражая его, вместе с тем, понимает мир сквозь призму своей модели. Понятия «смысл» и «понимание» предполагают друг друга; моделирование действительного мира человеком возможно благодаря пониманию сознанием собственного текста.

В корреляции с актуальной проблематикой «восхождения на Олимп» информационной эпохи в развитии человечества и обусловленной ею необходимости поиска адекватных инструментов осмысления человеком окружающего его мира виртуальных образов и символов, выскажем предположение, что развитие человечества связано сегодня с совершенствованием форм пони-

мания, что, в свою очередь, предполагает формирование многовариантных стратегий понимания и децентрацию (в терминологии Ж. Дерриды и других исследователей постмодернизма) сознания; актуальная задача – поиск формулы, которая позволит решить проблему понимания мира, в котором мы живем.

Понимание – синоним человеческого присутствия в мире, ведь всякий акт понимания – это акт восстановления мира из хаоса цвета, звука, беспредметной разобщенности, это акт восстановления пространственно-временного порядка, это оформление мира в картину мира¹².

Человек всегда жил в трех измерениях – в мире реальном, мире информационном, мире символическом. И именно в современном мире информационные технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события по большому счету только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ, то есть становятся функцией виртуальности.

«Реальность доминирования виртуальности» в глобальном информационном пространстве позволяет адресатам, работая с сознанием человека, обеспечивать среду для формирования нужных образов и символов. На это, как известно, и опирается «мягкая сила», призванная обеспечить «обработку» сознания человека, а точнее, масс посредством информации, знаний и культуры¹³. Эта «мягкая сила», проявляющаяся как особый тип влияния, особый вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией, с возрастающим объемом информации, а также со скоростью и широтой её распространения благодаря новейшим коммуникативным технологиям выступает одним из эффективных инструментов коди-

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Предисловие научного редактора русского издания. М.: Библиотека Гумер-Политология, 2014.

¹¹ Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М». 2000. С.234–235.

¹² Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М». 2000. С.293.

¹³ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы»/Е.Пономарева// «Однако». 26.02.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071> (Дата обращения: 25.05.2015 г.).

рования сознания человека... и зачастую, к сожалению, его (сознания) перекодирования посредством разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти.

Устойчивость общественного развития, особенно в периоды перемен, достигали лишь при включении в его стратегии факторов культуры. По мнению Т. Богатыревой, значение культурной политики в устойчивом развитии российского общества в условиях глобализационных перемен заключается, в частности, а) в формировании общественной идентификации и придании российскому сознанию подлинно общенационального характера; б) в поддержании культурно-интеллектуального воспроизводства нации; в) выработке ценностных оснований взаимодействия сообществ, обучающихся жизни в новых глобальных условиях; г) выработке социокультурных перспектив общественного развития, содержательного видения будущего; д) включении стратегий культуры в решение актуальных проблем российского общества, программу модернизации, повышение качества жизни¹⁴.

Широко известно, что культура существенным образом влияет на состояние национальной безопасности. Ведь именно культурные универсалии являются устойчивыми детерминантами общественного сознания. Система ценностно-смысловых оснований и нравственных норм определяет поведение отдельных индивидов и групп населения в современном обществе¹⁵.

Признавая значимость культурного измерения в конструировании общества посредством технологий государственной политики, нами разработан когнитивно-методологический конструкт, описывающий возможности аккумуляции мощного защитно-охранительного потенциала культуры России в практике обществен-

ного строительства и укрепления жизнеспособности государства. Конструкт разработан в русле политологической инноватики нового поколения как составной части социально-гуманитарной инноватики, призванной быть по своей природе инструментом «погружения» в суть вещей, а не догматизатором и интерпретатором внедренных теорий.

«Фоном» для разработки конструкта выступают Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.¹⁶ и подписанный в декабре 2014 г. Указ Президента РФ об «Основах государственной культурной политики»¹⁷; в ходе нашего исследования, в контексте «Стратегии...» и «Основ...», выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как фундамента государственности, фактора национальной безопасности, ресурса социально-культурного развития, предпосылки экономического роста.

В состав разрабатываемого нами инструментария государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности современной России входит, в частности, описание технологий, предусматривающих, с учетом очевидной тенденции изменения, в рамках информационного общества, природы политической власти (она (власть) сегодня переместилась в виртуальное пространство – в мир образов, имиджей и символов), «работу с умами людей», с человеческим сознанием, понимаемым нами как «совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые «пронизаны» смыслом»¹⁸.

¹⁴ Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России/Т. Богатырева// Государственная служба. 2002, № 5(19) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rags.ru>

¹⁵ Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.astanaforum.kz/2010>

¹⁶ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы»/Е. Пономарева// «Однако». 26.02.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071> (Дата обращения: 25.05.2015 г.).

¹⁷ Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России/Т. Богатырева// Государственная служба. 2002, № 5(19) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rags.ru/>

¹⁸ Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М». 2000.

В корреляции с мнением одного из идеологов информационной революции М. Маклюэна, отмечавшего, «... чтобы быть эффективным в современном мире информации, необходимо активизировать в сознании людей систему национальных культурных приоритетов и адаптировать культурные традиции к новым средствам коммуникаций»¹⁹, нами рассматриваются механизмы культурного просветительства, содержательное наполнение которых обеспечивается концептуализацией ценностей как фактором культурной безопасности и условием культурного строительства; ведь именно культура, способствуя ценностному пониманию, осмыслению и осознанию бытия в его единстве и взаимозависимости, существенным образом влияет на состояние национальной безопасности²⁰.

В развитие позиции В.В. Сергеева концепт «культурная безопасность» как важнейший компонент в системе национальной безопасности (и одновременно фактор её – национальной безопасности – укрепления) рассматриваем в следующих измерениях: культурно-духовное состояние общества и духовная культура его членов; управленческое воздействие и государственная культурная политика (а также политика, направленная на обеспечение безопасности и минимизацию рисков, угроз и вызовов в сфере культуры); модернизация элементов социума, развитие институтов и социальных систем в направлении утверждения высокого качества жизни²¹.

Культурное просветительство как фактор обеспечения культурной безопасности в системе механизмов государственной культурной политики в рамках нашего конструкта репрезентирует инструментарий взаимодействия общества и государства по внедрению культурно-просветительского контента в «текст» современного дискурса социальных коммуникаций.

Полагаем, релевантным в аспекте факторного сопровождения среды культурного просветительства как предпосылки укрепления культурной безопасности может быть рассмотрение современного лингвокультурного пространства, описываемого нами, например, в контексте, с одной стороны, технологического обеспечения «мягкой силы» как фактора укрепления в каналах международных коммуникаций гуманитарного влияния России, а, с другой, содержательного и инструментального наполнения политики культурного просветительства во внутрироссийском пространстве социальных коммуникаций.

С учетом того, что имидж страны в информационном пространстве во многом формируется под воздействием символического капитала национальной культуры (известный французский социолог П. Бурдьё к символическому капиталу культуры относит прежде всего коллективную память, общественные цели, культурные символы и духовную сферу социума), уместно, на наш взгляд, говорить о том, что символический капитал российской культуры основан на вере и признании миллионов людей, которые считают этот капитал ценным для себя и для других, которые верят в ценности, принципы и традиции нашей национальной культуры, идентифицируя себя с ней, и, наконец, над «умами» (сознанием) которых она (культура) имеет реальную власть²².

Как отмечает И.А. Василенко, в «условиях информационной революции одной из ключевых задач для каждого государства является создание конкурентной идентичности, способной сделать образ страны в мировых каналах коммуникаций привлекательным, уникальным, конкурентоспособным и высокоэффективным»²³. При этом сравнительный анализ успешных имиджевых стратегий различных государств современного мира позволяет констатировать, что поиск инноваций в имиджевой сфере

¹⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/2009/05/13/>

²⁰ Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина № 808.

²¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 101–103.

²² Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 101–103.

²³ Василенко И.А. Новые тенденции мирового опыта ребрендинга государств: уроки для России // Сборник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2014. С. 131.

идет в русле реинтерпретации уникальных национальных культурных традиций (показательны в этой связи, в частности, примеры Швейцарии, а также Бразилии и Индии, активно прибегающих в рамках имиджевых кампаний к позиционированию и использованию ресурсов, составляющих ядро их культурного наследия).

Полагаем, вопрос поиска и позиционирования конкурентной идентичности (и в этом мы солидарны с И.А. Василенко) – важнейший в системе координат, описывающей природу и инструментарий стратегического имиджевого планирования современной России.

Полагаем, актуальными задачами в рамках поиска адекватных инструментов укрепления культурно-цивилизационной идентичности и разработки результативных механизмов имиджевой стратегии страны на современном этапе развития России – это, во-первых, создание условий для того, чтобы россияне снова научились гордиться тем, что они – носители высокой культуры, потомки Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова... (ведь только через рост самоуважения к себе можно добиться уважения к себе других народов); и, во-вторых, активное применение современных технологий при проведении имиджевых кампаний как важнейшего компонента государственной культурной политики (ср.: С. Караганов «Российское влияние в информационно-идейной сфере по-прежнему невелико. Россия не использует капитал, унаследованный от прошлых веков. Во многом это связано с тем, что она не нашла свою новую идентичность, а барахтается в идеологических клише ушедшего столетия, «пятится вперед»²⁴).

Культурный потенциал России, бесспорно, значителен, и совместная задача государства и общества, в контексте усиления культурной безопасности и укрепления имиджа страны, с одной стороны, создать условия для развития культуры как самоценности внутри страны, а, с другой, – активизировать возможности для трансляции

²⁴ Караганов С. В чем сила, брат?// С.Караганов// Россия в глобальной политике. 27.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/pubcol/V-chem-sila-brat-15757>. (Дата обращения 25.05.2015).

ценностного ядра культуры России в международных каналах коммуникаций.

Исторически российская государственность строилась как государство-цивилизация²⁵; государства-цивилизации полифоничны и гетерогенны: идентичность в них двухуровневая – этнонациональная и цивилизационная; государство-цивилизация легитимизирует культурно-цивилизационную идентичность, выдвигая интегративный идентификатор для всей общности.

На наш взгляд, в качестве одной из конкурентных идентичностей современной России целесообразно рассматривать культурно-цивилизационный интегративный идентификатор, усилия (как со стороны государства, так и общества) по актуализации содержательного наполнения и позиционирования которого способно придать импульсы развитию российского цивилизационного проекта.

Считаем, выдвижение культурно-цивилизационного интегративного идентификатора может стать одной из основ концепции культурного развития России, к необходимости разработки которой призывал академик Д.С. Лихачев, справедливо полагая, что российское государство должно стать гарантом взращивания гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность совершенствования человека и общества, ведь «... без культуры в обществе нет и нравственности, а без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука»²⁶.

В рамках анализа ресурсов «мягкого\гибкого» привлечения и убеждения мы рассматриваем «мягкую силу» как коммуникативную технологию, в «багаж» инструментов которой интегрирована трансляция лингвокультурных концептов, которые, в свою очередь, являются носителями и распространителями ценностей.

²⁵ Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов/ В.Э. Багдасарян// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 1. С.47.

²⁶ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999, С. 640.

Лингвокультурный концепт (как базовая единица лингвокультурологической концептологии, исследовательское поле которой формируется трихотомией «язык-сознание-культура») отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, гештальт и др.), акцентуацией ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип²⁷.

Как известно, одним из возможных подходов к изучению лингвокультурных концептов является построение их ассоциативной модели. Лингвокультурный концепт функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами; интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности²⁸. Лингвокультурный концепт является двусторонним ассоциативным феноменом: его языковую реализацию нельзя сводить лишь к процессу означивания его собственного референта; параллельно всегда протекает процесс эксплуатации концепта для означивания других сущностей, выражающийся во вторичных (автономных или фразеологических значениях имени концепта²⁹).

В лингвокультурном концепте выделяется интразона (совокупность «входов в концепт» = его номинативная плотность) и экстразона (совокупность выходов = его метафорическая диффузность): полагаем, одним из измерений рассмотрения лингвокультурных концептов в контексте разработки продуктивного инструментария «мягкой силы» может являться описание

условий обогащения интразоны концепта посредством развития его экстразоны (пример – лингвокультурные концепты «Крым» и «историческая (культурная) память»; именно создание условий для обогащения интразоны концепта «Крым» посредством активного функционирования его экстразоны в виде «исторической памяти» в каналах международной коммуникации способно, на наш взгляд, обеспечить продуцирование качественного сдвига во «внешнем» восприятии событий весны 2014 г. и минимизировать его антироссийскую риторику.

Продуктивным и релевантным, на наш взгляд, в контексте лингвокультурной концептологии как особого измерения «мягкой силы» может быть подход, посредством которого возможно разрушение искусственно конструируемых в ангажированном коммуникативном пространстве «квази» интра/экстразон ценностноориентированных лингвокультурных концептов (релевантным здесь, на наш взгляд, являются, например, усилия, направленные на эксплицирование развития концептосферы российских топонимов) – совокупности исходящих и входящих формальных ассоциаций.

Перспективным и результативным в рамках исследовательского поля инструментария укрепления гуманитарного влияния России, может, на наш взгляд, выступить подход, предусматривающий формирование контента smart power (умной силы), трактуемой как баланс твердой и мягкой силы: полагаем, релевантным в этом контексте могут быть коммуникативные технологии, направленные на позиционирование ценностных доминант русской культуры: А. Вежицкая, например, к такому относит, например, концепты «душа» и «судьба»³⁰.

В новых условиях функционирования мирового сообщества в эпоху доминирования власти символов перед Россией стоят чрезвычайно сложные задачи, и разработка эффективной долгосрочной имиджевой политики приобретает стратегическое значение. И, чтобы стать по-настоящему успешной, эта политика должна, как считает

²⁷ Карасик В.И. Культурные доминанты в языке/ В.И. Карасик//Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

²⁸ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена. 2004. С.52.

²⁹ Там же, С.54–55.

³⁰ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. Словари, 1997. С.33.

профессор И.А. Василенко, быть многосторонней и многогранной, а технологический инструментарий – максимально широким: от разработки яркой идейной концепции и системного охвата всех каналов коммуникации до активизации усилий публичной дипломатии в рамках системного имиджевого позиционирования³¹; считаем, что действенным институтом публичной дипломатии в рассматриваемом контексте могут и должны стать, например, международные образовательные и культурно-просветительские проекты, реализуемые российскими организациями высшего образования в партнерстве с зарубежными вузами; более того, полагаем, сегодня со стороны Министерства образования и науки РФ и Россотрудничества должны быть предприняты меры, направленные на поддержку инициатив организаций высшего образования России в области распространения русского языка и культуры в международном пространстве: положительных, результативных проектов в этой сфере предостаточно, необходима их систематизация и оптимизация возможностей для расширения и обмена опытом в методическом, технологическом, организационном и др. аспектах.

В отношении «внутрироссийского» измерения возможностей трансляции, в контексте инструментария государственной культурной политики, лингвокультурных концептов как носителей ценностей в рамках культурного просветительства релевантной средой видим современный российский педагогический дискурс.

Применительно к педагогическому курсу разрабатываемый нами конструкт укрепления культурной безопасности конкретизируется описанием его факторных, содержательных и инструментальных (с точки зрения позиционируемой гипотезы результативности аккумуляции защитно-охранительного потенциала культуры в практике государственной культурной политики) свойств в ценностно-целевом из-

мерении. Цель педагогического дискурса³² – социализация члена общества; специфика ценностей педагогического дискурса состоит в том, что он является основой для формирования мировоззрения члена общества, поэтому включает в себя континуум доминирующих в культуре моральных и нравственных установок.

С точки зрения изучения актуального потенциала «культуроустремленных» свойств педагогического дискурса продуктивным представляется активное позиционирование и развитие в рамках моделирования образовательной среды познавательно-развивающей парадигмы в построении образовательного процесса, описание которой предложено профессором Г.И. Герасимовым³³. Личности – участнику подобной образовательной модели – имманентно присущи качество инновационности и способности к инновации как свойства, которые обеспечивают не только адаптацию к быстро меняющейся социальной и профессиональной реальности, но и возможность воздействия на нее. В этой связи выскажем предположение, что активное применение инструментария государственной культурной политики в рамках развития познавательно-развивающей парадигмы современного педагогического дискурса способно обеспечить создание благоприятной среды для того, чтобы в сознании участников образовательного процесса концепты «труд», «ответственность», «творчество» идентифицировались как неотчуждаемые ценности, превращаясь в «деонтические понятия» (по терминологии Ф. Херманнса), функционирующие не только как «индикаторы» общественных исторических процессов, но выступающие «факторами» этих процессов.

Позиционируемый нами в качестве актуального и востребованного в нынешних усло-

³¹ Василенко И.А. Имиджевая стратегия современной России. Портал «Перспективы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=290229> (Дата обращения 25.05.2015 г.).

³² Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса/В.И. Карасик//Этнокультурная специфика речевой деятельности: С. Обзоров/ РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед.. М., 2000.

³³ Герасимов Г.И. Познавательно-развивающая парадигма: инновационное измерение трансформации образования/Г.И. Герасимов // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. № 4, 2013. С. 117–134.

виях развития российского социума «культурноцентричный» содержательный компонент современного педагогического дискурса, предусматривающий необходимость расширения пространства и обогащения инструментов трансляции в познавательно-развивающей образовательной среде ценностного контента российской культуры, в значительной степени коррелирует с целевыми ориентирами внедряемых сегодня в практику деятельности образовательных организаций новых государственных стандартов, что, очевидно, усиливает возможности для повышения результативности использования инструментария государственной культурной политики в сфере культурно-исторического просвещения, обучения и воспитания.

Продуктивным в контексте развития платформы культурного просветительства видится вектор разработки «семейноориентированного» тренда педагогического дискурса: современная ситуация в сфере воспитания требует создания более эффективной системы социально-педагогической поддержки семьи и актуализации в рамках педагогического дискурса традиционного ценностного (концепты «брак», «семья», «материнство», «отцовство») ядра российской культуры. В дальнейшей проработке вопроса о «приложении» инструментария государственной культурной политики в рамках развития актуальных форм оптимизации возможностей социализации ребенка и развития взаимодействия в системе «педагоги – дети – родители» как модели педагогического дискурса (и микромоделей конструирования социальных общностей) видим одну из перспектив нашего исследования.

Признавая, что перечень представленных подходов к рассмотрению возможностей трансляции в пространстве социальных коммуникаций потенциала аккумулированных в лингвокультурных концептах ценностей носит в значительной степени предварительный характер (безусловно ценным и эффективным в этом контексте может быть, в частности, рассмотрение фикционалем, идеологием и др.), считаем, что предлагаемый инструментарий имеет перспективы с точки зрения построения моделей конструирования

языкового сознания и коммуникативного процесса в интересах позиционирования ценностного ядра российской культуры и укрепления культурной безопасности: культурные прототипы позволяют продемонстрировать специфику исторической памяти и ценностных предпочтений лингвокультурных общностей в синхронии и диахронии, способствуя, с одной стороны, укреплению культурной суверенизации общности, с другой, разрушению шаблонности и ангажированности её (общности) восприятия в каналах международных коммуникаций.

С учетом того, что знание и информация – главные характеристики современной эпохи в развитии человечества, отличительной чертой которой является то, что «преуспевают сегодня те, кто формулирует повестку дня, выявляет новые проблемы и предлагает уникальные технологии для их решения»³⁴. На наш взгляд, важнейшей технологией преодоления кризисных (многомерных по своей природе) явлений в России является именно социально-культурная платформа, эксплицируемая, в частности, представляемым нами инструментарием культурного просветительства как компонентом государственной культурной политики, активное использование которого способно обеспечить опору на «незыблемые основания, производные от национально-го уклада, традиций и идеалов народа при решении задачи укрепления устойчивости российского государства»³⁵.

³⁴ Черный В.В. Глобализация демократии: интеллектуальная революция «информационного общества» и «темная материя» глобальных финансов/В.В. Черный, А.В. Цыкало // Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева «Диалог культур в условиях глобализации»// Под общ. Ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Отв. ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 389.

³⁵ Акопов П. Шо, опять? //П. Акопов//Культура. № 19, 5–18 июня 2015 г.

Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения

Андрей Юрьевич Голобородько, кандидат филологических наук, доцент Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)

***Аннотация:** В статье представлено описание некоторых компонентов когнитивно-методологического конструкта, позиционируемого в формате инструментария государственной культурной политики как фактора укрепления культурной безопасности в системе национальной безопасности современной России. Конструкт репрезентирует возможности аккумуляции, посредством инструментария государственной культурной политики, мощного защитно-охранительного потенциала культуры России в практике общественного строительства и укрепления жизнеспособности государства.*

***Ключевые слова:** культурная безопасность, государственная культурная политика, национальная безопасность, культурное просветительство.*

Cultural Security: The Notion, Resources and the Instruments of Implimentation

Andreu Yurievich Goloborod'ko, PhD, Associate Professor, Deputy Director for studies and educational work at Anton Chekhov Taganrog Institute (branch of Rostov State University of Economics)

***Abstract:** The paper deals with the description of some components for cognitive-methodological construct considered in the context of state culture policy tools as factor of strengthening of cultural security in the system of national security of the modern Russia. The construct presents the possibilities to accumulate through state cultural policytools a powerful protecting potential of culture in Russia in social formation and strengthening of the state viability.*

***Key words:** cultural security, state cultural policy, national security, cultural enlightenment.*

ОБРАЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Руденко

Экономические интеграционные объединения – международные организации, созданные с целью обсуждения наиболее важных вопросов, касающихся межгосударственного партнерства, а также для прояснения позиций стран и разработку возможных планов совместной деятельности на ближайшее будущее. И поскольку в современных реалиях жизнь внутри государства очень тесно переплетена со сферой международных отношений, работа этих объединений постоянно находится в поле зрения общественности, причем как на официальном, так и на неофициальном уровнях¹.

В нашей стране вполне активно происходит обсуждение деятельности экономических интеграционных объединений. Российская общественность обращает внимание на все детали прошедших саммитов, и поэтому вполне возможно определить, какая же оценка дается деятельности интеграционных объединений в российском политическом дискурсе: то ли наше общество понимает, что проекты, разрабатываемые на этих саммитах, могут повлечь за собой качественные изменения в работе мирового сообщества, то ли граждане предполагают, что принимающая страна просто тратит средства на организацию круглого стола для обсуждения лидерами государств вопросов личной привилегии.

Итак, образы подобных организаций формируются в сознании российских гражд-

дан в течение определенного периода². Безусловно, наибольшее внимание привлекают образы объединений, к работе которых Россия имеет непосредственное отношение, так как через эти образы можно понять какую поддержку имеет деятельность государства в данном направлении, имеются ли возражения против работы в таком формате. Какие же это объединения, и что они из себя представляют в российском политическом дискурсе? Какой образ формируется в общественном сознании и как граждане представляют его положение на международной арене?³

Начать следует, с одного из самых популярных в российском политическом дискурсе объединений – БРИКС. Данная группа представляет собой альянс очень значительных мировых экономик, которая прежде всего оценивается как достаточно организованная альтернатива западной гегемонии. Проекты БРИКС нередко становятся предметом обсуждения для граждан нашей страны, в России внимательно следят за каждым отдельным саммитом объединения. Пресса активно комментирует встречи лидеров стран и подробным образом сообщая

² Коньшев В.Н. Современные теории международных отношений. / В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2013. – С. 327–343. [Konyshev V.N. Sovremennyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. / V.N. Konyshev, A.A. Sergunin – Sankt-Peterburg. SPBGU, 2013. – S. 327–343.]

³ Wolf Ch. Jr., Rosen B. Public Diplomacy: How to Think about and Improve It. / Ch. Jr. Wolf, B. [Electronic resource] // RAND-Initiated Research. RAND Corporation. 2004. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2004/RAND_OP134.pdf

¹ Журавская Е.Г. Региональная интеграция в развивающемся мире. / Е. Г. Журавская. – М. Наука, 1990. С. 135–148. [Zhuravskaya E.G. Regionalnaya integratsiya v razvivayuschemsya mire. / E.G. Zhuravskaya. – M. Nauka, 1990. S. 135–148.]

ет их итоги, уделяет внимание статистике, приводя конкретные суммы и даты. Детально описываются цели и задачи, ход и итоги переговоров. К тому же, все несущественные подробности общения лидеров стран не имеют никакого значения, что свидетельствует о серьезных и профессиональных намерениях предоставления информации. Если судить не столько по значительной актуализации работы организации, сколько по определенному ей месту в сфере международных отношений, то граждане нашей страны полагают, что Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР – выгодные партнеры, сотрудничество с которыми должно привлекать все современные государства.

Важно отметить, что значение России и ее лидирующая роль в данном объединении всячески подчеркивается. Активизация БРИКС оказывается нередко связана преимущественно с нарастанием противостояния России и Запада, и внимание акцентируется на том, что отворачиваясь от России, Евросоюз остается лишь наедине с собой, в то время как России есть куда «обратиться».

Сразу после БРИКС вспоминается такое экономическое интеграционное объединение, как ШОС. Спектр задач, поставленных перед ШОС, очень широк, что на практике может не очень позитивно отражаться на образе, который имеет организация в общественном сознании, ведь шесть государств, два из которых занимают явно лидирующие позиции, в краткие сроки, отведенные на обсуждение важных вопросов, могут иметь очень большие сложности в достижении консенсуса. И действительно, не смотря на сформированное в общественном мнении уважение к деятельности организации, граждане России все больше и больше замечают, как мнения членов группы расходятся по основополагающим вопросам.

Нельзя не отметить и то, что в последнее время Шанхайская Организация сотрудничества в сознаниях рядовых граждан становится «приложением» к образу БРИКС. Сотрудничество стран в таком формате не считается приоритетным для России, и в целом ее авторитет не выходит далеко за рамки региона.

Но образ ШОС все же не является популярным образом БРИКС, для того чтобы заме-

тить контраст, можно рассмотреть интеграционное объединение «Большая двадцатка». Размер и качественный состав объединения на первый взгляд диктуют высокую степень его влияния на мировую политику. Но на деле, такой форум постепенно превратился из дельного обсуждения в демонстрацию государственных интересов государств-гегемонов, и оказаться объектом наблюдения личностного взаимодействия представителей стран.

Действительно, внимание российских граждан привлекают далеко не обсуждения и итоговые коммюнике «Большой двадцатки», но досрочный отъезд Владимира Путина с австралийского саммита, фотографии жен лидеров стран с коалами, встреча российского президента с партнерами по БРИКС, в виде исключения. Отношение российских граждан к данному объединению устойчиво скептическое, поскольку обсуждения заранее сводятся к деталям, не имеющим никакого отношения к влиянию организации на мировую политику. Никаких серьезных надежд общественность в нашей стране на организацию не возлагает и расценивает ее как площадку, где лидеры стран могут «показать себя» всему миру. Позиция России в данном случае, имеет мощную поддержку, а то, что главенствующее положение наше государство внутри организации не занимает, расценивается, скорее, как экономия сил и времени, а так же сохранение собственного достоинства.

Наконец, еще меньше значения придается деятельности организации «Большая восьмерка», также известной в российском политическом дискурсе, как «один плюс семь» или скорее даже «один против семи». Итоги встреч лидеров стран обсуждаются редко, сжато, имеется только общая картина «расстановки сил» внутри организации, в которой Россия вовсе не оказывается «забитой в угол» и принужденной согласиться с мнением большинства.

У российской общественности смена внешнеполитического курса с тесного сотрудничества со странами «Большой восьмерки» на негласное противостояние им не вызывает никаких негативных чувств и тем более сожаления. Большинство граждан убеждены в том, что объединение не при-

носило никакой пользы ранее и не имеет никакого потенциала для серьезных изменений в будущем, политический курс страны в этом направлении имеет мощную поддержку, все довольны, что Россия наконец прекращает это унижение и закачивает с «поездками в Золотую Орду за ярлыком на княжение»⁴, отклоняясь от этого геополитического курса и разрабатывая свой собственный, в наибольшей мере отвечающий ее интересам.

Образ экономических интеграционных объединений в политическом дискурсе – обобщенное представление граждан о деятельности организации, о том, какие задачи ставятся перед ней и каким образом лидеры стран договариваются о сотрудничестве в области решения проблем. Через образ выражается отношение граждан к своей стране и странам-партнерам по экономической и политической деятельности, к самим проблемам, стоящим на повестке, к эффективности предложенных методов защиты личных интересов страны и общих интересов коалиции, о компетентности российских и зарубежных политических деятелей.

Если бы возникла необходимость расположить данные объединения в традиционной последовательности по образу, сложившемуся в представлениях российских граждан, то БРИКС и «Большая восьмерка» были бы поставлены на противоположные полюсы, а ШОС и «Большая двадцатка» в середине, причем ШОС ближе к полюсу БРИКС, а «Двадцатка» со стороны «Восьмерки». Не стоит, однако, забывать о таком важном факторе, как текущий политический климат. Ведь не смотря на отсутствие конструктивно выработанных решений внутри «Большой восьмерки», ее деятельность не критиковалась в такой степени, как сейчас, а деятельность БРИКС привлекала гораздо меньше внимания, чем сегодня. Поэтому остается лишь добавить, что вполне велика

вероятность того, что по прошествии нескольких лет, ситуация с образами экономических интеграционных объединений в российском политическом дискурсе может кардинально измениться.

⁴ Социальная сеть вконтакте, страничка группы «Коротко о Главном. Политика» комментарий пользователя Александра Добранского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/wall-55638861?q=большая%20восьмерка&w=wall-55638861_380679%2Fall

Образы экономических интеграционных объединений в российском политическом дискурсе

Евгения Васильевна Руденко, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: По сравнению с другими странами, российские граждане пристально наблюдают за тем, что происходит за пределами страны, тем более если это касается экономического партнерства и участия России в деятельности различных организаций и объединений. Официальная позиция по поводу сотрудничества России с другими государствами в различных форматах четко формулируется в общероссийских государственных средствах массовой информации, но общественное мнение при этом не учитывается. Однако с помощью образов, создаваемых в политическом дискурсе, можно понять, какую поддержку имеет деятельность государства в данном направлении, что необходимо, учитывая стремление к повышению политической активности граждан.

Ключевые слова: критическая геополитика, экономическая интеграция, экономические интеграционные объединения, образ, российский политический дискурс.

Images of Economic Integration Groups in Russian Political Discourse

Evgeniya Vasil'evna Rudenko, BA Student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: In comparison with other countries, Russian citizens watch all the details of everything that happens outside the country, especially if it concerns economic partnerships and Russia's participation in different organizations and associations. The official view of Russian cooperation with other countries in various formats is presented in nationwide media, though the public opinion is not usually accepted there. However, with the help of images, that are created in the political discourse, one can understand, what kind of support can the government expect, working in a certain direction, which is important, considering the aspiration to raise awareness and civil activity.

Key words: critical geopolitics, economic integration, economic integration associations, image, Russian political discourse.

АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ*

А.С. Тетерюк, Я.А. Чижевский

Вооруженные конфликты как средство разрешения противоречий внутри государства и между государствами остаются одной из центральных составляющих международных отношений. Учитывая тот факт, что современная система международных отношений сегодня характеризуется значительным уровнем нестабильности, вероятность возникновения вооруженных конфликтов в различных регионах мира является как никогда высокой. Так как для любого государства это означает прямую угрозу национальной безопасности, на современном этапе развития общества центральными задачами любого государства становятся воспрепятствование появлению конфликта и, если конфликт уже имеет место, его успешное урегулирование. Однако если урегулирование конфликта мирными средствами и своевременно является маловероятным, государству необходимо быть готовым к вооруженной борьбе с противником, который может быть представлен как государством, так и внутренними силами или негосударственными акторами.

Многие авторитетные исследовательские центры, изучающие проблемы конфликтов, сходятся в том, что в будущем вооруженные (военные) конфликты будут оставаться ключевым аспектом политики государств. Вместе с тем, конфликты продолжают развиваться и усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Новейшие вооруженные конфликты последних лет (конфликты в Ираке, Афга-

нистане, Ливии) во многом отличаются от традиционных, поскольку в них преобладает асимметричный характер боевых действий. Такой тип вооруженных конфликтов как асимметричные боевые действия становятся преобладающим типом конфликта в мире, в который вовлекается все большее количество стран. Асимметричные боевые действия в целом понимаются как конфликт между неравными противниками, в течение которого более слабый противник прибегает к использованию неконвенциональных методов ведения войны. Часто такие конфликты возникают между государственным актором (например, США) – с одной стороны, и либо идеологически заряженной вооруженной группировкой (Аль-Каида), либо вооруженной группировкой сопротивления (движение «Талибан» в Афганистане – с другой. Более того, поскольку такие факторы, такие как религия и технологии все сильнее влияют на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику, большинство военных столкновений уже нельзя рассматривать сквозь призму традиционных подходов и методов анализа.

Понимание характера современных сложных конфликтов, потенциалов противоборствующих сторон и тактики ведения ими военных действий является ключевой задачей для государства, от которой зависят не только издержки, которые несет государство (в финансовом, материальном, техническом отношении), но и его фактическое «выживание» в системе международных

* Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, ивент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

отношений и сохранение государственности как таковой.

По мнению авторов доклада, методы изучения вооруженных конфликтов и, в особенности, асимметричных конфликтов на текущий момент являются недостаточно эффективными. В большинстве случаев изучение подобного типа конфликтов сводится к «традиционным» способам, предполагающим его описание, выявление противоборствующих сторон, перечисление их сильных и слабых сторон и т.д. Однако подобная методика исследования конфликтов не всегда ведет к появлению концептуально нового знания относительно таких конфликтов. Простое исследование конфликтов с помощью традиционных дескриптивных методов не приводит к выработке новых теорий, схем и методов, которые внесли бы ценный вклад в теорию вооруженных конфликтов и асимметричных конфликтов в частности. Авторы считают, что на данный момент в современных исследованиях, как отечественных, так и западных, посвященных асимметричным конфликтам, все сильнее ощущается нехватка новых методов изучения конфликтов. Таким образом, конфликты нового типа представляют собой определенный теоретико-методологической «вызов» науке о современных международных отношениях.

Ввиду этого авторы намерены продемонстрировать потенциал количественных методов анализа, которые могут быть успешно использованы в изучении таких явлений в международных отношениях как асимметричные конфликты.

На примерах казусов Афганистана и Ливии, авторы продемонстрируют использование следующих методов: количественный ивент-анализ, регрессионный анализ. Ивент-анализ представляет собой количественный метод, который направлен на сбор и обработ-

ку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние дел. Преимуществом подобной методики является ее эффективное применение для изучения военных конфликтов, когда необходимо сравнение многочисленных различных событий, которые впоследствии агрегируются, подсчитываются и описываются, например, в терминах количества или численности участников.

Многомерный статистический (регрессионный) анализ дополняет другие классические методы ситуационного анализа международной проблематики, так как позволяет смоделировать текущие процессы. Весьма часто в прикладных исследованиях возникают вопросы о наличии или отсутствии связи между различными характеристиками параллельно протекающих процессов. Именно эконометрические методы позволяют решить подобные исследовательские задачи. Многомерный статистический анализ – это совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных, который позволяет ответить на вопрос о наличии тренда (траектории развития).

Авторы считают, что с помощью количественных методов и методик анализа международных отношений на примере асимметричных конфликтов, станет возможным: выявить причинно-следственные связи между различными переменными, характеризующими конкретный конфликт, что позволит более системно описать военную ситуацию в стране, на территории которой ведутся боевые действия; оценить степень эффективности военной кампании сторон, участвующих в конфликтах асимметричного типа; определить, какие факторы влияют (не влияют) на выбор акторами той или иной тактики военных действий; оценить степень результативности военной кампании.

Асимметричные конфликты в теории международных отношений: современные аспекты изучения

Алексей Сергеевич Тетерук, студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО (У) МИД России;

Ян Андреевич Чижевский, студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В представленном исследовании авторы намерены продемонстрировать потенциал количественных методов анализа, которые могут быть успешно использованы в изучении таких явлений в международных отношениях как асимметричные конфликты.*

***Ключевые слова:** конфликты, теория международных отношений, урегулирование конфликтов, количественные методы.*

Asymmetric Conflicts in the IR Theory: Contemporary Aspects of Studying

Alexei Sergeevich Teteruk, MA Student, Programme 'Political Expertise and GR-strategies', MGIMO University;

Yan Andreevich Chizhevskiy, MA Student, Programme 'Political Expertise and GR-strategies', MGIMO University.

***Abstract:** The authors are inclined to regard the potential of quantitative analysis that can be used for studying asymmetric conflicts.*

***Key words:** conflicts, IR theory, conflict resolution, quantitative methods.*

ПРИМЕР РАССМОТРЕНИЯ БОРЬБЫ ДЕРЖАВ СУШИ И МОРЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

П.П. Бражников

В классической геополитике широко распространена такая географическая концепция как борьба держав суши и моря. В данной концепции основной причиной различия политического и общественного строя государств является различие в их расположении относительно морских торговых путей. Так «державы моря» имеют хорошо развитую торговлю, рыночную экономику, и, как следствие и демократию. Тогда как «державы суши», имеющие континентальное расположение, являются консервативными государствами со значительно большим ограничением свобод¹. Классическая геополитика рассматривает борьбу этих двух типов государств и приводит три типичных примера: Афины и Спарта, Карфаген и Рим, США и СССР. При этом Афины, Карфаген и США – державы моря. В данной статье мы рассмотрим этот процесс борьбы суши и моря с точки зрения критической геополитики.

Сразу следует отметить, что данная теория развивалась в первую очередь западными учеными (Х.Д. Маккиндер, А. Мэхэн), где в сознание современных обывателей твердо закладывают геополитические концепты демократии, как наиболее развитой системы правления. Поэтому при описании представителями западной политической элиты других стран видна тенденция привести в этот анализ элементы национальных мифов. Аналогичный пример влияния национальных мифов на политический анализ нам приводит Т. Гоббс. Он пишет: «так как афинян поучали (чтобы удержать их от стремления к изменению форм правления), что они

свободные люди и что все живущие при монархии рабы, то Аристотель пишет в своей «Политике» (книга 6, глава 2): «Демократия предполагает свободу, ибо считается общепринятым, что никто не свободен при ином образе правления»². При этом сам Аристотель, сравнивая государственное устройство Карфагена и Спарты, находит их очень схожими, хотя классическая геополитика относит одно государство к морским державам, а второе – к континентальным, с вытекающей из этого разницей в демократичности политического устройства. Об искажении восприятия образа государств того времени хорошо пишет Плутарх на примере создания в Афинах образа царя Крита Миноса: «Да, поистине страшное дело – ненависть города, владеющего даром слова! В аттическом театре Миноса неизменно поносили и осыпали бранью, ему не помогли ни Гесиод, ни Гомер (первый назвал его „царственным из государей“, второй – „собеседником Кротона«), верх одержали трагики, вылившие на него с проскения и скены целое море хулы»³. Видно, что формальное восприятие «держав моря» как значительно более демократических во многом обусловлено пропагандой, уже в древности являющейся геополитическим инструментом создания «национальных мифов». Интересно отметить, что это не помогло Риму времен Пунических войн попасть в разряд стран моря, хотя позже он

¹ Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. – 3-е изд., доп. – М., 1999. – С. 15–16

² Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Гоббс Т.; Предисл. и ред.: Ческис А. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.

³ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Наука, 1994. – 706 с., Тесей и Ромул.

долгие годы являлись информационным центром западного мира и почти не сохранил Карфагенскую литературу. Необходимо заметить, что сам Рим во времена своего расцвета был центром торговли средиземноморья, что соответствует основной характеристике державы моря, хотя в то время ни расположение его столицы, ни другие географические характеристики со времен войны с Карфагеном существенно не менялись. Таким образом, получается, что формальный подход классической геополитики и в вопросе влияния географических факторов на политический и общественный строй был не совсем корректен. Тем не менее, такое деление на государства суши и моря приобрело достаточную популярность, что позволяет предположить, что оно близко субъективному восприятию людей этих империй. Поэтому интересно вместо классических политических и географических методов сравнения рассмотреть различия указанных пар государств с точки зрения критической геополитики. Тогда мы возможно сможем понять какие геополитические различия между этими государствами делают их столь непохожими в восприятии людей.

В качестве примера поиска дополнительных различий держав суши и моря можно привести теорию В. Иванова-Виленкина, который вводит различает морские и континентальные империи как центристские и центробежные, соответственно⁴. Он сравнивает направления их «векторно-хозяйственных процессов». В морских, центристских государствах, в его теории, финансовые ресурсы идут от провинций в метрополию, где и оседают. В континентальных же, центробежных – наоборот, финансовые ресурсы перераспределяются в окраинные регионы для их развития и укрепления границ. Однако такое различие в государственном устройстве вряд ли имело бы следствием известность морских держав, обирающих окраины, как государств с большей свободой. А способ хозяйствования, при котором развивается вся территория страны

вряд ли бы кто назвал архаичным, как принято характеризовать континентальные державы. К тому же, такое деление слишком упрощенно, ведь многие окраинные города морских империй также известны своим богатством и, если говорить о древних государствах, до сих пор привлекают туристов своей архитектурой.

При этом дихотомия центристскость/центристскость часто применяется для деления государств⁵ или политических процессов⁶, но в другом смысле. Если рассмотреть с этой точки зрения морские державы классических пар, то Можно получить полностью противоположная Иванову-Виленскому картина.

Структура империй Афин⁷ и Карфагена⁸ была основана на существовании союзов, в которых государства сохраняли суверенитет, хотя и находились под значительным влиянием общего политического направления. При такой системе власть максимально распределяется из центра, сохраняя провинциям почти полную независимость, но в пределах общей политики. Похожая ситуация сложилась и в наше время вокруг США. Такую систему управления на территории, объединенной общим экономическим пространством, можно назвать центристской.

Если же посмотреть на примеры континентальных государств, то и политики и Спарты⁷ и Рима⁹ стремились привести территории, подверженные влиянию, под свое прямое централизованное управление. По-

⁴ Иванов-Виленский В. Империи центристские и центристские, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru>.

⁵ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.

⁶ Окунев И. Ю. Центристские и центристские силы на политической карте мира. – Космополис, № 1 (20), весна 2008.

⁷ История Древней Греции. / гл. ред. Кузищин В. И. – М.: Издательство «Высшая школа», 2001. – С. 399.

⁸ Кембриджская история древнего мира. Том IV. Расширение греческого мира. VIII-VI века до н. э., 2007, Пер. с англ.: Зайков А.В., – Москва: Ладомир, 2007.

⁹ Беликов А.П. Альтернативы оформления власти Рима: клиента или провинция? // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001.

хожая ситуация была и в СССР, который хоть и назывался союзом, большую часть общих административных и культурных центров имел в Москве. Данная система управления имеет явно выраженную центростремительную тенденцию, так как сами политики в регионах стремились получить одобрение центра, без которого мало что могли сделать.

Такое различие представляет одни и те же процессы торговли внутри империи или как внешнюю торговлю или как внутреннюю. В последнем случае, империю субъективно сложнее назвать «торговой» так как она мало с кем торгует во вне. По этой же причине империю, основанную на союзах, субъективно проще назвать демократической, независимо от того, насколько строги законы в ее провинциях.

Привязанность регионов «стран моря» или центробежных империй к метрополиям была основана на том, что столицы становились главными финансовыми центрами для союзных государств, в которых происходила коммуникация хозяйственных субъектов. Естественный приток финансов и товаров к таким центрам можно принять за центростремительный процесс, если не учитывать, что они несут лишь перераспределительную функцию. Но направление самоидентичности людей по отношению к финансовому центру можно назвать центростремительным, так как места концентрации богатств, пусть и временного, всегда выглядят привлекательно. Сплоченность «континентальных», центростремительных империй поддерживалась больше искусственными методами, за счет передачи многих функций административному центру,

из которого удаленно регулировалось взаимодействие хозяйственных субъектов. То есть вместо финансового центра был центр административный и культурный. При этом чем более населенной и развитой является провинция, тем больше в ней хозяйственных объектов, а следовательно, тем больше административных и культурных функций приходится сохранять в провинции. Таким образом при подобной системе центростремительные процессы самоидентичности населения (в отличие от политиков) слабы, ввиду малой материальной привлекательности центра, и присутствует больше стимулов для центробежных тенденций самоидентификации населения. Можно сделать интересный вывод о том, что тенденция самоидентификации людей, как и финансовые потоки, обратно направлены к тенденции политики управления в империи. Более свободная политика в области управления приводит к большей концентрации финансовых потоков и, что не менее важно, к более интенсивному распространению культуры из центра империи. Но делая выводы, нужно учитывать, что империи с подобным стилем управления развивались в условиях отсутствия крупных конкурирующих финансовых центров в регионе. Об империях с центростремительными административными тенденциями, такое сказать сложно, что возможно и являлось причиной противоположной системы управления.

На примере проведенного нами анализа видно, что критическая геополитика способна значительно расширить понимание даже традиционных для классической геополитики вопросов.

Пример рассмотрения борьбы держав суши и моря с точки зрения критической геополитики

Павел Петрович Бражников, магистрант МГИМО (У) МИД
России.

***Аннотация:** В данной статье проведен краткий анализ классической геополитической теории о противостоянии держав суши и моря. Рассмотрены взаимоотношения центров империй и их провинций, а именно экономические и административные тенденции, которые были упрощенно разделены на центристские и центробежные. Был также произведен аналогичный анализ для стремлений самоидентификации людей в обоих типах государств.*

***Ключевые слова:** борьба суши и моря, модель управления, административные и экономические тенденции, самоидентификация людей*

A Case of Struggle between Land and Sea Powers: A Critical Geopolitics Viewpoint

Petr Petrovich Brazhnikov, MA student, MGIMO University.

***Abstract:** In this article a brief analysis of the classical geopolitical theory of the confrontation of land and sea powers was described. Relations of center of the empire and its provinces was considered, economic and administrative trends have been simplistically divided into centripetal and centrifugal. There was also made a similar analysis for the aspirations of self-identification of people in both types of countries.*

***Key words:** land power – sea power opposition, model of management, administrative and economic trends, self-identification of people*

ПОЛИТИКА ИСПАНИИ В ОТНОШЕНИИ СПОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Ю. А. Павлова

Южное и юго-восточное побережья Королевства Испания принадлежат к Средиземноморскому региону, который является одновременно контактной и конфликтной зоной европейских, африканских и азиатских государств, так как он играет роль моста между Востоком и Западом в политическом, культурном и религиозном планах. В этом регионе Испания считается главным связующим звеном Европы и севера Африки благодаря плотному экономическому сотрудничеству с Марокко и Алжиром, и таким образом претворяет в жизнь идею премьер-министра Мариано Рахоя об активной и амбициозной внешней политике страны¹. Крепкими средиземноморскими связями Испания обязана длительному периоду арабского завоевания, продолжавшегося в течение восьми столетий.

Средиземное море – это важнейший стратегический объект в международных отношениях по причине чрезвычайно выгодного экономического и геополитического положения: Средиземноморье считается воротами в Атлантику и широкой тропой в Суэцкий транспортный канал. Именно поэтому на этом регионе сосредоточено внимание не только стран, которые там расположены географически, но и тех, кто претендует на установление своего влияния в глобальном масштабе; это, в свою очередь, ведет к образованию неурегулированных проблем в

области обеспечения безопасности и обладания определенными участками суши.

Важнейший вопрос, который уже на протяжении нескольких веков остается открытым, – спор о принадлежности крепости Гибралтар и городов-портов Сеута и Мелилья, что находятся по обе стороны Гибралтарского пролива и благодаря наследию мифологии называются Геркулесовыми столбами² Средиземноморья. Согласно теории А. Мэхэна, с точки зрения безопасности и стратегической инициативы (владение базой для проведения военных операций, выходом к главным океанским судоходным путям)³ только одной стране наиболее выгодно обладать обоими берегами этой транспортной артерии, но история решила иначе, и за обозначенные территории в настоящее время ведут политическую борьбу три государства: Испания, Великобритания и Марокко, которые даже при помощи мирового сообщества не способны найти компромиссного решения данной проблемы. Правительство Марокко настаивает на присвоении Сеуты и Мелильи по подобию Западной Сахары и Ифни и считает присутствие испанских анклавов на своей территории анахронизмом, пережитком колониальной эпохи, в то время как Испания с XVIII века активно стремиться к возвращению в со-

¹ Rajoy M. Mi visión de Europa y España en el mundo [Электронный ресурс] / Mariano Rajoy // Política Exterior – 2011. – Режим доступа: <http://www.politicaexterior.com/articulos/politica-exterior/mi-vision-de-europa-y-espana-en-el-mundo/> (дата обращения: 25.03.2015)

² В греческой мифологии столпы, поставленные Гераклом на краю мира в память о своих странствиях. По словам Платона, на Гибралтарской скале и скале Абила греки установили две статуи на высоких колоннах, символизирующих ворота из Средиземного моря в Атлантику.

³ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783 [Электронный ресурс] / Terra Fantastica. – СПб, 2002. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/mahan1/01.html>. (дата обращения: 26.02.2015)

став страны крепости Гибралтар, которая по нормам международного права принадлежит Великобритании, являясь её заморской несамоуправляющейся территорией. Позиция Испании по проблеме указанных территорий является неоднозначной и спорной, что вызывает необходимость более глубоко изучения сложившейся ситуации.

Историческое развитие и современный контекст проблем Гибралтара, Сеуты и Мелильи способствовали нагромождению аргументов различного качества, созданию неоднозначной точки зрения испанской стороны и полного отрицания взаимосвязи территориальных конфликтов западной части Средиземноморья, что, соответственно, приводит к путанице в правящих кругах, среди населения, в СМИ и аналитических агентствах. В связи с этим, ключевой сложностью для понимания позиции испанского правительства является неопределенность: почему Испания, претендуя на Гибралтар, сохраняет за собой Сеуту и Мелилью с прилегающими островами. Следовательно, для анализа и исследования затруднительной ситуации следует прибегнуть к теориям позитивизма и конструктивизма.

В первую очередь, требуется разобраться в том, что мешает быстро и объективно разрешить вопрос об особенностях позиции Испании в заданных территориальных конфликтах. Прежде всего, препятствиями являются пространственные мифы и элементы политической пропаганды, относящиеся к социальным конструктам, которые нарушают отлаженную схему работы теории позитивизма, что построена на объективных предпосылках и независимых от сознания и действий человека фактах.

В случае с Гибралтаром это наиболее очевидно, поскольку спор в его отношении является наиболее проблемным для Испании уже более трехсот лет. Именно поэтому в сознании людей глубоко укоренились следующие субъективные аргументы:

а) обусловленное серьезностью удара от потери стратегической точки в Гибралтарском проливе утверждение исконности территории полуострова, подкрепляемое яркими метафорами и образами в речах, статьях и исследованиях;

б) убежденность в том, что осколок колониальной эпохи с экспансионистским характером нарушает территориальное и национальное единство страны (при одновременном отрицании наличия собственных «колоний» на североафриканском побережье);

в) фактор Гибралтара – важнейший импульс для подъема патриотических чувств у населения и демонстрация негативного влияния сепаратистских настроений;

г) население Гибралтара не имеет право на самоопределение, поскольку статус города-крепости менялся без согласия испанской стороны.

Если же мы говорим о Сеуте и Мелилье, то здесь нет такого разнообразия мифов, и активно используется лишь один: а) данные автономные сообщества являются образцом лояльности и бесконфликтного существования людей разных национальностей и конфессий при доминирующем количестве испанского населения.

С точки зрения позитивизма, у Испании наоборот больше шансов и причин сохранить за собой североафриканские эксклавы, так как владение этими территориями, в отличие от ситуации с Гибралтаром и Великобританией, официально признано на международном уровне различными наднациональными организациями и закреплено в соглашениях различного характера. Помимо этого, среди главных аргументов обычно принято выделять следующие:

а) приобретательная давность и эффективность управления территорией в соответствии с установленными на интернациональном уровне нормами и принципами;

б) доктрина интемпорального права: договоры, подтверждающие юридические права Испании на владение Сеутой и Мелильей, подписывались не единожды, еще до создания независимого государства на территории Марокко в 1956 году;

в) принадлежность населения Сеуты и Мелильи к той же нации, языку, культуре, ценностям и религии, что существуют в остальной части Испании;

г) юридический статус автономных городов, закрепленный в Конституции страны; обладание такими же правами, свобода-

ми, экономическими обязательствами, что и другие автономные сообщества;

д) важное геостратегическое положение Сеуты и Мелильи для обеспечения национальной безопасности и контроля ситуации в Средиземноморском регионе.

Кейс «Гибралтар» не так богат на объективные причины претензий испанской стороны в связи с тем, что в данной ситуации возможно использование лишь одного весомого и неоспоримого аргумента: а) наличие уникального прецедента международного права, обозначенного в Утрехтском мирном договоре, который позволяет Испании вернуть отданную Великобритании территорию.

Таким образом, мы наблюдаем интересный феномен зеркальности кейсов «Гибралтар» и «Сеута и Мелилья», как в контексте теории позитивизма, так и конструктивизма. В то время как правомерность владения североафриканскими эксклавами не вызывает сомнения и не порождает усиливающие социальные конструкты, испанская сторона упорно и методично продолжает настаивать на возвращении в свой состав стратегически важного полуострова Гибралтар, не подкрепляя это ощутимыми аргументами за исключением неоднозначной статьи Утрехтского мира, подписанного в далеком 1713 г.

Политика Испании в отношении спорных территорий в Западном Средиземноморье

Юлия Андреевна Павлова, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: Статья посвящена выявлению и анализу современной позиции правительства Испании по проблеме принадлежности территорий Гибралтара, Сеуты и Мелильи, основываясь на методологии позитивизма и конструктивизма. Автор рассмотрены основные аргументы, приводимые испанской стороной, которые фигурируют в СМИ, аналитических статьях и выступлениях заинтересованных в этих территориальных спорах политиков. Сделан вывод об абсолютной зеркальности кейсов «Гибралтар» и «Сеута и Мелилья» в контекстах теорий позитивизма и конструктивизма.

Ключевые слова: Испания, Великобритания, Марокко, Гибралтар, Сеута, Мелилья, Средиземноморье, территориальный спор, конструктивизм, позитивизм.

Policy of Spain towards the Disputed Territories in the Western Mediterranean

Yulia Andreyevna Pavlova, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: On the basis of positivism and constructivism theories the article examines and analyzes the Spanish government's point of view concerning the disagreement over the possession of Gibraltar, Ceuta and Melilla. The author has considered principal arguments of Spain in these territorial disputes that appear in the mass media, analytical articles and statements of different politicians concerned. The results of the research reveal the exact antithesis of the cases "Gibraltar" and "Ceuta and Melilla" in the context of positivism and constructivism theories.

Key words: Spain, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Morocco, Gibraltar, Ceuta, Melilla, the Mediterranean, a territorial dispute, constructivism, positivism.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ г. ЯКУТСКА

А. В. Мажулина

Продолжая исследовать типы пространственной идентичности, мы обратились к азиатской части России. Следуя логике предыдущих работ, проведённых Клубом геополитических исследований МГИМО (У) МИД России, мы отталкивались от тезиса, что географическое положение какого-либо населённого пункта не рождает конкретный тип идентичности¹, важным звеном этой цепочки является интерпретация пространства. Данная работа представляет собой анализ пространственной идентичности жителей одного из самых северных городов азиатской части Российской Федерации – Якутска.

Одним из важнейших факторов, заслуживающих внимания, является географическое положение этого города. Якутск – столица Республики Саха (Якутия), на территории которой добывается значительное количество полезных ископаемых, включая драгоценные камни и металлы. Возможность строительства промышленных и сельскохозяйственных предприятий вблизи добычи источников энергии (нефти и газа) привлекает иностранных инвесторов, в первую очередь тех, кто из-за географического положения испытывает нехватку в энергетических ресурсах (страны Восточной Азии). Кроме того, Якутск находится в стратегически важном для России месте – на р. Лене, то есть имеет выход к Северному морскому пути. Именно отсюда возможно длительное и эффективное исследование полярных широт и жизни в услови-

ях вечной мерзлоты. Развитие арктического направления в политике России повлечёт за собой экономический рост города, приток знаний и инноваций.

В этой связи мы считаем необходимым определить особенности пространственной идентичности жителей Якутска, кто в данной работе выступит проекцией населения всей Якутии. Изучение самоидентификации якутов через призму интерпретации пространства является актуальным вопросом с точки зрения выявления рисков для России в отношениях со странами Арктического региона и в отношениях с зарубежными инвесторами.

Исследовательский вопрос: как интерпретируют своё географическое положение жители Якутска и как эта интерпретация влияет на принятие политических решений.

Для того, чтобы ответить на исследовательский вопрос мы провели анкетирование 50 человек старше 18 лет, жителей Якутска, занятых в различных сферах. При выявлении особенностей интерпретации пространства мы воспользовались следующими показателями:

1) **Первичная идентичность.** Были предложены варианты: житель Азии, житель Арктического региона, житель Республики Саха (Якутия), житель России, житель г. Якутска.

2) **Цивилизационная принадлежность.** Опираясь на исследования С. Хантингтона², который создал классификацию из девяти цивилизаций (западная, исламская, индуистская, синская, японская, лати-

¹ Окунев И. Ю. Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья) // Критическая геополитика. – №1. – «АНАЛИТИКА РОДИС», 2014. – С. 52 – 55.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: АСТ, 2006.

ноамериканская, православная, африканская и буддистская) мы расширили круг возможных «цивилизаций» по географическому признаку, разделив исламскую цивилизацию на центральноазиатскую и ближневосточную, а японскую и синскую объединили в один кластер – восточноазиатский. Разделение исламской цивилизации обусловлено тем, Республика Саха (Якутия) довольно активно вовлечена в экономическое и культурное взаимодействие со странами Центральной Азии (бывшими республиками СССР), что могло бы повлиять на самоидентификацию жителей Якутска, которые не исповедуют ислам. Мы также не сочли существенным разделение восточноазиатского кластера на синскую и японскую цивилизации из-за схожести экономического и культурного развития их стержневых стран. Также респондентом было предложено написать свой собственный вариант ответа, если они сочтут все перечисленные неподходящими.

3) **Исследуемые иностранные языки.** Данный признак включает как те иностранные языки, которыми респонденты владеют, как и те, которые они считают наиболее полезными в современном мире.

4) **Интересы.** Мы опросили респондентов на предмет того, события какого региона их интересуют больше всего, предложив в качестве вариантов ответа регионы России (не включая Якутию), Восточную Азию, Центральную Азию, Ближний Восток, зарубежную Европу, Северную и Южную Америку, Австралию и Океанию, Африку.

При выявлении зависимости между пространственной идентичностью и принятием политических решений мы обратились к показателю доверия граждан к действующей власти. Принимая во внимания факт наличия правительства и президента, а также Конституции Республики Саха (Якутия), мы посчитали нужным разделить данный показатель на две категории: доверие по отношению к действующей республиканской власти и доверие к действующей федеральной власти.

Интерпретация пространства

В ходе произведённого опроса выяснилось, что «жителями Республики Саха

(Якутия)» себя считают 56% респондентов, «жителями России» – 32%, а «жителями г. Якутска» – 12% [рис.1].

Рис. 1. Первичная идентичность

Ни один опрошенный не выбрал варианты «житель Азии», «житель Арктического региона». Причём среди «жителей Республики Саха (Якутия)» 18% респондентов ответили, что в повседневной жизни используют только русский язык, не владея ни якутским, ни другими языками народов Республики; среди «жителей России» этот показатель составил 75%; треть «жителей г. Якутска» говорят только на русском языке [рис.2].

Рис. 2. Применение языков в бытовой жизни

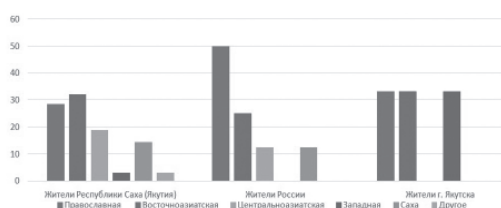

Что касается цивилизационных кластеров, к которым относят себя сами проживающие в Якутске, то среди «жителей Республики Саха (Якутия)» 28,6% отнесли себя православному кластеру, 32,1% выбрали вариант «восточноазиатский», 18,9% – «центральноазиатский». Собственный вариант «Саха» (самоназвание якутов) предложили 14,3% опрошенных, один ответ получил западный тип цивилизации, один респондент предложил вариант «советский».

Среди «жителей России» 50% отнесли себя к православному кластеру, к восточноазиатскому – 25%, тип «Саха» указали 12,5%, принадлежность к центральноазиатскому типу высказали два человека.

Среди «жителей г. Якутска» ответы разделились ровно по третям между православным, восточноазиатским и западным кластерами [рис.3].

Рис. 3. Принадлежность к цивилизациям по первичной идентичности

В итоге к православной (русской цивилизации) себя отнесли 36% всех респондентов, к восточноазиатской – 30%, к центральноазиатской – 18%, «Саха» – 12%, к западной – 6%, к «советской» – 2% [рис.4].

Рис. 4. Общая цивилизационная принадлежность

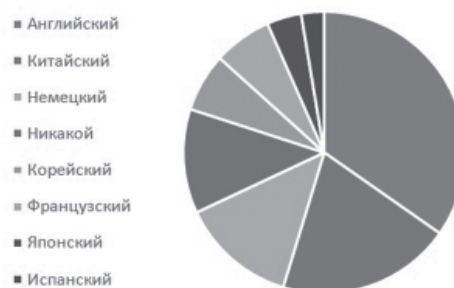

Изучаемые иностранные языки или те иностранные языки, которые респонденты считают необходимыми для жизни и работы, во многом способствуют пониманию пространственной идентичности жителей того или иного населённого пункта. Языки формируют определённый тип мышления, свойственный той или иной культуре, стране, политической системе. Те иностранные языки, которые люди стремятся знать, не всегда бывают показателями интерпретации пространства на сегодняшний день, но свидетельствуют о векторе идентичности, что

позволяет судить об изменениях, которые ждут её в будущем.

Среди всех ответов респондентов на вопрос об изучаемых иностранных языках и тех, которые по их мнению могли бы быть необходимы в работе и в жизни, лидирует английский – 34,2%; китайский на втором месте – 19,7%; 13,1 % ответов набрал немецкий; 11,8% респондентов считают, что им не нужен никакой иностранный язык, корейский и французский набрали по 6,6% ответов, японский – 3,9%, испанский – 2,6% [рис.5].

Рис. 5. Изучаемые языки

Говоря об интересе к событиям международной и внутрироссийской жизни, 41,2% респондентов ответили, что больше всего интересуются событиями регионов России (не включая Якутию); на втором месте – Зарубежная Европа (20,6%), Северная Америка – 12,6%, на третьем месте; Восточная Азия набрала 7,9%; Ближний Восток и Центральная Азия по 6,3% [рис.6].

Рис. 6. Интерес к событиям

Опираясь на приведённую выше статистику, можно сделать вывод, что первичная идентичность и отождествление с

определённым цивилизационным кластером не всегда связана с этнической принадлежностью (её характеристикой выступает использование языков в повседневной жизни). Так, среди «жителей России» 75% говорят только на русском языке, но при этом только 50% из них относят себя к русскому (православному) типу цивилизации. При определении принадлежности к цивилизационным кластерам достаточно большой процент (18%) получил центральноазиатский тип цивилизации, несмотря на то, что в число опрошенных входили только резиденты Якутска, традиционно не исповедующие ислам. Возможно, такая интерпретация пространства связана с прочными экономическими и культурными связями с бывшими республиками СССР в Центральной Азии; возможны родственные связи якутов с жителями этих центральноазиатских стран. Только 12% опрошенных отнесли себя к собственно якутскому типу цивилизации. Этот показатель коррелируется с рассуждениями С. Хантингтона о том, что экономический рост и политическое развитие, приносимые странам различных цивилизаций (в данном случае восточноазиатской: синской и японской) Западом, постепенно пробуждает национальные антизападные силы, что приводит к упадку влияния западной цивилизации³. Если коррелировать данный феномен с влиянием русской, православной цивилизации на Якутию, то очевидно, что процесс возрождения национальной идентичности ещё не начался. Однако учитывая опыт Китая, Японии и других стран, описанных С. Хантингтоном, следует понимать, что с развитием промышленности, инфраструктуры, науки и инноваций в регионе стремление выделить себя в отдельную цивилизационную общность будет возрастать. Данная гипотеза может быть подтверждена количеством респондентов, которые заявили, что не считают нужным изучать иностранный язык (почти 12%). Как уже говорилось ранее, показатель иностранных языков во многом определяет вектор, по которому движется самоидентификация жителей Якутска.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва: АСТ, Мидгард, 2006.

Однако что касается вектора, становится очевидным тот факт, что якуты стремятся к странам Восточной Азии. Китайский, корейский и японский изучают или хотят изучать 30% опрошенных против 34% изучающих английский (лидерство английского не удивляет – ведь он является обязательным почти во всех общеобразовательных школах РФ). 30% респондентов отнесли себя к восточноазиатской цивилизации против 36% отождествивших себя с русской (православной).

Анализ интереса к событиям, которые происходят в России и за рубежом, всё же показывает, что большинство жителей Якутска (более 40%) следят за происходящим в регионах России. Немного более 20% опрошенных ответили, что интересуются событиями Зарубежной Европы. На наш взгляд данный показатель обусловлен событиями на территории Украины, что подтверждает причастность якутов не только к общероссийским проблемам, но и к цивилизационным. Менее 10% респондентов выразили интерес к событиям Восточной Азии, что является индикатором того, что якуты заинтересованы в сотрудничестве с восточноазиатскими странами на собственной территории, не стремятся выезжать за рубеж.

Влияние интерпретации пространства на принятие политических решений

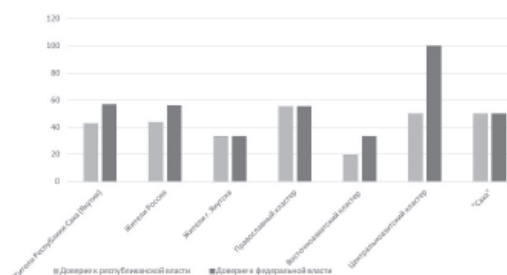
Мы предложили респондентам ответить на вопросы о том, считают ли они действия республиканских/федеральных властей оправданными и правомерными.

Среди «жителей Республики Саха (Якутия)» уровень доверия к федеральной власти достигает 57,1%, а уровень доверия к республиканской власти высказали 42,8% опрошенных. Среди «жителей России» доверяют федеральной власти 56,3%, республиканской власти – 43,7%. Треть «жителей г. Якутска» доверяет республиканской власти, треть – федеральной.

Среди представителей православной цивилизации республиканскому правительству доверяют 55,5% опрошенных, такой же показатель и по отношению к федеральной

власти. Среди представителей восточноазиатской цивилизации 20% доверяют республиканской власти, 33,3% – федеральной. Среди представителей центральноазиатской цивилизации 50% доверяют республиканской власти, 100% – федеральной. По половине представителей кластера «Саха» доверяют республиканской и федеральной властям [рис. 7].

Рис. 7. Доверие к власти.

Опираясь на результаты статистического анализа, можно сделать вывод, что среди тех, кто живёт в г. Якутске, уровень доверия к федеральной власти в целом выше уровня доверия к республиканской. Среди всех категорий опрошенных не менее одной трети считает действия федеральной власти полностью оправданными и правомерными. Самый высокий показатель уровня доверия к федеральной власти у респондентов, относящих себя к центральноазиатскому кластеру. Возможно, это связано со стремлением реабилитации централизованного государства наподобие СССР и интеграции со странами Центральной Азии (преимущественно бывшими республиками СССР), что на сегодняшний день полностью совпадает с курсом, проводимым Москвой. Самые низкие показатели доверия к федеральной власти у представителей категорий «жители г. Якутска» и «восточноазиатский кластер», что, возможно обусловлено тем, что по сравнению со столицами Восточной Азии (или столицами других стран, а также крупными городами России), Якутск проигрывает по уровню развития сферы жилищно-коммунального хозяйства, образования и инноваций.

Уровень доверия к республиканской власти у опрошенных в целом ниже, чем уровень доверия к федеральной. Самый вы-

сокий у православного кластера (55,5%). Самый низкий уровень доверия – у восточноазиатского кластера (20%).

В целом самый высокий уровень доверия демонстрируют православный и центральноазиатский кластеры. Самый низкий по обоим показателям у восточноазиатского кластера. Итого, 53% всех опрошенных в пользу власти против 30% тех, кто не доверяет ей.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на то, что Якутия активно развивает экономическое сотрудничество со странами Восточной Азии, всё-таки большинство её жителей стремятся к России, чувствуют свою вовлеченность в проблемы Российской Федерации и русской цивилизации, демонстрируя достаточно высокий уровень доверия к федеральной власти.

Однако возможное «столкновение цивилизаций» на территории республики необходимо учитывать при планировании долгосрочных проектов.

Особенности пространственной идентичности жителей г. Якутска

Анна Владимировна Мажулина, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В статье представлен анализ самовосприятия жителей Якутска, а также выявлены характерные элементы идентичности населения г. Якутска.*

***Ключевые слова:** пространственная идентичность, Якутск, интерпретация пространства.*

Spatial Identity in Yakutsk

Anna Vladimirovna Mazhulina, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

***Abstract:** The article presents analysis of the self-perception of the citizens of Yakutsk and certain elements of their identity.*

***Key words:** geographical identity, Yakutsk, the interpretation of place and geography.*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

А. В. Аделгареева

Роль карт в нашей жизни трудно переоценить. Они служат одним из главных средств визуализации в учебной литературе, журналах, на телевидении и т.д. Мы привыкли воспринимать картографические изображения как данность, не задумываясь о том, что их производит человек, а значит, они субъективны.

Важно понимать, что карты оказывают сильное воздействие на формирование не только внешнеполитических концепций государства, но и индивидуальных воззрений граждан на мир, и при этом мы абсолютно не можем быть уверены в их объективности. Во-первых, несмотря на отсутствие четко определенного авторства, которое делает карту в наших глазах обезличенной и более объективной, очевидно, что любая карта подвергалась воздействию субъективных факторов – мир на ней запечатлен таким, каким его видел или хотел видеть картограф. Во-вторых, географическая карта переносит трехмерную реальность в двумерную плоскость, что приводит к неизбежным искажениям. Субъективная же роль автора состоит в том, что именно он решает, что и как будет искажено, исходя из личных убеждений и целей. В-третьих, на субъективность составителя карты накладывается и субъективность «зрителя», ведь на его восприятие изображения оказывает воздействие определенный дискурс, опыт, накопленные знания. Таким образом, несмотря на то, что общественное сознание привыкло воспринимать карты как отражение реальности, воплощение объективной научной истины, важно понимать, что карта – это социальный конструкт, содержащий множество искажений (непроизвольных или преднамеренных).

Интересно, однако, каким образом картограф воздействует на содержание картографического материала, чем одни карты отличаются от других. Существует целый ряд картографических характеристик.

Пожалуй, наиболее значимой среди них является *картографическая проекция* – определенный способ отображения реальных географических координат на картографической плоскости. Одна из наиболее популярных проекций была разработана Герардом Меркатором [Рис.1]. На ней меридианы параллельны друг другу и расположены с равным интервалом, а расстояние между параллелями увеличивается к полюсам и уменьшается к экватору, что провоцирует увеличение масштаба по направлению к полюсам.

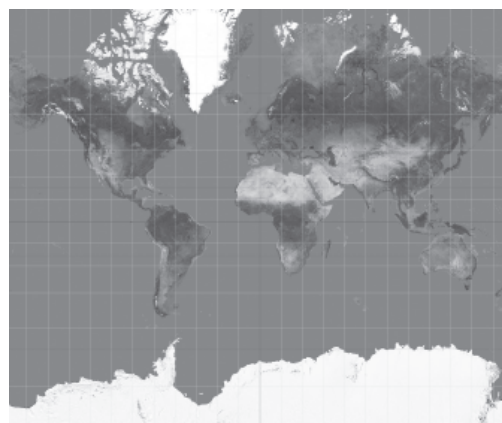

Рис. 1. Проекция Меркатора. – http://www.wired.com/images_blogs/wiredscience/2013/07/Mercator_projection_660.jpg

По этой причине в картах, присутствует некая иллюзорность: невозможно оценить реальные масштабы географических объектов. К примеру, Гренландия кажется превос-

ходящей по размеру Южную Америку, хотя в реальности составляет лишь одну восьмую часть последней. Очевидно, что использование этой проекции выгодно таким странам, как Россия, Канада, США, так как она зрительно увеличивает их размер и значимость в мире. Кроме того, часто используется проекция Галла-Петерса [Рис.2]. Важное отличие данной проекции от ранее рассмотренной заключается в том, что все объекты на карте изображаются в одном масштабе. Следовательно, она позволяет оценить реальное соотношение площадей географических объектов и является более «справедливой» по отношению к развивающимся странам, и поэтому широко применяется гуманитарными организациями.

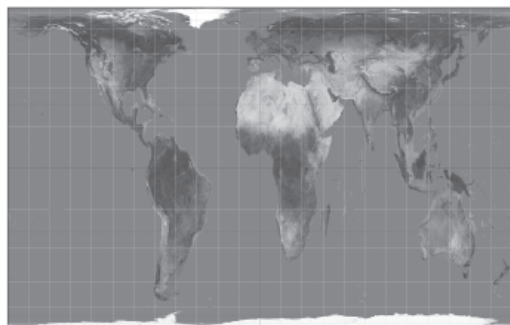

Рис.2. Проекция Галла-Петерса. – http://www.linkiesta.it/sites/default/files/gall-peters_projection_map.jpg

Не менее важным является вопрос *центрирования карты*. Очевидно, что то, какое место на карте избранно центральным «играет немаловажную роль, направляя наше восприятие мира»¹. Фактически, карта называет отдельные географические объекты «центром мира», что придает этим территориям особую значимость.

Может варьироваться и *ориентация карты*. Ориентируя карту на север, картограф помещает в верхнюю ее часть наиболее влиятельных акторов международных отношений, а развивающиеся страны (зоны потенциальной экспансии) оказываются «внизу». Становится понятно, почему российская, американская и европейская кар-

тографии отдают предпочтение именно этому варианту ориентации. «Перевернутые» карты популярны лишь в странах, расположенных в южном полушарии: Австралии, Новой Зеландии и др. В других же частях мира они находят применение в качестве инструментов для развития критического мышления.

Цветовое оформление также играет важную роль в формировании «послания» карты. К примеру, в европейской культурной традиции красный цвет, символизирующий опасность, злость и конфликтность, использовался для изображения СССР. Синий же – цвет мира и спокойствия – надолго стал характерным для изображения ЕС.

Объединяя в себе ряд вышеизложенных характеристик, карты не просто изображают мир, – они презентуют его через определенные образы. В каждой карте зашифрована «история», и, чтобы суметь ее «прочитать», необходимо оценить контекст: кто, когда и для кого создал данную карту. Рассмотрим несколько интересных примеров:

1. *Американская карта мира* [Рис.3] центрирована относительно 90° западной долготы, то есть фактически Северная Америка помещена на ней в «центр мира».

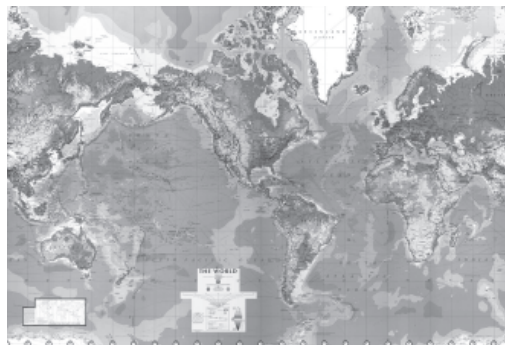

Рис.3. Карта мира в США. – http://www.worldmaponline.com/images/World-Map-mural_detail.jpg

Использование проекции Меркатора, способствует значительному увеличению территории страны. Европа же на данной карте выглядит гораздо менее внушительно. Кроме того, при выбранном варианте центрирования Россия оказывается разделенной на две части и как будто «нападает» на США с востока и запада одновременно. Тем

¹ Short J., The World Through Maps: A History of Cartography. – Toronto: Firefly Books Ltd., 2003. – P. 15.

самым актуализируется образ повышенной угрозы, «евразийской опасности».

2. «Универсальную исправленную карту мира» Стюарта МакАртура [Рис.4] часто называют «перевернутой», так как она ориентирована относительно Южного полюса. Переворачивая карту мира, МакАртур «буквально и метафорически переворачивает мир зрителя»². Глядя на эту карту, мы никогда не назовем Австралию далекой, неизвестной или незначимой. Австралия здесь – «центр» и «вершина» всего мироздания.

Рис.4. «Универсальная исправленная карта мира»
Стюарта МакАртура. –
http://apikabu.ru/img_n/2012-08_2/ek2.jpg

3. В годы «холодной войны» в США была разработана «Полярная проекция мира» [Рис.5], которая акцентировала внимание на «отсутствии географической дистанции между двумя сверхдержавами»³ и «группировала» Северный Альянс, что формировало восприятие НАТО как единой силы, способной противостоять СССР.

Приведенные примеры иллюстрируют то, как специально составленные географические карты могут формировать тот или иной образ. В ряде случаев это происходит непреднамеренно и лишь отражает особую картину мира создателя карты, однако иногда «история» карты «пишется» государством умышленно и используется в целях манипулирования сознанием граждан. Известно, что карты часто использовались как пропагандистский инструмент для легитимации жестких политических режимов. К примеру, после окончания Первой мировой войны правительство Германии посредством картографической визуализации стремилось

Рис. 5. Полярная проекция мира. –
http://vk.com/doc23337328_289301468?hash=f6357571f77770c0f0&dl=8afb38a5f88af88edf

стимулировать общественное осознание потребности страны в увеличении «жизненного пространства», что закладывало социальную основу для проведения агрессивной внешней политики. Кроме того, карты часто служили колонизаторам, выражавшим определенные территориальные притязания. Империалисты создавали карты подконтрольных и потенциально подконтрольных территорий, содержащие ряд выгодных для них искажений. Не менее значительна роль географических карт при разделе земель и демаркации границ. Например, при деколонизации Африки государственные границы было решено провести по схематичному разделению, выполненному в свое время колонизаторами для большего удобства и не отражавшему реального соотношения этнических идентичностей, что впоследствии стало одной из причин провала попытки государственного строительства на африканском континенте.⁴ Карты также могут влиять на формирование национальных идентичностей. Огромное значение имеет даже сам факт нахождения государства на карте, приравниваемый, фактически, к его существованию. Особенно важно это для новообразованных частично признанных

² Fotiadis P., The Strange Power of Maps: How maps work politically and influence our understanding of the world: MSc diss. / SPAIS. – Br., 2009. – P. 42.

³ Dodds K., GEOPOLITICS: A very short introduction. – N.Y.: OUP, 2007. – P. 119.

⁴ Бусыгина И.М., Политическая география. Формирование политической карты мира: учебник для вузов / И. М. Бусыгина. – М.: Проспект, 2010.

государств. Карты могут выполнять и функцию визуальной гомогенизации – наделяния какой-либо территории свойствами однородности посредством общих границ и единого цветового оформления. В качестве примера можно рассмотреть случай наиболее развитой региональной интеграции – Европейского союза: на большинстве карт ЕС отсутствуют межгосударственные границы, а все страны союза изображены в одном цвете.

Основываясь на приведенных примерах, можно классифицировать случаи обращения политиков к картографии по характеру их мотивации. Картографические ресурсы могут быть задействованы в рамках:

а) внутренней политики:

- для формирования национальных идентичностей;
- как инструмент государственной пропаганды и легитимации политических режимов;
- в целях конструирования «ментальных карт», отображающих положение страны в мире;
- для утверждения государственных границ административно-территориального деления внутри страны;

б) внешней политики:

- в целях утверждения глобальной повестки и декларации позиции государства на международной арене;
- для разъяснения и интерпретации проводимой государством политики и национальных интересов.

Итак, картография может выступать в качестве мощного политического оружия. Очевидно, что, чтобы обеспечить эффективность его работы, государство должно не только обладать монополией на его изготовление и использование, но и иметь определенные «рынки сбыта» – специфические каналы распространения картографического материала. Основным среди них можно считать государственную картографию. Государственные институты производят большую часть картографической массы, которая формирует единый картографический дискурс, созвучный основным направлениям государственной политики. Образовательные учреждения и учебная литература также играют немаловаж-

ную роль. Дети чрезвычайно восприимчивы к новой информации, так как, не имея навыков критического мышления, они автоматически принимают любое предоставленное знание за истину. Картографические ресурсы также широко применяются в СМИ, деятельность которых чувствительна к изменениям политической ситуации.

Таким образом, несмотря на то, что географические карты преподносятся как объективные отображения реальности, они являются социальными конструктами, создание которых обусловлено определенными субъективными целями. Картографы посредством манипуляции различными картографическими практиками создают уникальные нарративы, несущие в себе необходимую информацию. Специально сконструированные изображения, распространяясь через многочисленные каналы, становятся частью всеобщего картографического дискурса и оказывают прямое воздействие на индивидуальное и массовое восприятие реальности, формируя определенные ментальные картины мира. Основная масса официальных картографических материалов в стране создается, контролируется и используется государственными деятелями как средство политической пропаганды, национального и государственного строительства, решения геополитических задач. Подобные манипуляции могут производиться не только намеренно, но и бессознательно под воздействием преобладающего государственного дискурса. Все это демонстрирует важность изучения картографического материала с критических позиций.

Географические карты как инструмент государственной политики

Анастасия Вадимовна Аделгареева, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: В статье оспариваются объективность и универсальность картографического материала: географические карты рассматриваются с позиций критической науки как социальные конструкты. В качестве предмета выступает не только специфическая природа карт, но и их влияние на политический процесс. Автор задается целью выяснить, как географические карты используются государственными деятелями для достижения специфических политических целей. Результатом исследования является выявление особенностей картографического материала, способного формировать нарративы, воздействующие на индивидуальное и общественное сознание, а также классификация целей и средств создания и популяризации картографических образов государственными деятелями.

Ключевые слова: критическая геополитика, социальный конструктивизм, картография, картографический дискурс, картографическая визуализация, политическая карта мира, мировая политика, политические нарративы, политические технологии.

Geographical Maps as an Instrument of Politics

Anastasia Vadimovna Adelgareeva, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: The author questions the objectivity of geographic maps arguing that they are social constructions. The peculiarities of cartographic materials and their influence on the political process fall under the scope of the article. The author looks at the ways politicians use maps for personal and professional gain and presents, as a result, the features of the geographic maps capable of forming socially significant narratives and the classification of the ends and means of the politicized construction and popularization of maps performed by politicians.

Key words: critical geopolitics, social constructivism, cartography, cartographic discourse, cartographic visualization, world political map, world politics, political narratives, political technologies.

ШОТЛАНДИЯ: НАЦИЯ БЕЗ НАЦИОНАЛИЗМА?

Я. И. Мальцев

После объявления о проведении 18 сентября 2014 г. референдума о независимости Шотландии сепаратистское движение в этой части Британии оказалось в центре внимания мировых СМИ и аналитиков. Хотя вопрос шотландского национализма и до этого не относился к числу игнорируемых политической наукой проблем (классические работы Нейрна и МакКрона увидели свет еще в 1970-е гг., возможность разрыва установленных 300 лет назад отношений спровоцировала новый взрыв интереса к теме).

В 1998 г. Парламентом был одобрен Акт о Шотландии, утверждавший деволюцию полномочий от центрального правительства к новому шотландскому парламенту в Холируде. Ведавший шотландскими делами с 1885 г. *Scottish Office* был расформирован, большая часть его функций отошла новому шотландскому правительству, а взаимодействие между Вестминстером и Холирудом осуществлялось через новый орган – *Scotland Office*. По мнению Дэвида МакКрона, после этого после этого ранее применявшийся к Шотландии термин ‘*Stateless nation*’ утратил свою актуальность, так как свое государство, хоть и не независимое, шотландцы обрели¹. В 2007 г. Шотландской Национальной Партии (*Scottish National Party* – *SNP*) впервые удалось набрать лучший результат на выборах в Холируд и сформировать коалицию

меньшинства. В 2011 г. *SNP* только улучшила свой результат, недобрав лишь одно место для получения абсолютного большинства в парламенте (необходимо было набрать 65 из 129 мест). На грядущих выборах 2016 г. в свете электорального провала лейбористов (всего одно место в Шотландии) и успеха *SNP* (56 из 59 шотландских мест) на выборах в Парламент Великобритании в 2015 г. вполне правомерно допустить возможность получения националистами большинства в Холируде, которое позволит им формировать правительство, не оглядываясь на другие политические силы в стране.

Шотландская Национальная Партия прочно стоит на позициях независимой Шотландии. В целом, сепаратизм может рассматриваться как крайнее проявление национализма, стремление к окончательной политической актуализации нации – построению собственного государства. Национализм, вместе с тем, совершенно не обязан непременно принимать сепаратистские формы. Баварский национализм в Германии или татарский национализм в России, в целом, принимают идею существования в политических рамках общих с другой нацией, а не формирования собственного полностью независимого *nation-state*.

Тем более не обязан быть сепаратистским национализм в Шотландии. До 1970-х гг. XX века считалось, что шотландцы осознанно сделали выбор в пользу союза с Англией, и развитие шотландской нации не имеет непереносимой связи с отделением от Великобритании. Шотландцы были в первых рядах формировавших свою национальную идентичность народов. Так называемый «тартанизм» (*tartanism*) – сте-

¹ Dalle Mulle E. The Nationalism of the Rich. Discourses and Strategies of Separatist Parties in Padania, Catalonia, Scotland and Flanders. / E. Dalle Mulle. – Geneva, 2011. – [Electronic resource]. Mode of access: http://www.academia.edu/3483884/The_nationalism_of_the_rich_discourses_and_strategies_of_separatist_parties_in_Padania_Catalonia_Scotland_and_Flanders

реотипическое изображение шотландской культуры как культуры килтов и горцев – восходит к Вальтеру Скотту, одному из творцов привычного нам образа шотландца². Осознание себя в качестве отдельной от англичан нации наблюдается еще раньше, в XVIII веке Юм отмечает развитую литературную традицию шотландцев, выделяющую их среди других европейцев. Литературные вкусы могут быть разными, но важен сам факт выделения шотландцев как сформировавшейся общности, следовательно, бурное развитие шотландского национализма в 1970-е гг. не может трактоваться как «рождение нации», нация уже рождена, вопрос в том, почему она решила пересмотреть договор, заключенный в 1707 г., 260 лет не вызывавший проблем в отношениях Великобритании и Шотландии.

Шотландский национализм может рассматриваться как часть европейской неонационалистической тенденции, включающей в себя Каталонию, Фландрию, Паданию и находящийся не в Европе, но обладающий схожими признаками Квебек. Все эти регионы более экономически развиты, чем их страны в среднем, и стремятся к независимости ради более полного распоряжения своими ресурсами. Особо близко друг к другу стоят случаи Шотландии и Каталонии, где националисты занимают левые позиции и протестуют против изъятия народных доходов в пользу всей остальной страны.

Шотландский национализм между двумя референдумами

После референдума 1997 г. о создании отдельного Парламента Шотландии перед британской политической системой встал сложный вопрос возникновения двух политических измерений – шотландского и британского. Так либеральным демократам требовалось блокироваться в Шотландии с лейбористами, а в Вестминстере – с консерваторами. Разумеется, такая конфигурация создавала серьезные идеологические проблемы для партии и, напротив, давала ориентированной исключительно на Шот-

ландию SNP большее пространство для маневра.

В 2007 г. *SNP* впервые выиграла выборы в Парламент Шотландии. С этого момента можно наблюдать интересную тенденцию в развитии шотландского национализма: уровень поддержки идеи независимости не повышался, но популярность партии росла, так как националисты оказались эффективными управленцами, чего их противники не ожидали³. Историческая ирония – от первого лейбористского правительства, избранного в 1923 г., так же ждали неизбежного провала, после которого на партии можно будет ставить крест. Лейбористы же проявили себя вполне уверенными политиками, заняв одно из двух ведущих мест в британской партийной структуре.

Если в 1974 г. *SNP* сумела извлечь выгоду из открытия нефтяных месторождений, в 1980-е обеспечивала себе скромный, но постоянный рост на фоне недовольства политикой Тетчер, то в 2000-е гг. фактором, повернувшим шотландцев в сторону националистической партии, стала война в Ираке. Иракская война, непопулярная в Британии в целом, нанесла серьезный удар по лейбористам, бывшим основными соперниками *SNP* в вопросах о власти в Шотландии. Националисты делали упор на то, что шотландские войска не должны участвовать в военных конфликтах, а независимая Шотландия в принципе не будет ввязываться в войны.

Заметно, что электоральные успехи *SNP* весьма нестабильны. За успехом 1974 г. последовал провал 1978 г., для следующего большого прорыва потребовалось вовлечение страны в непопулярную войну. Это давало повод говорить об *SNP* как о партии, ориентированной на чистый успех на выборах, а не на выстраивание прочных общественных структур. Период с 2007 по 2014 гг. изменил ситуацию. На фоне ослабевающих лейбористов, проводивших неэффективные предвыборные кампании и терявших связь с избирателями, шотландские националисты все более эффективно утверждали себя в роли лидирующей партии региона и посто-

² Finlay R. Scottish history. / R. Finlay. – Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 196.

³ Gallaher J. Where next for Scottish devolution? / J. Gallaher. // Public Policy Research. December–February 2011.

янного политического игрока. Злую шутку с лейбористами сыграл тот факт, что, по мнению многих партийных лидеров, «реальная политика» делалась в Вестминстере, выборы же в Шотландский парламент большой важностью не обладали. В итоге агитация и работа в Шотландии проводилась лейбористами по остаточному принципу, за что они поплатились сначала в 2007, а затем – в 2011 г. *SNP* же не просто могла сосредоточиться на чисто шотландских вопросах, но и продвигала концепцию партии, являющейся более чем партией, интересным примером подобного позиционирования служат «Свадьбы *SNP*», призванные показать, что националисты стремятся не просто к получению голосов, но к разделению с сообществом всех сторон его жизни.

В 2000-е гг. начинает складываться концепция «экономической нации». Шотландцы постулировали свои отличия от англичан с их неолиберальной экономической доктриной, предполагавшей индивидуалистическую конкуренцию. Для Шотландии же были более характерны взаимная поддержка и развитие, основанное не на безграничной конкуренции, а на ценностях коммунитаризма⁴. Экономическая аргументация националистов таким образом оказывается увязана с ценностной. Необходимо, впрочем, отметить, что годы неолиберализма не прошли даром для шотландского национализма, породив в нем течение сторонников модели создания в Шотландии эффективного пространства для либеральной конкуренции, а не общества, осуществляющего прямую поддержку своих членов. Однако эти разногласия не являются определяющими и не отменяют единства по основным политическим вопросам.

Главным итогом периода 1999–2014 гг. можно считать сложившийся факт установления *SNP* в качестве одной из ключевых партий Шотландии. Два срока подряд националисты демонстрировали свою способность к эффективному управлению, перейдя от стратегии борьбы за конкретные места на конкретных выборах к структурированию по-

литической системы, в которой *SNP* будет занимать устойчивые и постоянные позиции.

Референдум о независимости – без победителей

В 1990-е гг. Эрик Хобсбаум охарактеризовал шотландский национализм как инструменталистское течение, чья сепаратистская риторика служит лишь способом получить большую автономию. Предполагалось, что после деволюции вопрос о независимости окажется, по большому счету, снят, а политический процесс в Шотландии сведется к борьбе за позиции в местном Парламенте и правительстве. Готовность *SNP* идти до конца продемонстрировала, что прочность Союза переоценена, а упорство шотландских сепаратистов – напротив, оказалось выше, чем ожидалось.

Референдум продемонстрировал, что, несмотря на общий отрицательный для националистов результат, существенная часть шотландцев настроена голосовать «за». Такое количество голосующих не может быть проигнорировано, *SNP* не получила необходимого результата, но продемонстрировала свою силу. Хотя лишь 4 региона проголосовали за отделение (Северный Ланкашир, Западный Дамбартоншир, Данди и Глазго), среди них оказался крупнейший город Шотландии.

По опросам YouGov единственной возрастной группой, где сторонники независимости победили оказалась группа 25–35-летних, где таковых оказалось 55%. Возможно, это связано с их ожиданиями от рынка труда и экономики в целом, потрясения в которой для молодых людей крайне нежелательны. Группой же наиболее уверенно поддержавшей Союз оказались самые возрастные избиратели – 73% людей старше 65 проголосовали за сохранение единства.

Проголосовавшие «за» живут в областях с более высоким уровнем безработицы, чем в среднем по Шотландии. Во всех четырех областях, высказавшихся против союза, доля безработных превышает 16% при среднем уровне по стране в 12,8%. Это позволяет говорить о голосовании за независимость в том числе как о попытке изменить экономическую ситуацию в стране.

⁴ Geoghegan P. Scotland's Revenge. / P. Geoghegan. – Foreign Policy [Electronic resource]. – 28.04.15. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2015/04/28/scotlands-revenge-uk-election-scottish-national-party>

Наравне с концепцией полной независимости обсуждается вариант так называемой «Максимальной деволюции» (*Devo Max*) с передачей Шотландии максимально возможного объема полномочий. По итогам референдума она и так получила возможность регулировать налогообложение в дополнение к тем полномочиям, что у нее уже были. Таким образом, референдум не снял противоречия между Англией и Шотландией, может оказаться, что он стал лишь очередным шагом на пути к независимости.

Победа *SNP* на выборах в Парламент 7 мая 2015 г. стала ярким знаком того, что националисты на сегодняшний момент стали главной политической силой в стране, хотя и не все шотландцы разделяют их радикально сепционистские взгляды. После выборов в Парламент Шотландии 2016 г. и весьма вероятного успеха *SNP* Великобритании рискует получить одну из самых опасных политических конфигураций – доминирование националистов в Шотландии при консервативном правительстве. Очевидной причиной раздора может стать евроскептицизм консерваторов, противостоящий европейским устремлениям шотландских националистов. Если в 2017 г. консерваторы исполнят свои обещания и проведут референдум о выходе из ЕС, это может спровоцировать новый конституционный кризис, поскольку *SNP* много раз недвусмысленно заявляла о том, что не мыслит страну вне Европейского Союза.

Такие противоречия более опасны для Соединенного Королевства, чем громкие акции наподобие референдума 18 сентября. Постепенное расхождение устремлений подданных британской короны в разных регионах может сформировать условия, в которых политические кризисы будут следовать друг за другом, а Шотландия превратится в неиссякающий источник проблем для центрального правительства.

Перед референдумом Дэвид Кэмерон обещал Шотландии предоставление максимально возможных полномочий в области самоуправления. Он не отказывается от своих слов, но предлагает увеличить долю переданных полномочий не только для Шотландии, но и для Англии, Уэльса и Северной

Ирландии. Сложно говорить о реализации этой идеи, к примеру, у Англии просто не существует собственных органов подобных Парламенту Шотландии, неясно, кто именно будет осуществлять увеличившиеся полномочия. В любом случае это предложение показывает, насколько нестабильна на сегодняшний момент конституционная конструкция Великобритании.

Почему шотландцы становятся националистами? Шотландия 260 лет была органичной частью Империи и Соединенного Королевства, делая политический выбор в пользу единой Великобритании. Указание на нефтяные доходы как на стимул к сепсису не может объяснить столь последовательного движения в сторону независимости, какими бы высокими эти доходы ни были. «Национализация» Шотландии есть свидетельство разочарования в политической системе Великобритании в целом. В статье на одном из основных националистических ресурсов "*Bella Caledonia*" Джон Уоррен указывает, что на последних парламентских выборах консерваторы получили большинство, заручившись реальной поддержкой лишь 24% британцев, треть избирателей не пришла на выборы. По его мнению, такая политическая система просто не отражает демократическую волю британцев. Справедливости ради, *SNP* на выигранных выборах в Холируд 2011 г. получила поддержку 22,1% от общего числа шотландского электората, так что аргумент Уоррена является скорее игрой на публику, но растущий отказ от поддержки «традиционных» общевеликобританских партий действительно указывает на неверие шотландцев в их способность обеспечить процветание региона.

Экономические диспропорции современной Великобритании также играют свою роль в стремлении Шотландии к обособлению. Так, если брать ситуацию в Англии, в Большом Лондоне, в котором проживают лишь 16% населения страны, на жителя приходится в 24 раза больше денег, потраченных на инфраструктурные инвестиции, чем на Северо-Востоке страны. Для Великобритании все более характерно выделение богатого консервативного Юга и недополучающего средств Севера, не доверяюще-

го консерваторам. Из 158 мест в северных английских регионах консерваторы получили на выборах лишь 43, лейбористы в свою очередь смогли занять только 10 в южных регионах за пределами Лондона. Великобритания поляризуется, но Шотландия не стремится занять то или иное место в борьбе традиционных партий, предпочитая выбирать националистов, которые, по мнению избирателей, будут лучше отстаивать интересы страны в Парламенте.

Поляризация между Севером и Югом проявляется и в поляризации между Англией и Шотландией. Неолиберальная политика в Англии резко противоречит растущим шотландским расходам на социальное обеспечение. Постоянное упоминание возможной приватизации национальной системы здравоохранения было одним из лейтмотивов выступлений Алекса Салмонда на дебатах против лидера кампании «Лучше вместе» (*Better together*) Дэнни Александра. По словам английского журналиста Эндрю Нила, когда деньги для шотландцев текли рекой, они не собирались реформировать свои общественные службы: «В Англии лейтмотивом политики было «сокращать, сокращать, сокращать», в Шотландии же — «тратить, тратить, тратить»». Было бы чрезмерным предрекать Англии и Шотландии неприменный разрыв на основании бюджетных противоречий между регионами, но расходования в социальной политике из года в год становятся все более ощутимыми.

Референдум и последовавшие выборы в Парламент показали, что поддержка националистов совершенно не тождественна неприменному стремлению к независимости. На референдуме шотландцы *SNP* не поддержали, но на выборах в Парламент отдали почти все возможные места. Шотландцы, в целом, согласны с экономической и социальной доктриной *SNP*, но делать заключительный шаг пока не готовы.

В целом, можно выделить следующие причины, заставляющие шотландцев принимать доктрины националистов:

1. *SNP* удалось сформировать более привлекательную экономическую и социальную программу, чем консерваторам. Ценности социальной поддержки и общественного един-

ства вызывают отклик у более коммунитаристской, чем остальная Британия Шотландии.

2. Националисты имели более широкое пространство для политического маневра, так как они действовали исключительно в рамках Шотландии и не были ограничены необходимостью получать поддержку в других регионах Британии. Это также создало им имидж наиболее эффективных представителей шотландских интересов.

3. Конфликт идентичностей, наблюдавшийся с 1970-х гг., также сыграл свою роль. Несмотря на то, что противоречия между церквями Шотландии и Англии давно в прошлом, а языковые различия в общем контексте сепаратистского вопроса несущественны, попытка наполнить британскую идентичность исключительно английским содержанием корродировала общую национальную идентичность. Проблема усугублена размытостью самой концепции британской идентичности, формировавшейся в условиях многообразия региональных культур Соединенного Королевства, а не континентального приведения к единому стандарту, характерного для Франции или Испании. Особо ярко конфликт идентичностей проявился в споре о введении обязательной платы за высшее образование — совершенно нормального явления для Англии, но неприемлемого в Шотландии, где образование — один из столпов национальной идентичности.

4. Голосование за *SNP* является в своем роде протестным, оно олицетворяет потребность в создании иной политической и экономической системы, отдельной от британской. Британскую экономическую модель, к примеру, считают неудачной 46% шотландцев.

Перспективы *SNP* многообещающи, но считать шотландское национальное движение окончательно оформившимся нельзя. После упадка консервативной партии в стране осталась определенная доля людей правых убеждений, чьи политические взгляды на сегодняшний момент, по сути, не находят адекватного представительства ни в Парламенте Великобритании, ни в Парламенте Шотландии. Эта группа развивает концепции «предпринимательского национализма» в противовес отстаиваемому *SNP* национа-

лизму социального обеспечения. Согласно этой концепции, задача шотландского правительства состоит не в формировании государства всеобщего благосостояния, а в создании условий для реализации личного потенциала в мире свободного рынка, поощрении предпринимательства, а не простой индивидуальной помощи. Если правая националистическая партия будет сформиро-

вана, и борьба на выборах в Шотландии будет вестись между нею и *SNP*, это будет означать фактическое формирование обособленной политической структуры к северу от Англии. По сути, националистическое развитие Шотландии может привести к независимости без формального отделения. Тогда сказать, что эта нация существует вне национализма, не сможет уже никто.

Шотландия: нация без национализма?

Ярослав Игоревич Мальцев, студент Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: До 1990-х гг. 20 века для описания шотландского политического развития использовались концепты «Нация без государства» и «Нация без национализма». После деволюции 1998 года и электоральных успехов Шотландской национальной партии ни одна из этих конструкций не может верно охарактеризовать происходящие в Шотландии процессы. Формирование новой расстановки политических сил в Шотландии еще не завершено, но на текущий момент, с учетом крайнего ослабления позиций «больших» партий в Шотландии она развивается в сторону появления в стране политической конфигурации, отделенной от общebritанской.

Ключевые слова: Шотландия, национализм, Шотландская национальная партия, Референдум о независимости Шотландии 2014 года, деволюция.

Scotland: Nation without Nationalism?

Yaroslav Igorevich Maltsev, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University

Abstract: In the period before 1990s two concepts were used to describe the Scottish political development: "Nation without nationalism" and "The stateless nation". After the devolution of 1998 and electoral achievements of SNP neither of these constructions can properly characterize the processes, undergoing in Scotland. The forming of new alignment of political powers in Scotland is not yet finished, but so far its development leads to the emergence of political configuration separated from that of All-British, with regard to extreme weakening of "big" parties in Scotland.

Key words: Scotland, nationalism, Scottish National Party, Scottish Independence Referendum, devolution.

THE RE-INTEGRATION OF IRAN INTO THE GLOBAL ENERGY MARKETS AND ITS GEOPOLITICAL IMPLICATIONS

Nikita Semenov

Background

International sanctions started to hit Iranian economy after the Iranian Revolution of 1979. This year was marked with the first in the series of sanctions after the takeover of the U.S. embassy in Tehran. These sanctions were substantially lifted, but more of them followed in Carter's, Reagan's and Clinton's tenures of presidential office in regard to the Iranian regime's terrorist activities and human rights violation¹. After International Atomic Energy Agency (IAEA) discovered in 2004 that Iran shifted to the nuclear program which could potentially have a broader reach, UN and EU have also imposed sanctions. Iran refused to cooperate with IAEA on the subject of its uranium enrichment which was allegedly intended for illicit procurement of nuclear weapons. These latter sanctions not only hit oil and gas industries, which were fundamental for the economic stability of the regime, but also included various embargos on banking and trade. In 2012 Iran could not operate its financial services industry anymore, since it was cut off from SWIFT, a world hub for banking services.

As EU companies withdrew from Iranian market, Iranian economy was crippled in many ways. A nuclear program could not be continued at the same scale due to lack of necessary equipment to be produced in Iran. As for energy industries, with limited access to western technologies to increase production efficiency and lack of the same number of customers, energy industries have stopped pumping as much oil and gas as they used to and lost prior competi-

tiveness. Before the sanctions hit, the oil production totaled 4.2 million barrels a day in 2012 and accounts for only 1.3 million now².

It turned out this spring that years of sanctions could be put to an end. Almost two-year negotiations culminated by the nuclear deal struck in Vienna on July 14, which provide for potential removal of sanctions related to Iran's nuclear activities. Though sanctions on rocket and other defense industries are still going to be in place, this will already soothe Iran's dire economic state by opening the gates for international companies to gain from one of the biggest closed economies. With sanctions on key business industries and banking gone, Iranian economy can promptly boost its economic growth. The hydrocarbon industry accounts for just 15% of Iran's gross domestic product, which as of 2013 was the 18th largest in the world measured by purchasing power parity³, but both of these indicators might improve as early as next year. Although energy markets are not exactly in the same shape as in 2012, a will of the international community to open this market can contribute to a prompt recovery of Iran's economy. It faced significant inflation of some 50%-70% in 2013, while its GDP plunged by 5%⁴ in the same year.

Impact on global oil and gas markets

Oil. At the close of signing a nuclear deal in Vienna, Iranians were already planning some

¹ "Iran Sanctions." *U.S. Department of State*. U.S. Department of State, n.d. Web. 14 Aug. 2015.

² IEA Oil Market Report 2015 <https://www.iea.org/oilmarketreport/>

³ "Investors Eye Iranian Opening - FT.com." *Financial Times*, July 7. <http://www.ft.com/intl/cms/s/3/da428b4c-23d3-11e5-bd83-71cb60e8f08c.html#axzz3iUsDeLvd>

⁴ International Monetary Fund data <http://imf.org>

of their strategy. National Iranian Oil Company (NIOC) has been ordered to increase its production at that time⁵. The sanctions are still officially in place, but Iran can boost production by 500,000 barrels a day within three to six months, according to Facts Global Energy, a consultancy bolstering public finances⁶.

According to different estimates, Iran can supply 0.5-1 mln barrels per day next year while the global consumption of oil and other liquid fuels amounted to 93 mln barrels a day (and 95.3 mln barrels supplied as of January 2015)⁷. Since the oil market is not exactly strong these days with already existing glut of oil, any additional supply can drag the price down. This pressure on the price can pull down the price for a barrel of Brent well below \$50 per barrel when the U.S. and U.N. sanctions are going to be lifted – sensitive markets can emotionally allow the price to drop below a threshold of \$40. However, Iran might not be the main factor – OPEC (Iran is a member as well) has been increasing production ever since the prices started to slide. Saudi Arabia, the largest oil producer, has boosted the production to 10.6 mln barrels this June, the highest in its history⁸. The USA has also no plans to cut back on its production.

Years of deprivation from western technology have had a toll on Iranian abilities to produce and supply immediately and for this reason some experts say that Iranian oil is going to return to the markets only in the medium-term perspective. Other sources seem to have a similar stand on Iran's capabilities to return to the market. Société Générale, a French bank, says "Iranian crude will not become a major issue for the oil markets until 2016"⁹. Iran still has an estimated stored capacity of 30 million barrels that could have not been supplied anywhere else due to the sanctions and letting out this amount of oil in the global market might be

acid for the oil price, though this is deemed an unlikely scenario.

Since sanctions are going to be lifted in intervals when Iran proves its compliance after IAEA investigations – possibly first sanctions could be lifted by the end of this year.

According to Amir Zamaninia, a senior deputy oil minister, Iran's energy sector requires investments of \$185 billion by 2020¹⁰. Likes of Shell, Total, BP, Lukoil and Eni openly acknowledge negotiations about the new contracts in Iran. Though the companies are attracted to low capital expenditure for production per barrel – \$10-15¹¹, their managers are looking for improved terms in agreements due to losses they suffered after the EU introduced their sanctions in 2011 and the risk of Iran's non-compliance with the nuclear deal. Most notably, the companies hope to bear fruit of integrated petroleum contracts which suggest longer timeframe and scope of cooperation. Despite prior objections to these steps, Iran might be willing to introduce joint ventures up to 20-25 years with western partners where they may even partly own the oil for production in exchange for transfer of technologies¹². This measure is undertaken by Iranian government in order to incentivize multinationals for a higher risk they have to bear by also lulling them into a long-term cooperation, which can lead to a sustainable growth.

Natural gas. Iran has second largest natural gas reserves in the world, with 34 trillion cubic meters in reserves¹³ and there are multiple countries willing to receive energy from Iran once the sanctions are lifted. India, China and European Union could be competing for natural gas flowing from Iran. The question is, however, that most infrastructure is not built to any of these territories and the investment in any of

⁵ «Иранская НАОС получила задание увеличить нефтедобычу» *Technoblog.ru*, July 15. <http://technoblog.ru/2015/07/15/42764>

⁶ "Investors Eye Iranian Opening - FT.com." *Financial Times*, July 7.

⁷ IEA Oil Market Report 2015 <https://www.iea.org/oilmarketreport/>

⁸ OPEC Monthly Oil Market Report. July, 2015. <http://www.opec.org>

⁹ "How Iranian Nuclear Deal Would Affect Oil Markets." WSJ, April, 2. <http://www.wsj.com/>

¹⁰ "Iran Holds Out Improved Oil-Contract Terms." WSJ, June 18. <http://www.wsj.com/>

¹¹ Data according to Turquoise, consultancy specializing on investments in Iran <http://www.turquoisepartners.com/iraninvestment/>

¹² "Iran Holds Out Improved Oil-Contract Terms." WSJ, June 18. <http://www.wsj.com/>

¹³ Natural gas reserves, data from BP website <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/review-by-energy-type/natural-gas/natural-gas-reserves.html>

those projects depends on its cost, the gas price negotiated with Iran and the situation on oil and gas market.

The European Commission, pre-occupied with an idea of energy security and diversification of natural gas supply, might certainly welcome an idea of another large partner coming to the market. Multiple projects such as Nabucco, Iran-Iraq-Syria pipeline and TANAP/TAP discussed for a long time leave many people perplexed which route exactly will be chosen in the end, but the latter is actually preferred by the European Commission. Iranian officials reassured that they could implement Azeri and Turkmen gas in a single pipeline running to the EU¹⁴, though it is not exactly in its interests. Notably there is no existing pipeline from Azerbaijan to Iran and it might take years to build one. Shah Deniz, a gas field located in Azerbaijan, can potentially produce as much as 25 billion cubic meters and European looked positively at the prospect of Azeri gas to flow in Europe as well. Gazprom, facing legal challenges in a number of countries in Europe in 2012-2013 and on-going uncertainty about its "Turkish Stream" project, might have to budge on their prices even more when Iranian gas will start flowing to Europe. The Russian natural gas typhoon has a considerable cushion of time before Iranian gas flows in Europe thanks to a dilapidated production infrastructure and lack of actual pipelines from Iran to the EU.

There is an important implication of any pipeline running from Iran to the west. With Kurdish and ISIS unrest on the borders between Turkey and Iran, pipelines could be damaged causing a temporary inability to supply gas. For example, the existing pipeline carrying natural gas from Turkey to Iran often came under attack by Kurdish militants since the 1990s and up until 2013, with the new attack happening on July, 28¹⁵. Due to this geographical neighborhood Iran cannot become a truly reliable partner, since these attacks will persist as long as the Kurdish problem is not resolved.

¹⁴ "Iran Seeking Role In Selling Gas To Europe." RadioFreeEurope/RadioLiberty, February, 22. <http://www.rferl.org/content/russia-iran-gas-supply-europe/26862739.html>

¹⁵ "Attack halts flow in natural gas pipeline from Iran to Turkey." Yahoo, July, 28 <http://news.yahoo.com/>

Geopolitical outlook

The nuclear deal was generally welcomed by Europeans: eurozone prime-ministers immediately arranged visits to Iran after the accord was struck¹⁶ following many of the European multinationals which visited Tehran to discuss new business opportunities. Switzerland went ahead and lifted its sanctions effectively on August, 13¹⁷ without waiting for the results of IAEA inspections, which is a basis for the rest of European countries to lift their sanctions. Switzerland has traditionally held close ties with the Gulf state, as Iranians reportedly registered sanctioned companies in Switzerland. The companies would be operated for some time under this arrangement to be renamed or re-registered in any other way to circumvent the sanctions. Switzerland is home to some largest oil traders and the country's move to lift the sanctions can help it be in the front accessing the closed market earlier than the rest of European countries.

European businesses are flocking to Iran in the face of the new lucrative deals possible to start as soon as the sanctions are going to be lifted. It is true that EU and UN sanctions are going to be lifted in intervals when Iran proves that it adheres to agreements laid out in Vienna deal, but the prospect of opening this market for European companies hindered by the Ukrainian crisis make European political rhetoric very favorable towards Iran and the nuclear deal. According to World Bank, Iran will grow 5% in 2016 surging from 3% this year¹⁸. This growth is also reflective of prospective return of European investments in Iranian economy.

However, there is a lot of criticism of the Vienna deal heard throughout the world, with Saudi Arabia and Israel most vocal in the region, and in

¹⁶ "European Companies: Enter The Iranian Market At Your Own Risk". *Forbes*, July, 29. <http://www.forbes.com/>

¹⁷ Federal Department of Foreign Affairs of Switzerland <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/representations-and-travel-advice/iran/switzerland-iran.html>

¹⁸ Shanta Devarajan, Lili Mottaghi. 2015 "Economic Implications of Lifting Sanctions on Iran" Middle East and North Africa Quarterly Economic Brief, (July), World Bank, Washington, DC.

the U.S. as well. First, critics note that a nuclear issue is not directly resolved, since the deal only provides for reduction of enriched uranium stockpile and enrichment capabilities. International Atomic Energy Agency representatives will as well receive access to suspicious sites, but Iran can potentially boost his nuclear activities after 10 years of compliance with the nuclear deal when the agreement expires. Second, there is a potential shift in power balance that the removal of the sanctions will cause in the region. Iran can certainly regain its political power when the country gathers economic momentum.

As for one, Israel was predominantly concerned with the nuclear deal calling it "the biggest mistake"¹⁹ for the security of the Middle East. Saudi Arabia has a similar stance which arises from religious dissimilarities with Iran guiding their foreign policy in many aspects. Netanyahu, Israeli prime minister, is sensitive about the neighborhood with Iran and the long-standing record of hostility of the military elites and the terrorist activity, for which Iran was sanctioned in the past. Israelis fear that once Iran becomes economically stable again, funds can be allocated to fight an Israeli state. Netanyahu also point out at a possibility of developing nuclear bombs that can even reach the USA, since President Obama was one of the initiators of the nuclear deal.

Though the deal is backed by Obama administration, it is not certain whether Congress will accept the terms of the nuclear deal. Multiple Republican congressmen noted uncertainty of the implications of the nuclear deal after its expiration. Their discontent is fueled by Obama's promise to veto any bill blocking implementation of Iran deal.

For some countries in the Middle East the nuclear deal opens additional opportunities. United Arabian Emirates, Iran's neighbor traditionally played a role of a host for many Iranian businesses after the sanctions hit – and accounts for over 10,000 Iranian companies now²⁰. Some of them served plainly to overrun

sanctions and maintain banking and other business operations. UAE is a strong banking hub and has a developed aviation industry, both of the areas that Iran might be interested to learn from to grow faster.

To the surprise of many international experts, Russia was also one of the most supportive parties in the Vienna deal. Liberation of Iranian oil and gas is definitely not a win-win situation for Russia: Russia can substantially increase the trade in grain, agriculture, military equipment and projects in atomic energy, but it will face increased competition on European energy markets in the medium term. However, this concession and cooperation with the west over Iran could be strategically important to find a way to resolve the Ukrainian crisis by recognizing Crimea's accession to Russia in one way or another.

¹⁹ "Why Iran Deal is So Deadly: Israel Prime Minister Netanyahu Talks with Steve Forbes". Forbes, July, 16. <http://www.forbes.com>

²⁰ <http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21659760-many-firms-looking-do-business-iran-will-go-through-dubai-nuclear-deals>

Реинтеграция Ирана в глобальные энергетические рынки и ее геополитические последствия

Никита Евгеньевич Семенов, студент Факультета международных экономических отношений МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** Недавние переговоры, прошедшие в этом году в Швейцарии принесли надежду тому поколению иранцев, чья жизнь претерпела изменения из-за международных санкций, наложенных на страну. Переговоры в Венне также внушили надежду простым иранцам на то, что их жизнь будет улучшена. Достижение соглашения с Ираном также может повлиять на глобальные энергетические рынки, поскольку Иран вполне может стать одним из ключевых поставщиков нефти и газа в Европейский Союз и ряд азиатских стран. Он находится на четвертом месте в мире по объемам нефти, а также обладает существенными запасами газа. В течение десятилетий экономической изоляции Иран не имел доступа к западным технологиям и сейчас необходимы существенные инвестиции в нефтегазовую отрасль, чтобы наладить поставки этих ресурсов в Евразию. При этом в случае экономического роста Иран может восстановить свое политическое влияние на Ближнем Востоке, что станет источником дальнейших разногласий с Израилем и некоторыми арабскими странами.*

***Ключевые слова:** ядерная программа Ирана, глобальный энергетический рынок, геополитический баланс сил.*

The Re-Integration of Iran into the Global Energy Markets and its Geopolitical Implications

Nikita Evgen'evich Semenov, BA student, School of International Economic Relations, MGIMO University.

***Abstract:** Recent negotiations earlier this year in Switzerland brought hope to the generation of Iranians whose life have been altered by the damaging influence of international sanctions on the country's economy. Recent high-level negotiations in Vienna have a tangible promise of final relief for ordinary people. This nuclear deal has a high potential to influence on global energy markets, since Iran could be a major oil and natural gas supplier to the European Union and a number of Asian countries, since it holds fourth largest reserves of oil and largest reserves of natural gas. Decades of economic isolation from western technologies have had a detrimental effect on the industrial development and the economy needs major investments in order to bring Iranian gas and oil flowing in Eurasia. Iran has some idle capacity of oil waiting to pave its way to the customer once the sanctions are effectively lifted after the accord struck in Vienna on June, 14, and this certainly puts additional pressure on oil and gas prices. Moreover, Iran's economic growth can restore its political influence in the Middle East which has already been source of contention in Israel and some Arabian countries.*

***Key words:** Iranian nuclear programme, global energy market, geopolitical balance of power.*

Пространственные идентичности Молдавии

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4\(21\)-56-58](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-56-58)

РОССИЯ И ЕВРОПА: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ (*othering*) (на примере геополитического конфликта в Молдавии)

И.Ю. Окунев

Крымский кризис в системе международных отношений 2014 г. стал проявлением системного противостояния России и Запада. В ходе кризиса в глобальном идейно-информационном соперничестве одно из ключевых мест занял дискурс о цивилизационных различиях России и Европы, который можно обобщить как «Россия — это не Европа» (и наоборот). Таким образом, международный политический конфликт оказался интерпретирован через антагонизм пространственных образов Европы и России/Евразии, а следовательно, стал конструктивно геополитическим.

Происхождение данного дискурса, по видимому, относится еще к середине XV в., когда христианская пост-романская идентичность (границы распространения которой включали и Древнюю Русь) дополняется пространственной характеристикой, формируя современные границы «европейской» цивилизации. Это связано с почти одновременным успехом Реконкисты на Пиренеях и падением Константинополя на Балканах, в результате чего границы христианского мира начинают больше совпадать с географическими границами континента. В то же время подобный пространственный образ актуализует необходимость оформления восточной границы европейской цивилизации, которая может быть только ментальной, а не географической. Ордынское иго на Руси в то время и попытка формирования национальной идеи нового московского

государства через позиционирование себя в качестве наследницы Византии стали причинами, оформившими данную ментальную границу. Она пролегла между католической Западной Европой и православной Россией, образовав буферную серую зону на территориях славянских, балтийских и финно-угорских народов. Данный дискурс, будучи импортированным в Россию в XVIII в., стал ключевой дихотомией российской внешней политики (извечный спор «западников» и «почвенников»).

На наш взгляд, существующий кризис в международных отношениях отражает следующие ключевые трансформации дискурса о противопоставлении Европы и России.

Во-первых, данный дискурс оказался переосмыслен и редуцирован с «Россия это не Европа» до «Россия это анти-Европа» (и наоборот), что привело к эскалации конфликта вдоль всей ментальной границы Европы и России (в первую очередь, на Украине и в Молдавии). Гражданская война на Украине привела к оформлению мифа о двух государствах, вышедших из ядра Древней Руси — европейского, демократического украинского, и восточного, деспотичного российского. Антагонизм двух образований привел к реинтерпретации на Украине европейской идентичности как антироссийской. Данный спор породил схожие дискурсы о «европейскости» Молдовы, Беларуси, Грузии, Армении, как культур, альтернативных азиатской России.

Во-вторых, данный дискурс оказался формой маркирования внутривосточных расколов в странах российско-европейского пограничья. Так, в Молдавии сторонниками интеграции с Россией стали не только русские жители Приднестровья, но и культурно более далекие гагаузы и болгары. Это подтверждает тот факт, что дискурс не отражает цивилизационный разлом, а является искусственно сконструированным. Через дискурс о геополитическом выборе ориентации на Европу или Россию в многокомпонентном молдавском обществе актуализировалась политическая дискуссия о формах национального строительства в молодом государстве. Европейский выбор стал маркером мажоритарной модели национального строительства, предполагающей построение этнической нации на основе молдавского этноса. В его наиболее крайней форме он агитирует за объединение страны с Румынией и отождествляет молдавский этнос и язык с румынским. Основными адептами такой интерпретации выступают собственно румыны и религиозное меньшинство молдаван-прихожан Румынской православной церкви. Российский (или нейтральный) выбор стал маркером консociативной модели национального строительства, основанной на построении политической нации, предполагающей сбалансированное участие всех этнических и религиозных групп в политическом процессе. С разной степенью интенсивности он поддерживается этническими меньшинствами Молдовы (русскими, украинцами, гагаузами, болгарскими) и частично молдаванами-прихожанами Русской православной церкви.

Для подтверждения данной гипотезы Клубом геополитических исследований НСО МГИМО (У) МИД России была проведена экспедиция, собран и обработан материал, отражающий соответствующий дискурс в Кишиневе, Комрате (Автономное территориальное образование Гагаузия), Тараклии (Болгарская национально-культурная автономия) и Тирасполе (Приднестровская Молдавская Республика).

Экспедиция продолжила традицию исследований Клуба, начатую в 2013 году. Итогами предыдущей экспедиции на российско-

финское пограничье, которая состоялась в прошлом году, стали публикация в журнале *Human Geographies*, входящем в международную библиографическую базу Scopus, и сборник «Критическая геополитика», который получил диплом конкурса научных работ РАПН.

Экспедиция в Молдавию была организована в партнерстве с исследовательской группой по политической географии и геополитике молодежного отделения РАПН и Клубом геозергетической политики ВШЭ. От МГИМО в научной экспедиции принимали участие научный руководитель Клуба геополитических исследований, доцент И.Ю. Окунев, Д. Басова, П. Талыбов, А.Салаватова и М.Тисленко.

Студенты Университета, по приглашению Министерства иностранных дел ПМР, приняли участие в заседании Совета молодых дипломатов. В рамках встречи участники обсудили текущую геополитическую ситуацию в регионе.

Одним из пунктов программы было посещение Тараклийского государственного университета, ведущие профессора которого прочитали лекцию об истории и культуре бессарабских болгар, ознакомили с экспозицией университетских музеев. В завершении встречи прошел круглый стол с участием преподавателей и студентов вуза, где обсуждались перспективы сотрудничества.

В ходе экспедиции студенты собрали письменные, устные и визуальные материалы, посетили историко-культурные и этнографические объекты. Также были проведены глубинные интервью с экспертами, лидерами общественного мнения и молодежью.

**Россия и Европа: деконструкция дискурса
противопоставления (othering)
(на примере геополитического конфликта в Молдавии)**

Игорь Юрьевич Окунев, к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В статье содержится описание методологической основы исследования пространственной идентичности жителей Молдовы, проведенной клубом геополитических исследований МГИМО*

***Ключевые слова:** Молдавия, пространственная идентичность, критическая геополитика.*

**Russia and Europe: The Deconstruction of a Discourse
of 'Othering': A Case of Geopolitical Conflict in Moldova**

Igor Yur'evich Okunev, PhD, Associate Professor, MGIMO University.

***Abstract:** The article describes the methodological basis of the study of the spatial identity of the inhabitants of Moldova held a Club of Geopolitical Studies of MGIMO*

***Key words:** Moldova, spatial identity, critical geopolitics.*

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИШИНЁВЕ

З. В. Сергеева

Работая в парадигме критической геополитики, мы принимаем за основу то, что конкретные геополитические представления как отдельных граждан, так и целых народов формируются посредством географического воображения и пространственных мифов¹.

Говоря о пространственных идентичностях населения Кишинёва, необходимо помнить о разграничениях:

во-первых, о различии официального, государственного уровня (это всё, что связано с проявлениями гос. власти – вывески и оформление гос. учреждений, их язык) и уровня бытового (проявления деятельности частных лиц – например, граффити, частные объявления);

во-вторых, о возрастных границах: люди старшего поколения (в частности, родившиеся и прожившие в СССР иначе позиционируют себя, чем молодёжь, воспитанная в независимой Республике Молдова).

ОФИЦИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Согласно Закону «О функционировании языков на территории Молдавской ССР»², «Молдавский язык как государственный применяется во всех сферах политической, экономической, социальной и культурной

жизни и выполняет в связи с этим на территории республики функцию языка межнационального общения»³. В то же время Законом провозглашается статус русского языка как языка межнационального общения, «что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-национального двуязычия»⁴.

Тем не менее, в коммерческой сфере наблюдается интересная закономерность: большая часть представителей крупного и среднего бизнеса предпочитает использовать молдавский язык для вывесок и рекламных плакатов (см. фото 1, фото 2, фото 3, фото 4). Объявления о приёме на работу тоже на молдавском языке (см. фото 5).

Государственная власть продвигает европейско-молдавскую идентичность, которая всё больше пропитывает официальную жизнь Кишинёва.

Особенно сильно это проявляется в Национальном музее истории Молдовы (Кишинёв, Muzeul Național de Istorie a Moldovei), сам сайт которого доступен только на румынском (RO) и английском языках (EN)⁵. Стоит отметить, что буклеты для самостоятельного ознакомления с экспозицией доступны только на молдавском и английском языках. На русском языке буклетов нет (фото 6).

Примечательно, что материалы, относящиеся к истории СССР, носят преимущественно негативный характер. Есть отдельная экспозиция, посвящённая репрессиям

¹ Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 152–158.

² Закон № 3465 от 01.09.1989 О функционировании языков на территории Молдавской ССР (В редакции Законов Республики Молдова от 29.05.2003 г. №206-XV, 07.04.2011 г. №65, 17.07.2014 г. №153) // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3281 (дата обращения: 27.07.2015).

³ Там же. Статья 1.

⁴ Там же. Статья 3.

⁵ Muzeul Național de Istorie a Moldovei. URL: <http://www.nationalmuseum.md> (дата обращения: 27.07.2015).

советского времени (фото: 7, 8, 9, 10, 11). Данные материалы изобилуют подписями и комментариями на русском языке.

БЫТОВОЙ УРОВЕНЬ

В магазинах и иных местах, ориентированных на людей с более низким уровнем дохода, русский язык используется гораздо чаще. Например, казино на Проспекте Штефана Чел Маре (см. фото 12) использует рекламу бегущей строкой на русском языке.

Многие журналы и детские книги, продающиеся в киосках, издаются в России (см. фото 13) и пользуются спросом в Кишинёве. Несмотря на то, что использование русского языка в СМИ Молдовы за последние годы сократилось⁶, русскоязычные издания весьма востребованы. Например, популярный бизнес-журнал «Business Class», издающийся в Кишинёве, несмотря на английский заголовок, выходит на русском языке⁷.

Также на русском языке обычно продублированы частные объявления менее серьёзного характера: о продаже вещей, объявления мелких фирм (см. фото 14).

ВОЗРАСТНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Важное влияние на пространственную идентичность оказывает и возрастной фактор. Представители старшего поколения, родившиеся в СССР, по-прежнему ощущают свою связь с Россией и уверены, что Россия гораздо ближе им, чем Европа.

Из разговора с мужчиной пятидесяти лет, механиком⁸: «Не, Молдова – это не Европа... ну а даже если и Европа, то всё равно какая-то не такая». Это можно объяснить тем, что большая часть представи-

телей старшего поколения в общении использует преимущественно русский язык и крайне редко молдавский. Будучи воспитаны в СССР, они пытаются сохранить привычную картину мира, тем более, что этому способствуют оставшиеся с советского времени элементы архитектуры (например, см. фото 15), техники, названия улиц.

Именно пожилое поколение продолжает поддерживать русские традиции – например, традицию вечером каждого воскресенья в холодное время года ставить самовары возле Кафедрального собора и угощать прохожих горячим чаем (фото 16, фото 17).

Молодое население Кишинёва отождествляет себя в большей степени с Европой, чем с Россией. Это проявляется, например, в графити, которые используют только молдавский язык (см. фото 15). Неудивительно, так как языковая политика в молодёжной сфере достаточно активна. Даже в государственном историческом музее экскурсии для школьников ведутся только на молдавском языке.

Европейской направленности молодёжи способствует и то, что, согласно опросам, доля русских, владеющих молдавским языком, к 2007 году увеличилась до 43%, а среди молодёжи таковых более половины⁹. Велика роль национально-смешанных семей, детям в которых часто бывает ближе молдавско-европейская идентичность¹⁰, а также низкий уровень рождаемости в русских семьях (по результатам переписи 2004 года доля русских детей в возрасте до 9 лет была равна 7,6%)¹¹.

Иностранные языки также востребованы, особенно среди молодой части населения. Буквально на каждом рекламном стенде находятся рекламные объявления

⁶ Остапенко Л., Субботина И. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Демоскоп Weekly: издание Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit04.php#_FNR_4 (дата обращения: 27.07.2015).

⁷ Электронная версия журнала доступна по ссылке: <http://www.businessclass.md> (прим. автора).

⁸ Данный разговор состоялся с прохожим во время чаепития возле Кафедрального собора Кишинёва (прим. автора).

⁹ Остапенко Л., Субботина И. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Демоскоп Weekly: издание Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit04.php#_FNR_4 (дата обращения: 27.07.2015).

¹⁰ Перепись населения 2004. Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики. с. 301, 326. Цит. по: Остапенко Л.: указ. соч.

¹¹ Там же.

языковых школ (см. фото 5, фото 18), наиболее популярны английский, французский, итальянский, испанский и немецкий языки. Это подтверждают и результаты исследований 2007 года, показавших резкое изменение направленности миграционных потоков. Так, по сравнению с 2003 годом, когда на переезд в Россию были ориентированы почти 70% русских и 29% молдаван, в 2007 году число ориентированных на переезд в Россию людей сократилось, а ориентированных на миграцию в дальнее зарубежье выросло¹².

Подводя итоги, можно сказать, что в Кишинёве российская (или даже советская) идентичность ещё достаточно сильна, особенно у старшего поколения, что выражается в значительном количестве прессы на русском языке, использовании русского языка для повседневного общения и попытках сохранить русские традиции. Однако европейско-молдавская идентичность, поддерживаемая государственной властью, оказывает всё большее влияние на население, особенно на молодёжь, и со временем данная тенденция лишь усиливается.

Визуальные проявления идентичности в Кишиневе

Злата Владимировна Сергеева, студентка НИУ «Высшая школа экономики».

Аннотация: В данной работе, посвящённой исследованию пространственных идентичностей жителей Кишинёва, особое внимание уделялось их визуальным проявлениям – вывескам, листовкам, граффити, СМИ, иным печатным и литературным материалам. Этот метод заимствован из работы П.Штомпки «Визуальная социология», в которой фотография рассматривается как документальное свидетельство.

Ключевые слова: Молдавия, пространственная идентичность, критическая геополитика.

The Vizualisation of Identities in Kishenev

Zlata Vladimirovna Sergeeva, BA student, National Research University Higher School of Economics.

Abstract: The article analyses the geographical identities of the citizens of Kishinev and specifically stresses their visualization – boards, leaflets, graphitty, mass-media and other printed and written materials. This method is used in the work of P.Shtompki 'Visual sociology' which presents a photo as a documentary evidence.

Key words: Moldova, geographic identity, critical geopolitics.

¹² Данные этносоциологических опросов: 1993, 1996, 2003 и 2007 гг., проведенных авторами среди взрослого городского населения республики разной этнической принадлежности. Цит. по: Остапенко Л., Субботина И. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Демоскоп Weekly: издание Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit04.php#_FNR_4 (дата обращения: 27.07.2015).

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРИДНЕСТРОВЬЯ КАК МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛДАВИИ

Д.В. Басова

Приднестровско-молдавский конфликт, часто рассматриваемый в рамках геополитического противостояния России и Запада и шире – выбора в пользу демократии и анти-демократии¹ – имеет, помимо прочего, цивилизационное измерение. За период более чем 20-летней независимости Приднестровью (ПМР) удалось создать не только достаточно эффективные институты власти и независимую политическую элиту², но и реализовать на практике идентификационную модель – приднестровскую идентичность. Последняя явилась основополагающим инструментом в процессе построения государственности, консолидировав общество и обозначив внешнеполитический вектор развития. Об успехах данной модели говорит тот факт, что, несмотря на мультиэтничный характер приднестровского общества, курс

внешней и внутренней политики реализуется в едином направлении (например, расширяется проект «Евразийское Приднестровье»). *Исходный тезис* данной статьи содержит следующее положение: потенциально модель приднестровской идентичности могла бы послужить инструментом разрешения «конфликтов идентичности»³ для руководства Молдавии, которую в современных реалиях раздирают этнополитические противоречия (согласно PoliticalRiskIndex, 2014)⁴.

ПРИДНЕСТРОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТРУКТУРА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Становление приднестровской идентичности можно отнести к 1992 году – когда ПМР провозгласила независимость. Обретенная независимость выражалась не только в политико-территориальном отделении от Молдовы, но и в культурно-цивилизационном разделении пространства, которое некогда было единым в составе советской империи.

¹ Nodia G. External Influence and Democratization: The revenge of geopolitics. The Johns Hopkins University Press. vol. 25. N. 4. October 2014. Pp. 139-150

² Харитонова Н.И. Атрибуты государства в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике. / Н. И. Харитонова. [Электронный ресурс]. // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 37. – 2013. – Режим доступа : http://ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk_37_aprel_2013_g._pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija_kharitonova.pdf [Kharitonova N. I. Atributi gosudarstva v nepriznannoy Pridnestrovskoy Moldavskoy Respublike. / N.I. Kharitonova. [Elektronniy resurs]. // Gosudarstvennoe upravleniye. Elektronniy vestnik. - Vipusk No 37. - 2013. - Rezhim dostupa: http://ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk_37_aprel_2013_g._pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija_kharitonova.pdf]

³ Штански Н. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: пример Приднестровья. / Н. Штански. [Электронный ресурс]// Медиацентр «Евразийское Приднестровье». 23.01.15. – Режим доступа: <http://eurasian.su/article/osobennosti-uregulirovaniya-konfliktov> [Shtanski N. Osobennosti uregulirovaniya "konfliktov identichnosti: primer Pridnestrovya. / N. Shtanski [Elektronniy resurs] // Mediacentr "Evraziyskoye Pridnestrovye". 23.01.15. – Rezhim dostupa: <http://eurasian.su/article/osobennosti-uregulirovaniya-konfliktov>]

⁴ Moldova: Country Review. CountryWatch. / Country Watch Review [Electronic resource]//Houston, Texas. 2014. – Mode of access: <http://www.countrywatch.com/Intelligence/CountryReviews?CountryId=116>

Первоначально территориальное разделение Молдовы и ПМР было оформлено в результате противостояния вектора «румынизации», который был принят молдавским руководством в 1989 году и советского вектора, направленного на сохранении Союза и советского прошлого⁵. Таким образом, приднестровская идентичность в первой половине 90-годов XX века воспроизводила советские образы и символы, которые в свете распада Советского союза и возрождения националистических движений в постсоветских республиках, стали приобретать сакральный характер. Примерами обозначенной тенденции могут служить следующие факты: героизация Г. Котовского (в виде установления ему памятника, именованная центральных улиц и площади); сравнение боев в городе Бендеры со Сталинградской битвой 1942–1943 гг.⁶, прославление генерала А. Лебеда⁷ и образ российской армии как единственного гаранта безопасности;

Примерно с 2000-х годов наблюдается трансформация приднестровской идентичности: частичный отход от советского прошлого и создание качественно новой модели самоидентификации. Данная модель включала в себя одновременно экстраполяцию духовных символов России (в частности, Российской империи) и соединение мультикультурной традиции на данной террито-

рии. Подобное положение подтверждается героизацией русских полководцев, особенно культивирование подвига А. Суворова⁸, выставлением на зданиях в Тирасполе и Бендерах флагов Российской империи, а также памятник на трех языках (украинском, молдавском и русском) конституции Орлика, которая, как считается, была первой принятой конституцией в мире, задолго до принятия Американской конституции⁹.

Сегодня основными постулатами для идейно-политического конструкта – «приднестровская идентичность» – являются:

1. мирное сосуществование трех основных этнических групп – русских, молдаван и украинцев;
2. единство трех народов по поводу внешне- и внутривосточного развития ПМР;
3. соотнесение населения ПМР себя с понятием «приднестровец»;
4. осуждение румынского экспансионизма;
5. ориентация на Россию и проект «Евразийский регион» как конечная цель внешней политики.

Иными словами, приднестровская идентичность оформилась не только во внешнеполитическом дискурсе руководителей ПМР, но и была успешно инкорпорирована в гражданское общество. Кроме того, приднестровская идентичность легализует существующие в ПМР властные структуры и консолидирует обществом¹⁰. Несмотря на то, что политическая элита Приднестровья неоднократно подчеркивала свое «неизбежное» вхождение в состав

⁵ O'Loughlin J., Kolossov V., Tchepalyga A. National construction, Territorial separatism and Post-Soviet geopolitics in the Transdnister Moldovan Republic / J. O'Loughlin, V. Kolossov, A. Tchepalyga. [Electronic resource] // Post-soviet Geography and Economics. - 2014. - Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/10889388.1998.10641081>

⁶ Воловой Г. П. Кровавое лето в Бендерах. Хроника приднестровской трагедии / Г.П. Воловой // Бендеры: Полиграфист. – 1993. [Volovoy G.P. Krovavoe leto v Benderakh. Khronika pridnestrovskoy tragedii / G. P. Volovoy // Bendery: Poligraphist. - 1993.]

⁷ «В Приднестровье состоялось открытие мемориальной плиты в честь генерала Александра Лебеда». [Электронный ресурс] // Министерство Иностранных Дел ПМР. 14.02.2015. Режим доступа: <http://mfa-pmr.org/ru/fzL> [“V Pridnestrovye sostoyalos otkrytie memorialnoy plity v chest generala Aleksandra Lebedya” [Elektronniy Resurs] Ministerstvo Inostrannih Del PMR. 14.02.15. – Rezhim dostupa: <http://mfa-pmr.org/ru/fzL>]

⁸ Наличие улиц имени Суворова в Тирасполе и Бендерах, изображение Суворова на валюте – приднестровских рублях и т.д.

⁹ Из материалов музея Бендерской трагедии, г. Бендеры

¹⁰ Штански Н. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: пример Приднестровья. / Н. Штански. [Электронный ресурс] // Медиацентр «Евразийское Приднестровье». 23.01.15. – Режим доступа: <http://eurasian.su/article/osobennosti-uregulirovaniya-konfliktov> [Shtanski N. Osobennosti uregulirovaniya “konfliktov identichnosti: primer Pridnestrovya. / N. Shtanski [Elektronniy resurs] // Mediacentr “Evraziyskoye Pridnestrovye”. 23.01.15. – Rezhim dostupa: <http://eurasian.su/article/osobennosti-uregulirovaniya-konfliktov>]

российского истеблишмента¹¹, тем самым отказывая себе в какой-либо уникальности, она в процессе собственного развития трансформировалась в концепт, единственный в своем роде и направленный на пробуждение самосознания у населяющих данную территорию народов. Это положение иллюстрирует тот факт, что примерно 30 % населения ПМР, имеющие российские паспорта, не чувствует особой привязки к России¹². Парадокс «приднестровской идентичности» заключается в том, что она оказывается «более русской» и наиболее полно отражающей идею «Русского мира», чем так называемая «национальная идея» в самой России. И это обстоятельство разграничивает идентичности приднестровцев и россиян. Можно предположить, что наличие особой, отличной от русской идентичности в дальнейшем приведет к отказу от про-российского вектора во внешней политике и к укоренению идеи о построении подлинного независимого государства.

ПРЕИМУЩЕСТВА «ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» ДЛЯ МОЛДАВИИ

На фоне затянутого переговорного процесса и неудавшихся попыток достичь компромисса между Молдавией и ПМР часто говорят о том, что два государства смотрят в разные стороны и не имеют никакой общности культурных кодов. На наш взгляд, такой подход к данному конфликту только усиливает идентификационный раскол, который потенциально мог бы быть преодолен на уровне гражданского общества через имплементацию одной и той же модели идентичности. В данном случае, определенными преимуществами обладает модель «приднестровской идентичности», которая, как было замечено выше, успешно была реализована на практике.

¹¹ Актуальные вопросы внешней политики Приднестровья (2012–2013 гг.). / Н.В. Штански. (обш. ред.) – Тирасполь. – Выпуск 1. – 2014. [Aktualniye voprosy vneshney politiki Pridnestrovyya (2012–2013 gg.). /N. Shtanki (obsch. Red.) – Tiraspol. - Vipusk 1. - 2014.]

¹² Выступление Председателя Верховного Совета ПМР М.П. Бурла на весенней конференции, посвященной евразийской интеграции Приднестровья. – 2014.

Современная проблема молдавского общества состоит в том, что в нем отсутствует четко выраженное представление о «молдаванах» как особой категории. Молдавию разделяют этно-политические противоречия, которые локализуются в пространстве: например, на юге – про-русские настроения среди гагаузов и болгар в Тараклии; на востоке – в большей степени про-румынские силы ввиду близости с румынской границей и т.д. Из всего этого калейдоскопа идентичностей не сформирована одна, которая бы объединяла всю страну не на этническом основании, а на основе гражданской принадлежности к Молдавии¹³. Обратный пример демонстрирует ПМР, которой удалось объединить разнородное общество, костяк которого составляют три народа – русские, украинцы и молдаване. Помимо данного пункта среди основных положений приднестровской модели можно выделить:

1. недискриминационный характер и апелляция к мультикультурализму;
2. гибкое совмещение образов прошлого и настоящего;
3. четкое разделение между гражданской ответственностью и национальностью с приоритетом первого компонента;
4. апелляция к общему духовному наследию, а не к стратегии «выживания».

Кроме того, главным преимуществом приднестровской модели является ее многоуровневый характер. Можно проследить наличие *трех уровней идентичности*: индивидуального, группового (русские, украинцы, молдаване, евреи) и государственного. Причем индивидуальный и групповой уровни внутренне не противостоят государственному, а органично вписаны в него, о чем свидетельствуют данные научно-исследовательской лаборатории ПГУ им. Шевченко¹⁴. Помимо названных

¹³ March L. From Moldovanism to Europeanization? Moldova's communists and nation building/ L. March// Nationalities papers. - Vol. 35. - No. 4. - 2007.

¹⁴ Возрастает число тех, кто называет себя «приднестровцем», а также тех, кто указывает свою этническую принадлежность и при этом. [Электронный ресурс]: <http://novostipmr.com/ru/news/15-01-13/okolo-3-zhiteley-respubliki-ne-otnosyat-sebya-k-kakoy-libo>

трех уровней просматривается еще один – общеславянский, который носит пока скорее трансцендентный характер. Тем не менее, в рамках приднестровской идентичности он выражен в идее восстановления «Русского мира» по всем его ментально-культурным граница, а практическим инструментом данного процесса выступает созданный Евразийский Союз.

Так, преодоление внутрицивилизационного раскола, провоцирующий внутриполитический кризис, возможно при формировании собственно молдавской идентичности, которая имманентно была бы непротиворечивой и объединяющей. Тем не менее, модель приднестровской идентичности, которая потенциально могла бы послужить примером для молдавского руководства, имеет серьезный недостаток, а именно: ее конструирование происходило в рамках регионального размежевания и противопоставления себя и внутреннего «Другого», представленного центром в Кишиневе. В отличие от классической схемы выделения центром внутреннего «Другого»¹⁵, произошел обратный процесс – противопоставления региона (ПМР) центру. Следовательно, пока сохраняется такое региональное противопоставление, сохраняются линии размежевания между приднестровцами и собственно молдаванами. В перспективе, вполне реалистичным представляется сценарий, при котором политическая элита Молдавии на практике культивирует идею об особой молдавской идентичности, имманентные характеристики которой воспроизвели бы приднестровскую идентичность. Но для такого шага требуется, во-первых, политическая воля молдавских руководителей; во-вторых – модернизация «приднестровской идентичности» в сторону сближения с молдавской путем отказа от выделения «внутреннего Другого» в дискурсе лидеров обеих сторон конфликта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе проведенного анализа можно констатировать, что «приднестровская идентичность», сконструированная первоначально на основе советской, в современном контексте стала независимым политическим инструментом, легализующим властные структуры в ПМР и сам политический процесс на данной территории. В связи с тем, что центр – непосредственно Молдавия – ослаблен изнутри отсутствием единого видения внешнеполитического развития, приднестровская идентичность была противопоставлена как положительная во всех смыслах альтернатива, что существенно укрепило ее позиции среди гражданского населения в Приднестровье. На практике приднестровская идентичность содержит в себе те универсальные черты и положения, которые в условиях «замороженного» конфликта могли бы быть использованы как инициативы для сближения Молдавии и ПМР. Именно многоуровневый характер приднестровской идентичности служит тем ключевым преимуществом, которое позволило бы объединить политические видения и взгляды двух сторон конфликта и нивелировать цивилизационный раскол.

¹⁵ Johnson C., Coleman A. The internal Other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity // *Annals of the Association of American geographers*. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 863-880

Многоуровневая идентичность Приднестровья как модель построения государства для современной Молдавии

Дарья Владимировна Басова, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** в статье рассматривается эволюция наднациональной идентичности в Приднестровье, предпосылки к ее формированию и особенности ее институционального и символического выражения.*

***Ключевые слова:** критическая геополитика, наднациональная идентичность, Приднестровье, приднестровская идентичность, Молдавия, nation-building.*

Multilevel Identity in Transnistria as a Model of State-building for a Modern Moldova

Daria Vladimirovna Basova, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

***Abstract:** The article focuses on the evolution of sub-national identity of Transnistria, the prerequisites for its formations and the features of its institutional and symbolic representation.*

***Keywords:** critical geopolitics, sub-national identity, Transnistria, identity of Transnistria, Moldova, nation-building.*

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГАГАУЗИИ

А.В. Салаватова

Гагаузы – народ на юге Молдавии общей численностью ок. 135 тыс. человек. Гагаузский язык относится к тюркской группе, но исповедуют они православие. На территорию Бессарабии они пришли с Балканского полуострова в составе задунайских переселенцев во второй половине XVIII-XIX вв. Есть несколько версий происхождения гагаузов. Согласно самой распространенной, гагаузы являются потомками кочевых тюркоязычных племен печенегов, половцев, огузов, которые пришли на Балканы из Северного Причерноморья. Две другие версии называют их либо отуреченными болгарами (в период Османского владычества на Балканах им удалось сохранить веру, но они утратили язык), либо принявших православие турок (сельджукская версия). Хотя ряд ученых заявляет о наличии в этногенезе гагаузов скифского элемента¹. На фоне распада Советского Союза и конфликта в Приднестровье в 1990 г. была создана независимая Республика Гагаузия, в том же году молдавские националисты предприняли так называемый «Поход на Гагаузию» с целью пресечения сепаратистских тенденций в регионе, при посредничестве России вооруженные столкновения были предотвращены. Эти события способствовали образованию в 1994 г. Автономно-территориального образования Гагаузия в составе Республики Молдова. Поскольку и для Кишинева, и для самих гагаузов это решение носило компромиссный характер и было результатом ряда взаимных уступок, Гагаузия так и не смогла интегрироваться в

молдавское государство и вынуждена была искать другой вектор развития.

Гипотеза: исторически у гагаузов сложилось понимание себя как элемента чуждого и государству Молдова, и абстрактному тюркскому миру, что сделало пророссийский путь развития единственно возможным для сохранения собственной идентичности.

Метод исследования: дискурс-анализ пространственных мифов, полученных из устных (опросы и интервью с работниками музея, жителями г. Комрат) и письменных источников (доска объявлений, новостные порталы).

Мифы и смыслы, которыми жители Гагаузии пользуются для определения своего места в мире, формировались исторически и переживали ряд трансформаций.

Во-первых, ключевым мифом является восприятие себя как «государства в государстве». Гагаузы пришли в Буджакскую степь с территорий нынешней Болгарии в конце XVIII в. из-за тяжести турецкого ига, под защиту России (в 1812 г. по Бухарестскому мирному договору Бессарабия стала частью Российской империи).

То есть они никогда не были автохтонным населением на этих землях. Экскурсовод музея в Комрате довольно дежурно рассказывала о таких знаковых событиях как репрессии 30-х годов или Великая Отечественная война, без упоминания особых имен и дат. Совершенно был обойден вниманием вопрос о роли гагаузов в русско-турецких войнах XIX в., о событиях молдавской истории (до распада СССР) и участии в них гагаузов также речи не шло. Таким образом, у Молдавии и Гагаузии общей истории нет, нет общих трагедий или других кон-

¹ Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков Огузов (середина VIII – нач. XXI вв.) - Ch.: I.S. F.E.-P. «Tipogr. Centrala», 2007. – С 216

солидирующих основ, четко осознаваемых населением. Напротив, помнят тот факт, что гагаузы и болгары не призывались в армию, не были мобилизованы во время Второй мировой войны, то есть Кишинев воспринимал Гагаузию как «внутреннего другого» и даже не пытался полностью интегрировать в состав единого государства. Основанием для чувства обособленности также служит тот факт, что гагаузы никогда не считали себя частью именно Молдавии: изначально воспринимали себя как часть Российской империи, потом – Советского Союза, а в 1990 г. попытались создать свое независимое государство. К своему вхождению в состав Республики Молдова относятся как к вынужденному компромиссу и видят в Кишиневе угрозу, источник давления. Говоря о государственном языке, жители называют его румынским (официально – молдавский), тем самым придавая ему оттенок еще большей враждебности и чуждости.

Следующий миф отсылает нас к болгарской версии происхождения гагаузов – это миф об общем происхождении и общей исторической судьбе гагаузов и болгар².

Даже если не вникать в детали происхождения этих народов, гагаузы помнят тот факт, что они все вместе пришли на эти земли в составе задунайских переселенцев и с тех пор живут бок о бок. Сами гагаузы затрудняются ответить, чем же непосредственно они отличаются от болгар (кроме особенностей костюма), вместо этого часто рассказывают про многолетнюю дружбу. Если их спросить о том, почему территория АТО Гагаузия испещрена болгарскими анклавами, они невозмутимо ответят, что многие не могли определиться, кто они – гагаузы или болгары, не считая различия принципиальными. Сами болгары Буджакской степи, что характерно, дистанцируются от гагаузов в плане самоидентификации.

Следующий миф на данный момент играет определяющую роль в процессе политического развития Гагаузии – это миф о *заступничестве России*. Вся история гага-

узского народа на землях Бессарабии тесно связана с российским влиянием. Со времен Советского Союза русский язык стал для большинства родным, все вывески в столице г. Комрате написаны на русском, а не на гагаузском и уж тем более не на государственном языке. Не скрывают, что родной язык сохраняется лишь как традиция во многих семьях. Практически нет людей, которые бы владели только гагаузским языком, этот факт также можно объяснить крайней бедностью в регионе, которая побуждает людей уезжать на заработки (часто в Россию). Гагаузы не считают, что русские насаждают им чуждый язык, как молдаване. Более того они помнят, что в 50-е годы Н.С. Хрущев дал указание разработать письменность для гагаузского языка, то есть, в глазах народа, он заботился о сохранении их традиций³. Среди самых ярких исторических персонажей люди называют президента и министра обороны РФ, но неизменно этот список возглавляет генерал А.И. Лебедь, его воспринимают как человека, которому удалось в считанные часы остановить гражданскую войну. Работники музея, жители города положительно отзываются о Приднестровье, его пример для них показателен; порой они с сожалением говорят, что вынуждены были войти в состав Молдовы. Учитывая то, что Гагаузия – самый бедный регион, где высокое социальное расслоение и недоверие чиновникам, помощи из центра они не ждут, скептически относятся к планам евроинтеграции Молдовы⁴. Российскую помощь они наблюдают на примере Приднестровья и воспринимают это как возможность «нормального» существования без потери своей независимости, традиций, языка и культуры.

Следует сказать несколько слов о том, почему несмотря на тюркский язык гагаузы не развили тесное сотрудничество с Турцией

² С подачи ученого И.И. Мещеряка при Н.С. Хрущеве разрабатывался проект о создании Болгаро-Гагаузской Автономной Социалистической Республики с центром в г. Болграде.

³ Проблема сохранения родного языка для гагаузов стоит настолько остро, что на последних выборах башкана ряд общественных организаций выступил с обращением к Центральному избирательному комитету с просьбой проверить кандидатов на пост главы автономии на знание гагаузского языка.

⁴ За проевропейскую Демократическую партию на парламентских выборах-2014 в Гагаузии проголосовало около 10% населения.

или другими странами тюркского мира. На доске объявлений в Комрате одно было связано с предложением о работе в Турции, но это единичный случай. Пропасть между гагаузами и тюркским миром создает православная вера, которую они исповедуют. Более того, гагаузы считают себя очень религиозным народом, и вера – одна из основ их идентичности.

Таким образом, мы видим, что для гагаузов развитие в русле молдавского поли-

тического процесса означает унификацию по румынскому образцу, в то время как их пророссийский выбор не обусловлен какой-то культурной или национальной близостью русскому народу, а строится скорее на общечеловеческих ценностях (т.е. они ищут заступничества для защиты своих традиций и языка), что говорит о конструируемости самого мифа о противопоставлении цивилизованной Европы и деспотической России.

Особенности пространственной идентичности в Гагаузии

Анастасия Валерьевна Салаватова, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: Исторически у гагаузов сложилось понимание себя как элемента чуждого и государству Молдова, и абстрактному тюркскому миру, что сделало пророссийский путь развития единственно возможным для сохранения собственной идентичности.

Ключевые слова: Молдавия, Гагаузия, пространственная идентичность, критическая геополитика.

Spatial Identity in Gagauzia

Anastasia Valer'evna Salavatova, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: Historically the gagauz developed a self-perception based on their difference from Moldova as well as the 'Turkish world'. The article argues that this fact has determined their pro-Russian political orientation as the only possible way of maintaining their identity.

Key words: Moldova, Gagauzia, geographical identity, critical geopolitics.

ГАГАУЗЫ НА РАСПУТЬЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

М.И. Тисленко

Процесс роста национального самосознания на постсоветском пространстве протекал по самым разным сценариям – от относительно мирных и ненасильственных, как в Казахстане¹, до трагических и кровавых как в Узбекистане (погромы в Ферганской долине). Республика Молдавия представляет собой один из тех случаев, когда этническая напряженность не только вылилась в открытый конфликт и стала одним из факторов раскола страны, но и дала повод для интерпретации конфликта как геополитического в дискурсе противостояния России и Европы. В контексте данного дискурса исследователи чаще всего вспоминают о событиях 1990 года, когда Приднестровская Молдавская республика объявила о своей независимости, однако зачастую из их поля зрения выпадает случай Гагаузии, ныне автономного территориального образования, в в 1990–1995 гг – самопровозглашенной республики.

Гагаузы появились на территории исторической области Бессарабия в начале XIX века, и за 200 лет проживания смогли сохранить себя как народ и сконструировать собственную модель национальной идентичности. Это подтверждается культурным подъемом во второй половине XX века и мощным импульсом в политическом движении за независимость в 1990-е годы. При этом национальная идентичность гагаузов как конструкт не является жесткой и подвергается до сих пор определенным модификациям, которые продетерминированы обстоятельствами как внутренними, так и внешними, которые, помимо всего прочего, будут рассмотрены в данной статье.

¹ Brill Olcott, Martha. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 16 – 18.

Генезис национальной идентичности гагаузов

На территории Молдавии насчитывается 147 500 гагаузов из почти 3 500 000 жителей республики, и подавляющее большинство из них проживает на территории АТО (автономного территориального образования) Гагаузия.

Картограмма 1. Карта АТО Гагаузии. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ja-gagauz.com/index/0-34> (дата обращения: 16.03.2015)

История появления гагаузов на территории современной Молдавии до сих является дискуссионным вопросом ввиду проблемы их этногенеза. Тем не менее, ключевым моментом истории считают конец XVIII – начало XIX века – период, связанный с переселением полиэтнического населения Болгарии, Греции и Сербии из-за гнета Османской империи². Среди переселенцев были не только гагаузы, но и болгары, и греки, общим же для них было «греческое вероисповедание».

Несмотря на компактное проживание переселенцев на территории Бессарабии, села создавались по этническому принципу, и постепенно выкристаллизовались два крупных ядра – болгарское с центром в Тараклии и гагаузское с центром в Комрате, причем обе этничности использовали и русский, и свои национальные языки, а также сохраняли и передавали из поколения в поколение элементы традиционной для них культуры³. Таким образом, можно сделать вывод о том, что у гагаузов становление отдельных компонентов национальной идентичности (культурный, лингвистический) происходило примерно со второй трети XIX века, однако их рефлексия происходила уже во второй половине XX века.

Катализатором процесса осмысления собственной идентичности стали следующие факторы: во-первых, это нахождение под властью румынов в 1918–1944 гг (с перерывом в 1940–1941 годах, когда Бессарабия вошла в состав СССР по пакту Молотова-Риббентропа), во время которого румынская администрация вызвала недовольство местного населения своим покровительственным (доходящим до презрительного) отношением к гагаузскому, болгарскому и молдавскому населению⁴. Подъем национального самосознания в этот период стоит рассматривать как реакцию на действия румын как агрессив-

ного «Другого», который подавлял самобытность гагаузов и даже грозил их существованию (отправка гагаузов в концентрационные лагеря во Великую Отечественную войну в 1942–1943 годах)⁵. Во-вторых, это национальная политика Советского Союза, направленная на поощрение этнокультурного развития гагаузского народа, венцом которого стала разработка гагаузской письменности в 1957 году, так как до этого данный язык был бесписьменным. Интерес к гагаузской культуре дал мощный импульс для ее развития: во второй половине XX века создаются произведения гагаузских литераторов Н.И. Бабоглу, Ф.И. Занета и Д.Н. Карачобана.

Вышеупомянутые факторы внесли существенный вклад в становление идентичности гагаузов, однако точкой бифуркации стало движение гагаузов за автономию в конце 1980-х годов, и его лидером стала народная организация «Гагауз Халкы». Как и в 1920–1940 гг., активизация стремления гагаузов к автономии стала ответом на действия со стороны уже молдавских властей, пытавшихся проводить политику румынизации с 1989 года. Тем не менее следует отметить, что гагаузы не столько стремились к обособлению, сколько предлагали создание мультиэтнической модели в рамках нового молдавского государства с уважением прав национальных меньшинств, в том числе и болгар, и русских, и украинцев. Противостояние вектору румынизации едва не вылилось в вооруженный конфликт («Поход на Гагаузию» в 1990 году), тем не менее обеим сторонам удалось урегулировать сложившуюся ситуацию мирным путем, и в 1994 году гагаузы согласились на интеграцию в состав Молдавии на правах автономно-территориального образования Гагауз Ери с избираемым башканом (глава АТО Гагаузия), Народным Собранием и тремя официально закрепленными языками – гагаузским, молдавским и русским, а также правом на выход из состава республики в случае угрозы безопасности гагаузскому населению⁶.

² Булгар, С.С. История и культура гагаузов. Кишинев: Понтос, 2006. С. 71 – 86.

³ По материалам музейных экспозиций Тараклийского государственного университета имени Георгия Цамблака и Комратского краеведческого музея.

⁴ Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism Charles King: Slavic Review, Vol. 53, No. 2 (Summer, 1994). P. 345 – 368.

⁵ Булгар, С.С. История и культура гагаузов. Кишинев: Понтос, 2006. С. 331 – 342.

⁶ Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gagauzia.md/pageview.php?l=ru&idc=389> (дата обращения: 16.03.2015)

Структура и характеристики национальной идентичности гагаузов

Гагаузская идентичность ввиду сложного пути своего становления и постоянной борьбы за сохранение подвергается различным модификациям до сих пор, однако данные трансформации носят, скорее, инкременталистский характер и тем самым обеспечивают гибкость модели.

Главной чертой гагаузской идентичности является ее сложная структура. Анализируя культурный, исторический, музейный и политический дискурсы, можно четко выявить три сосуществующих и часто взаимосвязанных компонента национальной идентичности, которые, в свою очередь, базируются на элементах культур и других народов.

Основой гагаузской идентичности является ее автохтонный – т.е. собственно гагаузский – компонент. Он выражается в сохранении и использовании гагаузского языка в СМИ и быту (вывески магазинов, книгопечатная продукция). Несмотря на то, что в 2012 году ООН объявило гагаузский язык исчезающим⁷, это связано, скорее, с демографической ситуацией, нежели с культурной. К автохтонным чертам гагаузской идентичности принадлежат также автономный политический статус, выраженный в виде государственной символики на административных зданиях и почитании народного движения «Гагауз Халкы», а также рассмотрение событий середины XX века как трагедии, когда «... гагаузский народ попал в жернова истории по вине крупных, агрессивных держав»⁸.

Рядом с автохтонным соседствует русский компонент, где большое значение играет русский язык, на котором, в числе прочего, ведется делопроизводство в Гагауз-Ери. Важность русского языка в Гагаузии трудно преувеличить: с момента переселения га-

гаузов в Бессарабию он стал языком образования и духовного развития гагаузов⁹, а в XX веке стал основой для построения билингвальной национальной идентичности гагаузов без потери гагаузской аутентичности¹⁰, причем право на русский язык гагаузам пришлось отстаивать едва не с оружием в руках. Другими важными субэлементами «русскости» является память о Великой Отечественной войне, которая по своему смыслу похожа больше на дискурс ВОВ в России, нежели в самой Молдавии, и уважение к политической воле Приднестровья¹¹. Нельзя не упомянуть и о православии: его нельзя рассматривать как чисто русский субэлемент гагаузской идентичности, так как православие исповедуют и болгары, и молдаване, однако все службы в православных храмах Гагаузии ведутся на русском языке, а в гагаузском национальном самосознании религия играет и по сей день очень важную роль (мировоззренческая функция и соблюдение обрядов).

Третий компонент – тюркский, который связан с принадлежностью гагаузов к тюркской группе народов, и он выражается в поисках своей истории и корней. Этногенез гагаузов и их история до XIX века не ясны до сих пор, а общность по крови и языку способствует мифотворчеству в среде как обывателей, так и профессиональных историков (миф о скифах как предках гагаузов или миф о том, как гагаузы защищали Константинополь в 1204 году)¹². Тюркский компонент дал импульс и помог легитимизировать расши-

⁷ UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap/language-id-389.html> (дата обращения: 16.03.2015)

⁸ Из материалов музейной экспозиции Комратского краеведческого музея.

⁹ Булгар С. Гагаузские просветители, писатели, ученые XIX – начала XX в. и роль русского языка в духовном развитии гагаузов. Русин, 2007, №2. С. 138.

¹⁰ Шорников П. Статус русского языка и гражданский конфликт в Молдавии: историография вопроса. Русин, 2007, №3. С. 39 – 52.

¹¹ Нина Штански поздравила Михаила Формузала с годовщиной подписания Договора о взаимопомощи между ПМР и Гагаузией [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/tu/trx> (дата обращения: 18.03.2015)

¹² Никогло Д. К вопросу о формировании этнических мифов и символов у гагаузов / Этносоциологические и этнопсихологические практики: методологические подходы и комментарии. Под ред. М.В. Маруневич. К.: Кишинев-Комрат, 2010. С. 50 – 81.

рение связей с Турцией, начавшееся в 1990-х (открытие библиотеки имени Ататюрка и рабочая миграция гагаузов в Турцию).

Рассмотрев структуру гагаузской идентичности, представляется возможным выделить следующие ее отличительные черты:

– Эта идентичность аморфная, и ее аморфность проявляется в нескольких ипостасях. Во-первых, из-за структурной сложности, когда сталкиваются сразу несколько элементов, например, гагаузский и русский. Во-вторых, наблюдается территориальная аморфность: если посмотреть на карту АТО Гагаузия, то на юге заметна ее мозаичность. Это связано с тем, что территорию образования определяли сами граждане путем волеизъявления на референдуме 1995 года; и некоторые села не проголосовали за вхождение в состав Гагауз Ери.

– В гагаузской идентичности нет сформированного представления «Другого», традиционного для большинства национальных идентичностей. С одной стороны, «Другим» могут выступать молдавские руководители в Кишиневе, избравшие прорумынский путь развития Молдавии; с другой стороны, ими могут быть названы сами молдаване, которые говорят на другом языке и настороженно смотрят на гагаузов, позволяя своим властям проводить агрессивную национальную политику; а с третьей стороны есть болгары, не хотевшие признавать гагаузов отдельным народом и считающие их «отуреченными болгарами»¹³. В этом плане, гагаузский народ испытывает определенное давление сразу с нескольких сторон.

– Модель гагаузской идентичности по своей природе конструктивна и предполагает поддержание атмосферы мультиэтничности и мультикультурализма в молдавской республике. Ее дискурс никогда не носил дискриминационного характера по отношению к какой-либо этнической группе на территории современной Молдавии, ведь именно гагаузам приходилось отстаивать свое право на существование и развитие.

¹³ Под ред. Губогло М.Н. Курсом развивающейся Молдовы: История в культуре и культура в истории. М.: Старый сад, 2010. С. 248.

Влияние гагаузской идентичности на геополитический выбор Гагаузии

В контексте современной геополитики существует устойчивое представление о системном противостоянии России и Запада, которое дало начало дискурсу «Россия – это не-Европа». Молдавия в разрезе этого дискурса представляется своеобразным полем битвы интересов двух вышеупомянутых антагонистов, причем за про-российский вектор внешней политики выступает русское население, заставшее еще советские времена и сконцентрированное преимущественно на востоке страны, в том числе в Приднестровье, в то время как большинство населения остальной Молдавии выбирает европейский вектор развития, символизирующий свободу, уважение прав человека, демократию и экономическое процветание. Если посмотреть на внутривнутриполитический дискурс внутри Молдавии, то он является крайне неоднородным, и помимо традиционной линии раскола Молдавии и Приднестровья обнаруживаются внутренние противоречия в национальной политике; и отношения между молдаванами, украинцами, русскими, гагаузами и болгарскими носят подчас напряженный характер. Распределение их политических предпочтений наглядно демонстрирует это: в Тараклийском районе, где этническое население – болгары, и АТО Гагаузия традиционно голосуют за таких кандидатов на выборах, которые провозглашают курс на сближение с Россией и интеграцию в Таможенный союз. Таким образом, мы можем говорить об определенных искажениях в представлениях о геополитическом дискурсе Молдавии.

Гагаузы на территории современной Молдавии являются этническим меньшинством, и нельзя с уверенностью утверждать, что они действительно могут оказывать какое-либо существенное давление на геополитический выбор Молдавии¹⁴, однако полностью исключить гагаузское влияние нельзя, потому что так или иначе кишинев-

¹⁴ King, Charles. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Press, 2000. P. 222-223.

скому центру власти приходится считаться с политическим волеизъявлением гагаузов, дабы избежать повторение ситуации 1990 года. Подтверждением этому служит избрание Ирины Влах башканом Гагауз-Ери на выборах в Гагаузии 22 марта 2015 года, которая в своей избирательной кампании широко использовала метафору «российской поддержки»: на ее персональном сайте выставлены фотографии с государственными деятелями Российской Федерации (Н. Валув, В. Матвиенко, С. Нарышкин). В агитационных роликах и материалах она постоянно апеллировала к своим «широким связям в России» и использовала такие фразы, как «Россия – наш стратегический партнер» и «Российские регионы будут помогать каждому району Гагаузии!»¹⁵. Имеются и отсылки к дальнейшему развитию дружественных отношений с Турцией. Соответственно, подобная риторика соответствует чаяниям гагаузского электората и вписывается в рамки тамошнего политического дискурса, который настроенно весьма настороженно по отношению к Кишиневу. Таким образом, геополитический код как набор стратегических представлений гагаузского народа о его месте в мире отличается от геополитического кода той идентичности, к которой апеллируют молдавские власти, и это создавало и будет создавать определенные трудности в их взаимопонимании и диалоге.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

– Гагаузская модель национальной идентичности прошла долгий и трудный путь с XIX века, и результатом ее оформления стали осознания себя как отдельной этнической силы и получение автономии в составе Молдавии;

– Она обладает такими чертами, как структурная сложность, аморфность, отсутствие четко выраженного Другого в дискурсе, а также стремление к конструктивному и равному диалогу с другими народами;

– Гагаузы обладают собственным геополитическим кодом, являющимся частью их национальной идентичности, согласно которому в настоящее время доминирует ориентация на Россию, что не согласуется с нынешним геополитическим дискурсом Молдавии.

Принимая все выше перечисленное во внимание, вопрос о гагаузской идентичности будет оставаться дискуссионным еще долгое время ввиду не только его сложности, но и того пространства политических спекуляций с обеих сторон, который он предоставляет.

¹⁵ Предвыборная платформа Ирины Влах, независимого кандидата в башканы Гагаузии. [Электронный ресурс], URL: https://www.scribd.com/fullscreen/257866704?access_key=key-LmVxWIsGG1Rd1Ri3KG4o&allow_share=true&escape=false&show_recommendations=false&view_mode=scroll (дата обращения: 31.05.2015)

Гагаузы на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора

Мария Игоревна Тисленко, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России

***Аннотация:** Целью данной статьи является исследование модели гагаузской идентичности, а именно этапов ее формирования и нынешних характеристик. Более того, автор обращает внимание на гагаузскую проблему в контексте геополитического дискурса молдавского государства.*

***Ключевые слова:** критическая геополитика, геополитический код, национальная идентичность, Гагаузия, гагаузская идентичность, Молдавия.*

Gagauzs at the Crossroads: National Identity as a Determinant of a Geopolitical Choice

Maria Igorevna Tislenko, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University

***Abstract:** The purpose of this article is to examine the model of Gagauz identity, to be precise, stages of its formation and its current characteristics. Furthermore, the author brings attention to the Gagauz problem in the context of geopolitical discourse of the Moldovan state.*

***Key words:** critical geopolitics, geopolitical code, national identity, Gagauzia, Gagauz identity, Moldova.*

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ БОЛГАРСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ МОЛДАВИИ

Г.И. Остапенко

Развал СССР обнажил намечавшийся кризис идентичности в Молдавии в условиях усиления прорумынских настроений и роста молдавского национализма. Выбор дальнейшего пути стал перед всеми этносами и территориальными «национальными» сообществами способными артикулировать совместный политический интерес на территории Молдавии, вне зависимости от административно-территориального деления¹. На постсоветском пространстве возникли регионы, характеризующиеся, в том числе, высокой интенсивностью этнополитических процессов. Одним из таких регионов является юг Молдавии – Буджак². Эта территория была местом активных контактов различных цивилизаций, этносов, культур и религий на протяжении двухвекового отрезка своей истории.

Результатом изменения границ в послевоенной Восточной Европе и возникновения на постсоветском пространстве независимых государств, стало разделение Буджака

между Молдавией и Украиной, проведенное без учета этнических, культурных и политических аспектов. Компактно проживающее болгарское и гагаузское население Буджака было искусственно разделено границами, причем, дважды. Первый раз – государственной, во второй раз – в ходе становления гагаузской национальной автономии в составе Республики Молдавия. Молдавский Буджак разделен границей Гагаузии и Тараклийского автономного района. Кроме того, сам Тараклийский район не имеет единства территории, оказавшись разделенным на разновеликие эксклавы, окруженные землями Гагауз-Ери³. Эта форма административного деления не удовлетворяет население юга Молдавии в части сохранения и развития национальных культурных интересов, препятствует их консолидации и ограничивает экономическое и политическое развитие района. Текущее положение дел является проекцией нарушения равновесия в сложившейся за советский период системе межэтнических отношений⁴. На протяжении последних нескольких десятилетий болгары Молдавии предпринимают попытки сохранить собственную идентичность подвергнувшись попытке стирания этнических черт в период советского «бесклассового» и «безэтнического» общества.

¹ Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2006. С.14.

² Буджак (тюрк. – угол) – Южная Бессарабия – географически южная часть междуречья Днестра и Дуная, с юго-востока ограниченная Черным морем. Местность с неблагоприятными природно-климатическими условиями засушливого и безводного климата, бывшая до 1812 года окраиной Османской империи преимущественно населенная болгарскими и гагаузскими православными переселенцами из Болгарии. Переселенцы из Российской империи определили преимущественно русскоязычный статус района. Сегодня включает в себя юг Молдавии и юго-запад Одесской области Украины.

³ Шоларь Е. «Присоединение болгарских сел позволит гагаузам «прорубить окно» на Украину»: Гагаузия за неделю // ИА REGNUM [сайт], 01.05.2010. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1279883.html> (дата обращения: 04.04.2015).

⁴ Андреев А.Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996, № 1. С. 107.

Как и иная национальная идентичность, болгарская идентичность населения Тараклийского района была сформирована на основе национальной парадигмы путем объединения национально-исторической, социально-психологической, культурной, политической сфер. Ее содержание составляют особенности национальной культуры, нравственные императивы, этнические характеристики⁵, имеющие внутренние и внешние составляющие. Внутренние элементы – самооценка болгарской национальной общности, внешние – оценка места в геополитическом пространстве извне. Идентичность болгар Молдавии в первую очередь этническая, центр сосредоточения – Тараклийский район на юго-востоке республики, историческое место переселения болгар из подконтрольной Османской империи Болгарии. Особенностью его формирования является присутствие в его составе удаленных «изолированных» населенных пунктов с преобладанием болгарского населения⁶. В данном разрезе этническая идентичность имеет отношение и к политическому статусу национальной общности, и к геополитическому статусу полтиэтнической Молдавии.

Тараклийские болгары используют собственную культурно-этническую идентичность как способ агрегации собственных политических интересов.

Приднестровское молдавское сообщество, провозгласив создание собственного государственного образования⁷, пошло по пути

⁵ Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. №10, 2011. С. 3-17.

⁶ Грек. И. «Решение проблемы не в том, чтобы отказываться от русского языка, а в том, чтобы повысить уровень знания молдавского государственного языка, как и болгарского литературного языка до уровня владения русским языком» // AVA.MD – информационно-аналитический портал [сайт]. 24.05.2009. Режим доступа: <http://ava.md/014-poziciya/02481-ivan-grek-reshenie-problemi-ne-v-tom-chtobi-otkazivatsya-ot-russkogo-yazika-a-v-tom-chtobi-povisitu-roven-znaniya-moldavskogo-gosudarstvennogo-yazika-kak-i-bolgarskogo-literaturnog.html> (дата обращения: 30.03.2015).

⁷ Данной формулировкой подчеркивается непризнанный статус ПМР как государства, в контексте понимания членства в ООН как характеристики государства.

созданию собственной системы ценностей и построения собственной «государственной» идентичности надэтнического характера. Гагаузы добились политических уступок, вступив в административно-территориальное деление Молдавии в качестве автономного территориального образования.

Политические предпочтения болгар близки к гагаузским и имеют пророссийский и проевразийский векторы развития⁸. Болгарская община в Молдавии представляет собой влиятельное территориальное сообщество, которое имеет возможность артикулировать именно болгарскую повестку, повестку большинства, которая близка к повестке Тараклийского района в целом, но сосредоточена на способах поддержания этнической и культурной идентификации и влиятельности данного сообщества. Так, болгарская община стремится к сохранению административно-территориальной единицы с центром в городе Тараклия в частности в связи с готовящейся в 2015 году реформой административно-территориального деления Молдавии.

Задачей болгар Тараклии на текущем этапе не является наделение района особым статусом автономии по аналогии с Законом «Об особом правовом статусе автономного территориального образования Гагаузия (Гагауз Ери)». Главное – сохранить по окончании административной реформы 2015 года в соответствии со стратегией децентрализации статус района. Таким статусом после реформы смогут обладать только населенные пункты, в которых проживает свыше 50 тысяч населения и которые формируют свой бюджет посредством самофинансирования не менее чем на 30 %⁹.

Такой критерий является критичным для Тараклийского района, так как в нем проживают 42 тысячи человек и повы-

⁸ Шоларь Е. «Каждому гагаузу – по Додону»: Гагаузия за неделю // ИА REGNUM [сайт], 12.12.2014. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1876423.html> (дата обращения: 04.04.2015).

⁹ Телеканал NTS [сайт]. Режим доступа: <http://nts.md/video/news/471-zasedanie-gorodskogo-soveta> (дата обращения: 31.03.2015).

ситуацию эту цифру нет возможности¹⁰. Если Тараклийский район не получит статуса национально-культурного района – особого статуса административной организации общности по этнокультурному признаку – следующим шагом развития ситуации станет объединение болгарских сел из других районов для защиты от ассимиляции¹¹.

Болгары требуют создания национально-культурной автономии, что дало бы гарантии сохранения такой территориальной единицы при любых обстоятельствах и исключило бы, по мнению Тараклии, политический фактор при осуществлении финансирования региона¹².

В подтверждение этнокультурного базиса существования болгарской территориальной общности, молдавские болгары потребовали от официального Кишинева учредить три официальных праздника Тараклийского района: 3 марта – День освобождения Болгарии от Османского ига, 24 мая – День славянской письменности и 29 октября – День бессарабских болгар¹³. По мнению историка и политолога Ивана Грека, это поможет Тараклии удержать свою этническую и языковую идентичность и передавать ее по наследству¹⁴.

Сохранение культурной автономии болгар Молдовы представляется способом получения политического влияния на власти Молдовы с целью продвижения как минимум неантиболгарских, а далее и проболгарских решений в Тараклии и в перспективе в республике Молдавия.

¹⁰ Тараклия может получить статус национально-культурного района // Интернет-портал Point.md [сайт], 16.04.2013. Режим доступа: <http://point.md/ru/novosti/obschestvo/tarakliya-mozhet-poluchiti-status-nacionalno-kulturnogo-raiona> (дата обращения: 30.03.2015).

¹¹ Тараклия планирует привлечь в свой состав болгарские села из других районов // Новостной портал moldnews.md [сайт], 26.05.2014. Режим доступа: <http://moldnews.md/rus/news/67811> (дата обращения: 30.03.2015).

¹² Тараклия следует примеру Гагаузии // Новостной портал «В фокусе» [сайт], 1.05.2014. Режим доступа: <http://vfokuse.md/news/index.php?newsid=5389> (дата обращения: 30.03.2015).

¹³ Там же.

¹⁴ Грек И. Этнодемографические процессы среди болгар Молдовы и Украины в середине XVIII–XX в. // Русин. 2006. №4.

На территории Молдавии можно выделить пять доминирующих типов национальных идентичностей. Болгарский этнос является относительно малочисленным и пятым по величине популяции после молдаван, украинцев, русских, гагаузов и румын. Так, по результатам переписи населения 2004 года к болгарам себя причисли 65662 человек, причем только 53178 человек из них считают родным языком болгарский¹⁵.

Этническая идентичность гагаузов и болгар носит отличный от всех остальных присутствующих в Молдавии идентичностей характер.

Недавно ситуационно сконструированная приднестровская идентичность носит преимущественно надэтнический характер, используя его в качестве легитимирующей попытки создания собственной государственности. Она единственная из всех практически не имеет долговременного исторического основания для формирования, т.е. является плодом констелляции политических событий рубежа 80-90 гг. прошлого века. Одной из немаловажных причин формирования такого типа идентичности является проявленная Кишиневом агрессия на неподчинение в виде серьезного оппонирования румынскому вектору развития. Характерная черта этой агрессии – ее направленность не против конкретных этносов, которые противятся румынизации, стремящихся защитить свою культуру, а против сложившегося post factum территориального сообщества. Таким образом, приднестровская идентичность стала результатом невольного конструирования со стороны преимущественно молдавской части Молдавии и самих жителей современной ПМР. Это конструирование фактически осуществилось в результате переосмысления факта агрессии через призму защиты ценностей своего сообщества, включивших в себя и советские ценности, перенятые у освобождающей, близкой ценностно и исторически стороны.

¹⁵ Национальное бюро статистики Республики Молдова. Перепись населения 2004 года. Демографические, национальные, языковые и культурные характеристики. Системные требования для таблиц с данными: Microsoft Excel. Режим доступа: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234> (дата обращения 17.03.2015).

Молдавская идентичность и как этническая, и как национальная (государственная) тоже весьма молода, но в тоже время могла быть основана на географической и исторической близости молдавского и румынского народов на значительно большем временном промежутке. Государственная идентичность, начавшая формироваться как интерпретация сначала молдавского будущего в составе СССР, а затем в отдельном независимом государстве способствовала появлению и развитию современной этнической идентичности после образования Республики Молдова. Государственная идентичность Молдовы видится способом идентификации скорее с государством, а не с гражданством и/или принадлежностью к нему, поскольку ее функциональное развитие практически не исходит от народа, а конструируется властными структурами.

Болгарская и гагаузская идентичность же изначально этнические. Формирование моделей идентичности проходило во времена, так называемого, болгарского водворения (первая половина XIX века), когда переселявшиеся в современную Бессарабию болгары заселяли свободные земли Буджака. Болгары, как и гагаузы, имели благоприятные условия для развития собственной идентичности:

- Отсутствие конкуренции с другими народами за землю.
- Уединенность, относительная компактность размещения общин.
- Поблажки колонистам со стороны Российской империи.
- Общая православная вера.
- Сохранение исторического языка.
- Незначительные темпы проникновения современных технических достижений в Буджак, как следствие – культивирование ремесел.
- Ранее дарованная Османами возможность продуцировать болгарскую интеллигенцию, которая, главным образом, использовалась для практических нужд другими народами.

Необходимо разделить идентичность болгар Молдовы от идентичности болгар Тараклийского района Молдовы. Тараклийский район, представляет наибольшую из групп болгар, живущих в Молдове (примерно

28 тыс. из 65 тыс. человек). Стоит отметить, что только по переписи в Кагульском районе, в АТО Гагаузия и в самом Кишиневе проживает еще по 8 тысяч болгар. Таким образом, возникает вопрос, насколько болгарская идентичность в Тараклии отличается от совокупной идентичности района (из которых 2/3 – болгары), помимо различий в понимании пространства в диаспоре и оставшемся болгарском населении района. Можно предположить, что идентичность всего района, как и принимаемые на районном уровне решения подчиняются пониманию пространства небольшой ассоциативной группы.

Исходя из обозначенного ранее, можно считать болгарскую идентичность раздробленной, имеющей внутренние противоречия. Несмотря на, казалось бы, общие интересы весьма небольшого компактно проживающего сообщества даже по однозначно важным вопросам наличествуют серьезные разногласия в осознании будущего. Существует как минимум 5 возможных векторов развития собственной идентификации болгар, которые существуют в данный момент, выбор между которыми стоит в повестке болгарской диаспоры.

1. Собственно болгарский.

Ключевую роль в данном понимании пространства является их осознание Болгарии собственной исторической родиной и постулирование этого на уровне общественных дискуссий в СМИ¹⁶. Причем этот вектор работает в обе стороны, так как нельзя сказать, что Болгария не поддерживает «собственное производное». Скорее стоило говорить о патронате государства над диаспорой в Молдавии. Так, осознанная болгарским территориальным сообществом потребность в высшем

¹⁶ Грек. И. «Решение проблемы не в том, чтобы отказываться от русского языка, а в том, чтобы повысить уровень знания молдавского государственного языка, как и болгарского литературного языка до уровня владения русским языком» // AVA.MD – информационно-аналитический портал [сайт]. 24.05.2009. Режим доступа: <http://ava.md/014-poziciya/02481-ivan-grek-reshenie-problemi-ne-v-tom-chtobi-otkazivatsya-ot-russkogo-yazika-a-v-tom-chtobi-povisitu-roven-znaniya-moldavskogo-gosudarstvennogo-yazika-kak-i-bolgarskogo-literaturnog.html> (дата обращения: 30.03.2015).

болгароязычном образовании была поддержана на высоком межгосударственном уровне. Инициатива Тараклии была поддержана Болгарией и вылилась в создание Тараклийского государственного университета, который сегодня является главным центром сохранения и поддержания культурной идентичности в Тараклийском районе.

Музей Тараклийского государственного университета имени Григория Цамблака располагает экспонатами, посвященными в том числе и быту болгарских крестьян. По итогам осмотра этой экспозиции, а также постоянной экспозиции Комратского музея можно сделать вывод, что в силу близости расположения, единой религии и сходного исторического пути на протяжении последних двух веков практически идентичных практиках и обрядах, инструментах и приспособлениях, культурные коды¹⁷ двух народов Буджака имеют значительное число схожих моментов, что придает им объединяющую силу. Болгарские политические деятели – желанные гости ТГУ. Этот вектор является самым «европейским»: сотрудничество по «болгарской» линии открывает в регион двери ЕС и НАТО, как организациям, в которые входит патрон бессарабских болгар Болгария¹⁸.

Болгарский патронат над Тараклией, в отличие от Румынского патроната над Молдавией, не имеет остро выраженного политического характера, он скорее имеет черты культурно-этнического явления, тяготеющего к обоюдной связи на равных, и строится по типу отношений между двумя разновеликими частям одного этноса.

2. Молдавский.

Политические реалии, в которых находится болгарское территориальное сообщество, таковы, что болгарам необходимо поддерживать тесное взаимодействие с властями Молдавии. Тараклийский район обладает крайне небольшим населением и зависимой от центра экономикой. Отсут-

ствие статуса автономии и политической и культурной не позволяет болгарам выстраивать сколько-нибудь гибкую политику по отношению к Кишиневу. Так же причиной условно односторонних проблем болгар является мультилингвальность данного региона. Так, по статистике переписи (таблица 8 по ссылке)¹⁹ 23 тысячи из 65 тысяч человек обычно разговаривают на русском, еще 36 тысяч говорят на болгарском и только порядка 5 тысяч говорят на государственном языке. Так, Иван Грек подчеркивает, что для системной интеграции в общественную и политическую среду Молдовы необходимо искусственное (подразумевается, что не все это поддерживают) распространение молдавского языка в Тараклийском районе. Этот путь также будет способствовать представлению болгарской интеллигенции в органах государственной власти всей Молдовы, иначе говоря, появлению бессарабских болгар – инкубентов общегосударственного уровня. Переход болгар на должности такого уровня рассматривается ими как возможность быть услышанными, повысить «престиж» и влияние территориального сообщества внутри Молдовы, в противовес созданному образу хорошо образованных, но бесперспективных без молдавского языка болгар, которым приходится ориентироваться на Болгарию или Россию в зависимости от языка²⁰.

¹⁹ Национальное бюро статистики Республики Молдова. Перепись населения 2004 года. Демографические, национальные, языковые и культурные характеристики. Системные требования для таблиц с данными: Microsoft Excel. Режим доступа: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234> (дата обращения 17.03.2015).

²⁰ Грек. И. «Решение проблемы не в том, чтобы отказываться от русского языка, а в том, чтобы повысить уровень знания молдавского государственного языка, как и болгарского литературного языка до уровня владения русским языком» // AVA.MD – информационно-аналитический портал [сайт]. 24.05.2009. Режим доступа: <http://ava.md/014-poziciya/02481-ivan-grek-reshenie-problemi-ne-v-tom-chtobi-otkazivatsya-ot-russkogo-yazika-a-v-tom-chtobi-povisituroven-znaniya-moldavskogo-gosudarstvennogo-yazika-kak-i-bolgarskogo-literaturnog.html> (дата обращения: 30.03.2015).

¹⁷ По материалам этнографического музея Тараклийского государственного университета им. Григория Цамблака.

¹⁸ Фотогалерея сайта Тараклийского государственного университета им. Григория Цамблака. Режим доступа: <http://tdu-tar.md/ro/fotogalereya/> (дата обращения: 17.03.2015).

Этот вектор означает более тесную интеграцию болгар в Молдавское сообщество, необходимость разделять молдавские ценности и защищать страну от посягательств изнутри и извне. По мнению Ивана Грека, болгары как часть единой Молдовы должны нести ответственность за ее будущее, что не мешает помнить о важности интеграции в болгарскую культуру. Главная угроза, осознаваемая болгарами, которую представляет это направление – это постепенная ассимиляция в случае территориально-административных реформ или направленной интеграции²¹.

3. Гагаузский.

Историческая, религиозная близость болгар и гагаузов – еще один из возможных аспектов для формирования вектора болгарской идентичности. Единая конфессиональная принадлежность приобретает мощное объединяющее значение и является более широким явлением, чем славянское братство по этническому принципу: пророссийские силы Гагаузии не являясь славянами, принадлежат к православной конфессии, что сближает их с болгарами. Использование этого подхода видится наиболее простым для болгар. Гагаузы и болгары, не имея между собой вражды, приобрели долгий опыт добрососедских отношений с начала Османской Болгарии затем на переходящих землях Бессарабии.

Наличие точек соприкосновения культурных кодов, возможность компромисса по политической позиции или даже ее разделение лишь подчеркивают достоинства формирования идентичности соседства, дружбы или даже единства, вплоть до создания общего территориального образования. Гагаузия имеет, пусть и не долгий, опыт собственной непризнанной государственности. Кроме того, в случае присоединения к соседней Гагаузии, Тараклия получит право на выход из состава Молдавии в случае ее объединения с Румынией²². Возможно, это один из допустимых, по мнению бол-

гар, способов защиты собственных ценностей. Естественным продолжением укрепления единства двух народов могло бы быть создание объединенной автономии, образованной по территориально-национальному признаку. Однако, при создании Гагаузской автономии в 1994 году Кишинев, оказывая давление, фактически препятствовал вхождению ряда болгарских и гагаузско-болгарских сел в состав автономии Гагауз-Ери.

4. Российский.

Россия рассматривается как страна принимающая, способствующая стабильности, доказавшая это быстрым разрешением конфликта в Бендерах (генерал Лебедь), что не привело к появлению очага борьбы, военных действий в Гагаузии.

5. «Тараклийский».

Поиск способа удержания за собой территории, стремление получить культурную автономию и произвести реформы в этих пределах. При этом одним из элементов опоры для построения системы идентичности в Тараклийском районе является Тараклийский государственный университет, который наряду с общественными и политическими структурами района и диаспоры участвует в переосмыслении пространства. В первую очередь для болгар стало на порядок доступнее последующая профессиональная работа, как на исторической родине, так и Молдавии, а в отдельных случаях, и в России.

Болгарское сообщество не стремится к самоизоляции и открыто артикулирует, в том числе и в прессе собственные интересы. В результате анализа публичных выступлений в масс-медиа болгарской общественности Молдовы можно составить представление об общей «повестке дня» болгарского территориального сообщества. Рефлексия способов интеграции в молдавскую культурную среду представлена следующими постулатами:

- Сохранение возможности широких контактов с исторической родиной Болгарией.
- Сохранение и поддержание собственных этнокультурных особенностей.
- Тесное сотрудничество с автономным территориальным образованием Гагаузия – Гагауз-Ери.

²¹ Там же.

²² Тараклия снова требует от Молдавии особого статуса и пока передумала вступать в Гагаузию // ИА REGNUM [сайт], 14.04.2014. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1790778.html#ixzz3WXaDgsi3> (дата обращения: 30.03.2015).

Буджак открыт к обсуждению всех озвученных проектов национально-территориальной автономии этносов юга Молдавии:

- Бессарабская республика – территориальный признак формирования.

- Гагаузско-болгарская автономная республика – суммирование интересов.

- Гагаузская автономия – вхождение Тараклии в ее состав, при гарантиях сохранения болгарского языка в качестве официального государственного языка.

В двух последних проектах болгарскую общественность беспокоит проблема сохранения болгарского языка при признании государственным языком единственно гагаузского.

Недостаточная для реализации одного из указанных выше проектов политическая активность болгарской диаспоры обусловлена не только сложным экономическим положением района компактного проживания болгар, особенностями в отношениях с соседствующими народами, но и внешним влиянием на внутренние этно-политические процессы. В этой ситуации Кишинев, сохраняя контроль над администрацией Тараклии, способствовал разобщению гагаузов и болгар, указывая на наличие у болгар собственного национального государства²³, опасаясь, что болгарская этническая идентичность послужит средством легитимации политической власти в переходном обществе, поскольку она легитимирует деятельность национальных элит и создает необходимые предпосылки для этнополитической мобилизации²⁴.

Тараклийский район имел определенные преференции при использовании русского языка в государственной сфере, имелись некоторые условия для развития болгарской культуры, но административные, экономические и политические про-

блемы остаются. Кишинев не слышит голос болгар юга. Поэтому, если Комрат стремится к становлению своей автономии как субъекта международного права и предпринимает попытки повлиять на административно-территориальную систему Молдавии в свете возможной федерализации государственного устройства, то главной задачей Тараклии на данном этапе остается сохранение культурно-этнической общности как агрегатора политических интересов болгарского населения Молдавии. Но даже в этих условиях юг Молдавии, традиционно полиэтнический и полилингвистический, в том числе русскоязычный совместно с Приднестровской Молдавской Республикой, фактически независимой, является очагом сопротивления агрессивным проявлениям унионизма. В условиях, когда культивируемый Румынией прорумынский национализм молдавской правящей элиты угрожает самому существованию иных этносов Молдавии, молдовенисты Тараклии и Гагаузии являются силой, препятствующей угрозе возможной ликвидации молдавской государственности при ее объединении с Румынией и ассимиляции молдаван.

Этническая идентификация болгар как и иная этническая групповая идентификация может послужить побудительной причиной политического действия²⁵. Осознание и сохранение собственной идентичности может служить средством сосредоточения, концентрации и формулирования собственных политических интересов²⁶. Взаимные противоречия, неудовлетворенность ситуацией, как болгар, так и гагаузов могла бы быть снята в случае трансформации унитарной модели Молдавского государства в федеративную модель. Для этого необходимы такие условия, как критическая переоценка национального прошлого и настоящего, смягчение национально-го характера, снижение резкости межкультурных и межцивилизационных различий²⁷.

²³ Шоларь Е. «Присоединение болгарских сел позволит гагаузам «прорубить окно» на Украину»: Гагаузия за неделю // ИА REGNUM [сайт], 01.05.2010. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1279883.html> (дата обращения: 04.04.2015).

²⁴ Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том 2. № 1. С. 46.

²⁵ Там же.

²⁶ Тадевосян Э.В. Этнонация: миф или социальная реальность? // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 62.

²⁷ Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд.2-е-М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 126.

Мягкая политическая сила, в которую трансформировалось исторически сложившееся единство болгар и гагаузов Буджака фактически не только защищает независи-

мость Молдавии как государства, но и дает устойчивую платформу процессу федерализации страны.

Особенности идентичности болгарского территориального сообщества в контексте полиэтнической Молдавии

Герман Игоревич Остапенко, студент Департамента политической науки Факультета социальных наук НИУ Высшей школы экономики.

Аннотация: Этнополитические процессы в Молдавии способствовали актуализации у населяющих страну этносов национальных идентичностей. Этносы, сформировавшие собственные территориальные сообщества, получили возможность стать действительными политическими акторами общегосударственного уровня. Такой статус позволяет этносам рассматривать своё дальнейшее будущее в контексте геополитических перспектив, создавать свои уникальные интерпретации пространства, в котором они находятся, или видоизменять их в зависимости от внешних условий. В данной статье на примере болгарского территориального сообщества, поставленного перед выбором одной из пространственных интерпретаций, представлен анализ пространственной идентичности и этнонациональной самоидентификации болгар Молдовы.

Ключевые слова: критическая геополитика, национальная идентичность, болгарская идентичность, Буджак, Тараклия, Молдавия, унионизм, молдовенисты.

Spatial Identity of the Bulgarian Community in the Polyethnic Moldova

German Igorevich Ostapenko, Student of the School of Political Science, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics (HSE), Moscow.

Abstract: Ethnopolitical processes in Moldova have provided for actualization of local ethnoses' national identities. Ethnoses, which have formed own territorial community, have got a chance to become valid political actors on the nationwide level. Such status allows ethnoses to consider own future in context of geopolitical perspectives, produce own unique interpretations of space, where they are placed, or modify them depending on external conditions. This paper investigates Moldova's Bulgarians' spatial identity and ethnonational self-identification on the example Bulgarian territorial community, which is in a position of choice one of spatial interpretations.

Key words: critical geopolitics, national identity, Bulgarian identity, Budjak, Taraclia, Moldova, unionism, moldovanists.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР БЕССАРАБИИ

П.В. Осколков

Каждый год 1 декабря в Кишиневе проходит шествие, посвящённое Дню великого единства Румынии – *Ziua marii uniri*. На видеозаписях прошлых мероприятий заметно напряжение, которое во многом обусловлено тем, что лидер страны в 2001–2009 годах, Владимир Воронин, был приверженцем совершенно иной идеологической парадигмы, нежели манифестанты и часть нынешнего руководства.

Если несколько упростить существующую палитру взглядов на исторический путь Молдовы, получается дихотомия. С одной стороны, есть т.н. унионисты (или «румыно-унионисты», «румынисты») – сторонники политического объединения Молдовы/Молдавии и Румынии; с другой стороны – «молдовенисты», т.е. сторонники независимого развития Молдовы. Немецкий политолог Клаус Нойкирх подчёркивает, что по сути это «два этнонационализма», нацеленные «на одну языковую группу»¹.

Начнём *ab ovo* – что есть Молдова и как она возникла. Когда воевода Драгош, согласно легенде, привёл своих людей в этот плодородный край, такого названия ещё не существовало: хотя и есть такие же легендарные предположения о том, что реку Молдова, а за ней и всю страну, называли по имени собаки воеводы, которая загнала там зубра², это вряд ли соответствует действительности.

Княжество Молдова было основано в 1359 году Богданом I, и называлось действительно по имени реки; согласно одной из наиболее распространённых версий, название реки произошло от древнегерманского *mulde* – «лощина». В расширенных при Александру чел Бун границах княжество вместе с Валахией попало под власть Османской империи в XVI веке; в 1812 году по Бухарестскому мирному договору восточная Молдова перешла к Российской империи. При этом западная часть княжества, с центром в Яссах, в 1859 году стала составной частью Объединённого княжества Валахии и Молдавии, на основе которого в 1881 году было образовано Королевство Румыния.

Таким образом, земли исторической Молдовы оказались разделены между двумя государствами. При первой возможности – в годы революционных событий в России – части целого попытались объединиться. В апреле 1917 года была образована Молдавская национальная партия, а в октябре того же года Съезд представителей молдавских солдат и офицеров Румынского фронта объявил «единственной приемлемой формой власти Бессарабии лишь национально-территориальную и политическую автономию»³. Чтобы управлять бессарабской автономией, тот же съезд постановил сформировать из народных депутатов Сфатул Цэрий – «Совет края», аналог Временного правительства, в ожидании Учредительного собрания. 2 декабря 1917 года – события развивались достаточно стремительно – было объявлено о создании Молдавской демократической республи-

¹ Нойкирх К. Республика Молдова между унионизмом, молдаванизмом и национализмом граждан государства // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. В 3 т. Т. 2: Национализм в национальных государствах. Москва, 2010. С. 156

² Стати В. История Молдовы. Кишинёв, 2003. С. 13–14

³ Там же. С. 268

ки «в составе Российской демократической федеративной республики»⁴. Однако даже при таких декларациях существенное число делегатов Сфатул Цэрий выступало за воссоединение румынского народа, какие амбиции имело и Румынское королевство. К тому же, СЦ слабо контролировал ситуацию: на территории республики шло противоборство Центрального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы (Румчерода) и российских войск, перешедших на сторону УНР. В продолжение Фокшанского германорумынского перемирия (26 ноября 1917), в декабре революционного года в Бухаресте представители Германии и румынского правительства в общих чертах обговорили проект захвата Бессарабии⁵.

К слову, название «Бессарабия» происходит от имени мунтенского, олтенского и валашского князя Басараба I (1310–1352) – основателя первой династии правителей Валахии. «Землём Басараба» называли в разное время Валахию, южную Молдову (Буджак) и, наконец, с 1812 года – всю восточную Молдову. Это наименование у делегатов Сфатул Цэрий вызывало неприятие как неестественное для исторической Молдовы. По словам главы правительства Молдавской демократической республики Пантелеймона Ерхана, «мы не можем называться по имени какого-то маленького самодержца»⁶.

28 декабря 1917 года Ерхан поставил на заседании СЦ вопрос о необходимости ввода румынских войск «для борьбы с анархией», предложение было принято – при этом румынская группировка и так находилась на территории МДР с начала месяца. Румынским войскам противостояли разного рода большевицкие формирования, не имевшие особого успеха. Наконец, 27 марта на заседании Сфатул Цэрий был поставлен вопрос об объединении с Румынией, и большинство депутатов поддержало такой вариант развития событий. Именно в тот день была подписана Декларация об объединении – *Actul Unirii*. 26 ноября того же года Бессарабия официально присоединилась к Румынии,

и находилась там до 1940 года, когда была присоединена к СССР.

Таким образом, идеология унионизма основывается как раз на вышеизложенных фактах истории. Историческая Молдова – часть Румынии; нынешняя РМ – часть исторической Молдовы... Однако для молдовенистов всё не столь однозначно. В развитие теорий советского периода, культивировавших «особость» молдаван и даже переведших румынский язык на территории МССР обратно на кириллическую графику (латиница использовалась в румынском языке в Румынии с середины XIX века), некоторые молдавские учёные пытаются доказать, что у молдаван собственные культура, язык и даже происхождение. Особенно в этом в современной Молдове преуспел историк Василе Стати, составивший «молдавско-румынский словарь»⁷. Хотя, казалось бы, нет нужды объяснять, что на территории расселения того или иного народа язык и культура никогда не будут гомогенными и будут различаться в зависимости от того, где именно те или иные представители этноса проживают. В контексте этого словаря можно вспомнить и русско-поморский словарь, который представляет определённую ценность разве что в плане исследования региолектов. Так называемая «теория двух языков», согласно которой молдавский – самостоятельный романский язык, до сих пор по инерции является частью государственной политики в Приднестровье: если на территории, контролируемой официальным Кишинёвом, в школах преподаётся румынский язык в качестве родного, то в зоне под контролем Тирасполя по-прежнему изучают молдавский.

Антисоветская оппозиция в Молдове всегда была автоматически прорумынской и унионистской, т.к. наличие «большой земли» создавало наиболее реальные альтернативы советскому режиму. Первые оппозиционные прорумынские группы появились в МССР ещё в 40-е годы (первыми стали сформированная в 1945 году Национальная организация Бессарабии «Аркахий луй Штефан» и группа «Меч правосудия» – «Сабия дрептэций»; в 1960-е возникли «Молдавский народный

⁴ Там же. С. 272

⁵ Там же. С. 278

⁶ Там же. С. 272

⁷ Stati V. Dicționar moldovenesc-român. Chișinău, 2011

фронт» и «Национально-патриотический фронт Бессарабии и Северной Буковины»). В 1970-е, а особенно – в 1980-е носителями унионизма и панрумынизма выступали существенная часть творческой и научной интеллигенции (учитель Василе Бэтрынак, поэты Григоре Виеру и Ион Друцэ, биолог Георге Гимпу, писатель Ион Морару). 20 мая 1989 года семь оппозиционных групп объединились в «Народный фронт Молдовы»⁸. Всего два месяца спустя, 27 августа 1989, полмиллиона человек приняли участие в Великом национальном собрании в Кишиневе, которое вынудило ВС МССР принять новые законы о языке: молдавский язык (именно молдавский!) на основе латиницы стал государственным, русский – языком межнационального общения. В 1990–1994 гг. государственный гимн Молдавии был идентичен румынскому «Пробудитесь, румыны!» (в 1994 году был принят новый гимн – «Наш язык» на слова Алексея Матеевича).

Однако вскоре после обретения независимости НФ потерял влияние: уже в 1992 году только 10–12 % жителей Молдовы поддерживали идеи унионизма⁹. Более привлекательной многим интеллектуалам стала казаться жизнь в независимом молдавском государстве – то, что НФ рассматривал лишь как промежуточную цель на пути к объединению. Избранный президентом Мирча Снегур выдвинул формулу «одна нация в двух государствах» и инициировал вступление страны в СНГ, что натолкнулось на резкую критику Народного фронта – однако последний уже ничего не мог поделать. Когда молдовенист Петру Лучинский сменил на посту премьер-министра Александра Мошану, унионисты «потеряли свою последнюю властную позицию»¹⁰.

В современной Молдове с позиции молдовенизма продолжают выступать ПКРМ и партия «Патриоты Молдовы»; идеи унионистов на партийном уровне высказывают Христианско-демократическая народная партия, Либерально-демократическая партия Молдовы, Либеральная партия, Демократическая партия Молдовы.

⁸ Нойкирх К. Указ. соч. С. 161

⁹ Там же. С. 170

¹⁰ Там же.

В самой Румынии об объединении с братским народом открыто заговорили сразу после свержения режима Чаушеску. В 1989 году была создана социал-демократическая и националистическая партия «Великая Румыния» («*România Mare*»), которая выступала и выступает за «скорейшее присоединение Республики Молдова и возврат других исторических территорий в состав Румынии»¹¹. В 1993 году была основана национал-христианская партия «За родину» («*Pentru Patrie*»), на официальном сайте которой указано, что она выступает «за возврат мирным путём силой оторванных от Румынского Государства территорий»¹². Идеологические продолжатели «Железной гвардии» Корнелиу Зеля Кодряну, организация «Новые Правые» («*Noua Dreapta*»), видят одной из своих целей объединение Румынии и Молдовы по модели объединения двух Германий. Праворадикальное, преимущественно молодёжное объединение «Новые голодранцы» («*Noii Golani*») организовало движение «Бессарабия – румынская земля» (по популярному по обе стороны границы лозунгу «*Basarabia pământ românesc*»), одна из задач которого – «противостояние политике молдовенизма и её главных сподвижников – Партии коммунистов Республики Молдова»¹³.

Однако идеи об объединении звучат в Румынии не только на партийном уровне. Президент Траян Бэеску в 2006 году, незадолго до вступления своей страны в ЕС, заявил о желательности объединения с Кишиневом: «румыно-молдавское объединение произойдёт внутри Европейского союза»¹⁴. При этом не будем забывать и о том, что благодаря политике Бухареста в вопросах гражданства многие жители Мол-

¹¹ Цит. по: Праворадикальные и экстремистские партии и движения в современной Европе / отв. ред. Барыгин И.Н. СПб: Петрополис, 2011. С. 492

¹² Там же. С. 495

¹³ Там же. С. 500

¹⁴ Цит. по: В Румынии подсчитана стоимость «поглощения» Молдовы [Электронный ресурс] / Независимая Молдова. 2010. 3 октября. Режим доступа: <http://www.nm.md/article/v-rumynii-podschitana-stoimost-pogloshcheniya-moldovy>

давии имеют румынские паспорта. Тот же господин Бэеску заявил 25 сентября 2007 года на заседании Высшего совета обороны Румынии, что «либерализация процесса предоставления румынского гражданства должна коснуться всех жителей РМ, вне зависимости от того, румынского они происхождения или русского»¹⁵.

Одиозный российский историк Александр Дугин признавал: «Румыния и Молдавия представляют собой две части единого геополитического региона, населённого единым православным этносом – потомками даков, говорящими на языке латинской группы. (...) С геополитической точки зрения интеграция Румынии и Молдавии неизбежна»¹⁶.

Из нескольких существующих вариантов объединения идеальным для Румынии был бы классический вариант «Великой Румынии», при котором Бессарабия присоединилась бы вместе с Северной Буковиной, но без Приднестровья/Транснистрии, т.к. столь нестабильный регион с непредсказуемым управлением и на данный момент слабо преодолимыми противоречиями с материнским образованием стал бы для Румынии и ЕС бомбой замедленного действия. Интересно, что план урегулирования приднестровского конфликта, озвученный директором Института национальной стратегии (Москва) Станиславом Белковским в 2004 в Одессе, подразумевает передачу «Бессарабии Румынии при одновременном признании права Приднестровья на самоопределение»¹⁷.

В марте 2014 года 52 % граждан Молдовы поддерживали возможное объединение с Румынией; 63 % опрошенных считали родной язык румынским (против 26 % за «молдавский»); 74 % опрошенных придерживаются мнения, что румынские и молдавские традиции и фольклор идентичны. При этом 63 % респондентов считают, что Румыния и

Молдова – «два румынских государства»¹⁸. Трудно сомневаться в том, что «промежуточный этап» (по задумке Народного фронта), независимая Республика Молдова, полностью состоялась как государство. Однако решать дальнейшую судьбу своей страны могут только её граждане.

¹⁵ Цит. по: «Великая Румыния» и русский интерес. Сборник материалов проекта Униря.Ру (2007–2008). М.: REGNUM, 2011. С. 28

¹⁶ Дугин А. Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. С. 358

¹⁷ Цит. по «Великая Румыния» и русский интерес... С. 18

¹⁸ Centrul Român de Studii și Strategii: 52% de moldoveni doresc unire cu România [Electronic resource] / Diez. 2014. 27 martie. Mode of access: <http://diez.md/2014/03/27/infografic-centrul-roman-de-studii-si-strategii-52-de-moldoveni-doresc-unire-cu-romania/>

Исторический выбор Бессарабии

Петр Викторович Осколков, студент 2 курса магистратуры
«Зарубежное регионоведение» МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: В статье дается историко-политический обзор становления государственности в Молдавии и рассматриваются различные геополитические сценарии развития данного государства. Если несколько упростить существующую палитру взглядов на исторический путь Молдовы, получается дихотомия. С одной стороны, есть т.н. унионисты (или «румыно-унионисты», «румынисты») – сторонники политического объединения Молдовы/Молдавии и Румынии; с другой стороны – «молдовенисты», т.е. сторонники независимого развития Молдовы.

Ключевые слова: Молдавия, Бессарабия, геополитический расклад, молдовенизм, унионизм.

A Historical Choice of Bessarabia

Petr Victorovich Oskolkov, MA student (Programme “World Regional Studies”), MGIMO University.

Abstract: The article is focused on the process of state-building of modern Moldova and gives various scenarios of its geopolitical development. To say it simply, Moldova faces a dichotomy. From the one hand, there are unionists (or “romano-unionists”/ “romanists”) who claims for political union of Moldova and Romania. From the other hand, – “moldovenists” who support the idea of Moldavian independent way.

Key words: Moldova, Bessarabia, geopolitics, moldovenism, unionism.

Концепт «столичности» в малых городах России

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4\(21\)-89-93](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-89-93)

ГЕОХРОНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТОЛИЦ С ПРОБЛЕМНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬЮ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

И.Ю. Окунев

Публичная история представляется дисциплиной выходящей за рамки традиционной науки о прошлом. Можно выделить три основных диапазона темпоральности в широком смысле: повседневность, историю и эволюцию или геохронополитику в узком смысле. Дело в том, что в полной мере публичная история находит сама себя при выходе за пределы традиционной истории. Лишь обретая свои постисторические качества, прежде всего способность ретроспективно воссоздать осуществленные, полусущественные или неосуществленные модели политического развития, публичная политика достигает, наконец, необходимой зрелости, оказывается в состоянии заявить о себе как о самостоятельной творческой силе. Ведь только теперь история получает возможность не просто инвентаризировать свершившееся (в прошлом), понимать настоящее в терминах судьбы и угадывать будущее, но уже достаточно рационально выявлять альтернативы (в прошлом, настоящем и будущем), а также прорабатывать и осваивать их. В основе данной работы заложен именно такой подход к публичной политике, как дисциплине-рефлексии прошлого, трансформирующие существующие институты и практики.

Столица представляется как раз одним из таких ключевых элементов политико-территориальной структуры современного

государства. Однако, выходя за рамки политологии, это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но – обращаясь к методологии публичной политики – и важнейший элемент через историческую рефлексию формирующий, воспроизводящий и трансформирующий ее государственность, в первую очередь, оказывающий влияние на административно-территориальное устройство, систему взаимоотношений «центр-регионы» и региональную политику государства. Номинация столицы – это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа об их прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра.

Столицы можно считать одним из видов центра, наиболее типичным институциональным закреплением функции политического центра в противовес «периферии». Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре»¹. Данный нарратив дополняет существующие

¹ Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения / В. Россман. – М. Изд-во Института Гайдара, 2013. – С. 35–36.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

у города, являющегося столицей, локальную и глобальные идентичности (концепция «глобального города»).

Специфичность столицы подчеркивается как на символическом, так и на функциональном уровне, что подтверждает предположение о существовании дополнительного механизма национального строительства, выражающегося в создании идеального образа нации и противопоставления его маргинальности периферии.

Степень научной разработанности проблемы. Пространственные аспекты генезиса национальных государств являются классической темой в рамках исследования национализма (*nationalism studies*). Этому вопросу посвящены, в частности, работы Б. Андресона², К. Берндта³, М. Билинга⁴, Р. Брюбейкера⁵, П. Граффадда⁶, Дж. Маклафлина⁷, С. Роккана⁸, А. Смита и К. Уильямса⁹, Т. Старна и

Т. Бауча¹⁰, А. Томсона¹¹, Г. Уайта¹², Г. Херба¹³, Т. Эриксона¹⁴. Среди российских исследователей данной проблематики касались В.С. Малахов¹⁵, А.И. Миллер¹⁶, В.А. Тишков¹⁷, О.Ю. Малинова¹⁸, Е.Ю. Мелешкина¹⁹, М.В. Ильин²⁰,

Smith // *Progress in Human Geography*. – 1983. – Vol. 7. – No. 4. – P. 502–518.

¹⁰ Sturm T. Nationalism and Geography: An Interview with Rogers Brubaker / T. Sturm, N. Bauch // *Geopolitics*. – 2010. – Vol. 15. – No. 1. – P. 185–196.

¹¹ Thompson A. Nations, National Identities and Human Agency: Putting People Back into Nations / A. Thompson // *The Sociological Review*. – 2001. – Vol. 49. – No. 1. – P. 18–32.

¹² White G.W. Nation, State and Territory: Origins, Evolutions and Relationships / G.W. White. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004. – 291 p.

¹³ Herb G.H. National Identity and Territory // *Nested Identities: Nationalism, Territory and Scale* / G.H. Herb / Ed. by G.H. Herb, D.H. Kaplan. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999. – P. 9–30; Herb G.H. Double Vision: Territorial Strategies in the Construction of National Identities in Germany, 1949–1979 / G.H. Herb // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2004. – Vol. 94. – No. 1. – P. 140–164.

¹⁴ Eriksen T.H. We and Us: Two Modes of Group Identification / T.H. Eriksen // *Journal of Peace Research*. – 1995. – Vol. 32. – No. 4. – P. 427–436.

¹⁵ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2010. – 318 с.

¹⁶ Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / Под редакцией А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.

¹⁷ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 240 с.

¹⁸ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России / О.Ю. Малинова. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 421 с.

¹⁹ Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе / Е.Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.

²⁰ Ильин М.В. Балто-Черноморье: времена и пространства политики: монография / М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010 – 386 с. Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времен и пространств / М.В. Ильин // *Вестник МГУ. Политические науки*. – 1997. – № 2. – С. 28–44; Ильин М.В. Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия /

² Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson. – London: Verso, 1983. – 224 p.

³ Berndt C. Territorialized Key Words and Methodological Nationalism: Cultural Constructions of Institutional Change in Germany / C. Berndt // *European Urban and Regional Studies*. – 2003. – Vol. 10. – No. 4. – P. 283–295.

⁴ Billig M. *Banal Nationalism* / M. Billig. – London: SAGE Publications, 1995. – 208 p.

⁵ Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* / R. Brubaker. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 216 p.; Brubaker R. *Ethnicity Without Groups* / R. Brubaker. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. – 296 p.

⁶ Gruffudd P. *Remaking Wales: Nation-building and the Geographical Imagination, 1925–1950* / P. Gruffudd // *Political Geography*. – 1995. – Vol. 14. – No. 3. – P. 219–239.

⁷ Mac Laughlin J. *Reimagining the Nation-state: The Contested Terrains of Nation-building* / J. Mac Laughlin. – London: Pluto Press, 2001. – 294 p.

⁸ Rokkan S. *Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development* / S. Rokkan // *Building states and nations: models and data resources*. – London: SAGE Publications, 1973. – P. 73–91. (по-русски Роккан С. Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии / С. Роккан // *Политическая наука*. – 2006. – № 4. – С. 46–72.)

⁹ Smith A.D. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism* / A.D. Smith. – L.–N.Y.: Routledge, 1998. – 270 p.; Williams C. *The National Construction of Social Space* / C. Williams, A.D.

И.Н. Тимофеев²¹, К.П. Боришполец²², Э.А. Паин²³ и др.

Существует огромный пласт литературы о конкретных столицах, однако тема столиц как политико-географического института, на наш взгляд, пока не получила соответствующего сравнительного эмпирического или нормативного развития. По всей видимости, именно это обстоятельство побудило известного американского географа Скотта Кэмпбелла заявить, что столица, являясь «легко определимым явлением, остается недостаточно хорошо понятым в качестве особого класса городов»²⁴, а немецкого историка Андреаса Даума вообще предположить, что изучение столиц сегодня находится в инкубационной стадии развития»²⁵.

Ключевым толчком к созданию теории столиц можно считать текст классика французской геополитики Жана Готтмана

«Столичные города»²⁶. Наиболее успешными попытками осмысления столичности можно также считать работы Х. Элдриджа²⁷, П. Холла²⁸, Ж. Тирвитта²⁹, Г. Терборна и Кон Чон Хо³⁰, в России – В. Россмана³¹, Д.Н. Замятина³², С.А. Тархова³³.

В основе работы лежит постпозитивистская исследовательская парадигма, точнее социальный конструктивизм (разработан П. Бергером и Т. Лукманом, развит А. Вендтом, Ф. Кратчвилем, П. Катценштейном, Д. Кэмпбэллом и др.). В рамках данной парадигмы социальная реальность (в том числе, политические институты) воспроизводится людьми в процессах её интерпретации и формулирования знаний о ней. Как замечал Александр Вендт «люди воздействуют на объекты, включая и самих акторов на основе того смысла, который эти объекты имеют для них»³⁴.

Для понимания политического института социальный конструктивизм привлекает

М.В. Ильин // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара) / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. – М.: МОНФ, 1999. – С. 46–79; Ильин М.В. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат Азиатско-Тихоокеанского региона / М.В. Ильин // Россия и Корея в меняющемся мире. – М.: МОНФ, 1997. – С. 33–47

²¹ Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / И.Н. Тимофеев. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 176 с.

²² Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира / К.П. Боришполец. – М.: Навона, 2009. – 232 с.

²³ Абалмасова Н.Е. Модели конструирования территориальной идентичности / Н.Е. Абалмасова, Э.А. Паин // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 2. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. – Кн. 2. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – С. 439–446.

²⁴ Campbell S. The Changing Role and Identity of Capital Cities in the Global Era / S. Campbell // Paper Presented at the Association of American Geographers Annual meeting. - Pittsburg, 2000. – 27 p.; По-русски: Кэмпбелл С. Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации / С. Кэмпбелл // Логос. – №4 (94). – 2013. – С. 57–108.

²⁵ Berlin –Washington. 1800–2000. Capital Cities, Cultural Representation and National Identities. / Ed. by A. Daum, C. Mauch – N.Y.: Cambridge University Press, 2009. – 332 p.

²⁶ Gottman J. Capital Cities / J. Gottman / After Megapolis: the Urban Writings of Jean Gottman – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1990. – P. 63–82; По-русски: Готтман Ж. Столичные города / Ж. Готтман // Логос. – №4(94). – 2013. – С. 15–38.

²⁷ Eldredge H. World Capitals: Towards Guided Urbanization / H. Eldredge. – N.Y.: Anchor Press, 1975. – 642 p.

²⁸ Hall P. The Changing Role of Capital Cities: Six Types of Capital Cities. / Capital Cities: International Perspectives. – Ottawa: Carleton University Press, 1993.

²⁹ Tyrwhitt J., Gottman J., Capital Cities // Ekistics 50 – March/April. – Oslo, 1983.

³⁰ Theborn G., Ho K.C. Intriduction // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. – 2009. – Vol. 13, Iss. 1. – P. 53–62.

³¹ Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения / В. Россман. – М. Изд-во Института Гайдара, 2013. – 336 с; Россман В. В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы, / В. Россман. – М.: ВШЭ, 2014. – 288 с.

³² Замятин Д.Н. Феномен/ноумен столицы: историческая география и онтологические модели воображения / Д.Н. Замятин // Перенос столицы: исторический опыт геополитического проектирования. – М. Институт всеобщей истории РАН, 2013. – С. 103–105.

³³ Тархов С.А. Переносы столиц / С.А. Тархов // География. – 2007. – № 5/6. – С. 7–10.

³⁴ Wendt A. Anarchy is What States Make of it / A Wendt // International Politics / ed. By R. Art and R. Jervis.. – N.Y.: Longman, 2005. – P. 61.

анализ не столько его атрибутивных характеристик, сколько дискурсивных. Политика обеспечивается не формализованными атрибутами, но риторикой, символами и их интерпретациями. Благодаря этому у общества появляется возможность изменять сам институт и его место в политической системе через его реинтерпретацию.

Идентичность, согласно концепции социального конструктивизма, формируется из восприятия самого себя и восприятия себя другими в результате опыта взаимодействия. Она воспроизводится в ежедневной политической практике через социальные, межкультурные, дипломатические и прочие виды коммуникации. В основе идентичности лежит динамическое диалектическое противопоставление типа «свой – чужой».

Одной из задач социального конструктивизма является исследование тех процессов, посредством которых человек формирует, институализирует, постигает и интегрирует в традицию и социальные ценности в социальные феномены. Социальные конструкты, как интерпретации реальности и объекты знания, не предзаданы от «природы», они должны постоянно поддерживаться и подтверждаться, чтобы существовать.

Для целей работы в рамках парадигмы социального конструктивизма выбрана теория «внутреннего ориентализма» Д. Янссона, К. Джонсона и А. Коулмана. В рамках данной теории, формирование территориальных разломов и институционализация регионов рассматриваются через процессы социального конструирования. По Д. Янсону, внутренний ориентализм является «дискурсом, оперирующим в рамках государства, подразумевающий отчуждение (*othering*) относительно более слабого региона более сильным и могущественным»³⁵. Как и в ориентализме Э. Саида, создаваемый речью и образами негативный образ периферии формируется через конструи-

рование «другого». Однако, процесс этот не односторонний, а диалектический: экономическая и культурная маргинализация периферии приводит к локализации и символической материализации центра.

Цель исследования состоит в когнитивном картировании геохронополитической памяти столиц с проблемной государственностью:

- бывшей столицы (Старая Ладога),
- столицы исчезнувшего государства (Касимов),
- столицы выдуманного государства (Мышкин).

Многогранность поставленной проблемы подразумевает использование целого комплекса исследовательских методов и техник. Полевые исследования исторической памяти столиц (кейс-стади) потребуют использования когнитивного картирования, блиц-опросов и глубинных интервью.

³⁵ Jansson D.R. Internal Orientalism in America: W. J. Cash's 'The Mind of the South' and the Spatial Construction of American National Identity / D.R. Jansson // Political Geography. – 2003b. – Vol. 22. – No. 3. – P. 296.

Геохронологическая идентичность столиц с проблемной государственностью: к постановке проблемы

Игорь Юрьевич Окунев, к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В статье содержится описание методологической основы исследования пространственной идентичности выдуманных столиц, проведенной клубом геополитических исследований МГИМО.*

***Ключевые слова:** столицы, пространственная идентичность, критическая геополитика.*

Geochronopolitical Identity of Capitals of a Problematic Statehood: Research Question

Igor Yur'evich Okunev, Associate Professor, MGIMO University.

***Abstract:** The article describes the methodological basis of the study of the spatial identity of the fake capital cities held a Club of Geopolitical Studies at MGIMO.*

***Key words:** capital cities, space identity, crit.*

СТАРАЯ ЛАДОГА — «ВООБРАЖАЕМАЯ» СТОЛИЦА РОССИИ*

Д.В. Басова

Отправной точкой исследования роли столиц в Российской Федерации послужил тезис о том, что термин «столица» не является окончательно определенным и наделяется скорее символическими характеристиками, чем объективно существующими. В этой связи, под воздействием набора факторов жители тех или иных городов начинают добровольно конструировать из своих городов столицы, которые претендуют не только на свою уникальность, но и на реальную функциональность в качестве центров России.

Одним из ярких примеров конструирования символических столиц является Старая Ладога, представленная в официальном дискурсе в качестве «колыбели русской государственности»¹. Являясь фактически небольшим поселком с историко-архитектурными постройками, храмами и музеями, Ладога, тем не менее, формируется как подлинная — в плане историческом, экономическом, культурном и духовном, — столица Российского государства. Кроме того, подчеркивается тот факт, что Ладога, в противовес Москве, несправедливо была забыта, сведена к месту, упоминаемому в школьных учебниках, хотя реальная значимость Ладоги намного выше. Таким образом, изначально была выдвинута следующая научная гипотеза: Старой Ладоге придается значение неофициальной столицы России при помощи

различных механизмов и с использованием те или иных методов символического конструирования. Тем самым, жители Старой Ладоги идентифицируют свой особый статус с географическим положением, что в свою очередь, оказывает воздействие на национальную идентичность, которая подвергается своеобразной конкуренции со стороны отдельно взятых локальных идентичностей.

Цель исследования состояла в анализе формирования Старой Ладоги как неофициальной столицы России. Теоретико-методологической базой исследования послужил конструктивистский подход в рамках постмодернистской парадигмы.

По итогам исследования «столичность» старой Ладоги была подтверждена следующими факторами.

1. В общественном и археолого-историческом дискурсах культивируется мысль о том, что Ладога является протогосударственным образованием на том месте, где возникла Русь, а в дальнейшем — и Российское государство. В качестве доказательной базы приводятся результаты многочисленных археологических экспедиций, а также анализ летописей того времени (относящихся примерно к VIII веку). Помимо политической составляющей, обосновывается исключительное экономическое значение Ладоги, которая служила опорным пунктом на знаменитом торговом пути «из варяг в греки», а также представлял собой важный «центр евразийской торговли и су-

¹ Кирпичников А.Н. Государственной России 1150 лет/ А.Н. Кирпичников// Староладожский сборник. Выпуск 10 — СПб.: Каламос, 2013, с. 7–18

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

доходства». Иными словами, акцент делается на «евразийском векторе», который уже в те времена представлял собой внешнеполитическую стратегию будущего Российского государства, которому неизбежно предстоит быть узлом соединения Запада и Востока.

2. Восприятие Ладоги ее жителями в качестве подлинной столицы России, а именно «колыбелью российской государственности». По данным проведенного социологического опроса от 04.07.15, абсолютное большинство ладожан идентифицируют Ладогу с «приходом варяг», Рюриком и «первой столицей» государства Российского². На глубокую степень проникновения мифа о «столичности» Ладоги указывают также наличие памятного камня с датой – 753 год – возникновения Ладоги; «первой» в России улицы, названной «варяжской»³; сокола на ладожском гербе, который, по утверждениям местных экскурсоводов, символизирует самого Рюрика (по распространенной там версии, «рюрик» с древне-норвежского означает «сокол»)⁴.

3. Ладога воплощает в себе синкретизм язычества и христианства, который скорее подчеркивает самобытность русской культуры и обосновывает духовное начало Российского государства, истоки которого до наших дней сохранило небольшое село – Старая Ладога. Наряду с культивированием варяжской тематики – в виде проводимых варяжских фестивалей в реконструированной Старо-ладожской крепости, – особое внимание обращается на то, что уже в XII веке именно в Ладоге было построено 6 православных монастырей⁵.

Таким образом, на примере Старой Ладоги становится очевидным, что термин «столица» вмещает в себя не только функциональные характеристики, но и статусные и идентификационные. При очевидных преимуществах наделения географического пространства «столичностью» существуют и явные недостатки. В Ладоге можно на-

блюдать такой парадокс: визуализация мифа о первой российской столице и его доминирование в официальном и общественном дискурсах неизбежно влечет за собой увеличивающийся приток туристов (причем, не только из России), что обеспечивает пополнение местного бюджета. Кроме того, на уровне общественного сознания ощущается потребность в «ренессансе» Старой Ладоги в качестве символической и духовной столицы России, которая была нивелирована в результате возвышения Москвы. Однако подобный «ренессанс» сопровождается определенными издержками в виде все большей коммерциализации жизни Ладоги и размытия ее уникальности, что вызывает неудовольствие и неодобрение жителей⁶.

Таким образом, можно утверждать, что культивирование «столичности» Старой Ладоги формирует определенный культурный слой и создает уникальную идентификационную модель. Была подтверждена изначальная гипотеза о том, что понятие «столица» само по себе не статично, а подвергается (де)конструкции и вполне может существовать в воображении и восприятии жителей, которые наделяют ее свойствами уникальности по сравнению с остальными городами. Вероятно, дихотомия «столичность/нестоличность», которая с большей очевидностью встает перед жителями Ладоги, будет разрешаться механизмами государственного вмешательства, а именно поощрение туристической активности в российских городах.

² Результаты соц. Опроса, 03-06.07.2015. код доступа: http://vk.com/doc-68608383_406007713

³ Фотографии с экспедиции, июль 2015 г. №204014. Код доступа: http://vk.com/photo-68608383_372346347

⁴ Дневник полевых исследований Басовой Дарьи, июль 2015 г. стр. 1-2.

⁵ Там же

⁶ Дневник полевых исследований Басовой Дарьи, июль 2015, стр.3

Старая Ладога – «воображаемая» столица России

Дарья Владимировна Басова, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: Статья посвящена объяснению понятия «столица» в рамках постмодернистской парадигмы, а также выявлению формирования концепта «столичности» на примере Старой Ладоги. Автор анализирует признаки «столичности» в Старой Ладоге и делает выводы относительно потенциального будущего развития данного концепта в сознании местных жителей.

Ключевые слова: Ладога, столица, формирование столичности, критическая геополитика, генезис столичности.

Old Ladoga: An 'Imagined' Russian Capital

Daria Vladimirovna Basova, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: The article is focused on the explanation of the term 'capital' in the framework of post-modernism and the development of the concept 'capitalness' on the example of Ladoga. The author analyses the elements of 'capitalness' of Ladoga and make conclusions about the potential future development of this concept in the mind of Ladoga's citizens.

Key words: Ladoga, capital, the formation of 'capitalness', critical geopolitics, the genesis of 'capitalness'.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФИГУРАЦИИ СТАРОЙ ЛАДОГИ*

Г.И. Остапенко

В первую очередь следует оговорить тот факт, что рассмотрение столичности в качестве исследуемого объекта/предмета практически неизбежно связано с выделением идентичности(-ей) поселения и погружением в дискурсивные особенности пространства. Однако рассмотрение столичности через призму идентичностей видится необходимым, но недостаточным способом исследования частного проявления феномена столичности (или, в зависимости от предмета исследования, мифа о столичности).

С этой точки зрения целесообразно применить метод, разработанный географом С.В. Рогачёвым. Данный метод представляет собой политико-географический анализ пространственного положения данной локации, суть которого изложена в серии статей в журнале «География»¹. Особенностью данного метода является использование в качестве базового концепта «путей (каналов) проницаемости» – проявления горизонтальных характеристик пространства, пространственных естественных или искусственных путей, каналов связи.

В отличие от других методов, предложенный метод позволяет предположить геоисторические варианты изменения восприятия окружающего Старую Ладугу пространства в отрыве от терминологии весьма конкретной хронологически дискретной идентичности и перейти к более отвлечённым, континуаль-

ным понятиям, в частности, интерпретации пространства, которая видится И.Ю. Окуневу предшествующей становлению определённого вида идентичности².

По нашему предположению поиск уникальности Старой Ладуги следовало бы начать с рассмотрения совокупности экзогенных (ландшафт) и эндогенных (в данном случае, конкретный выбор места расположения относительно находящихся объектов) характеристик. На основе материала, собранного методом включённого наблюдения, а также научных статей и исторических данных было составлено шесть принципиальных схем, соответствующих различным конфигурациям, характеризующим пространственное положение Старой Ладуги.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФИГУРАЦИИ СТАРОЙ ЛАДОГИ

При рассмотрении картографических материалов и схем относительно Старой Ладуги как с географического, так и исторического ракурсов, было обнаружено присутствие определенных пространственных паттернов, которые мы интерпретируем как частный случай пространственных конфигу-

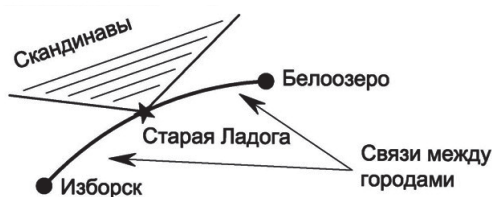
¹ Рогачёв С. В. Уроки понимания карты (основы пространственного анализа) // География. 2005. № 17–24.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

² Окунев И. Ю. Пространственная идентичность в российских регионах (по результатам экспедиции клуба в Санкт-Петербург и Ленинградскую область) // Критическая геополитика. Сборник статей. Выпуск №1 / отв. Редакторы. И. Ю. Окунев, С. О. Савин. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС. 2014. С. 52–55.

раций. Помимо выделения конкретных схем можно обнаружить условную последовательность разворачивания пространственных конфигураций по мере исторического развития данной территории, подчеркивающую их временную актуализацию, соответствующую историческим событиям. Причём, можно усмотреть в этом процессе логическое замещение пространственных конфигураций.

U-конфигурация. Если изобразить на карте расположение, например, первых городов претендующих на главенство и первенство среди городов русских (Изборск, Ладога (Старая Ладога), Белоозеро (Белоозерск) предположив, наикротчайший путь между городами как вариант канала проницаемости (в связи с отсутствием в районе Изборска крупных продолжительных рек), то можно заметить несколько важных особенностей. В первую очередь, Старая Ладога находится ближе всех перечисленных городов одновременно к торговым путям «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». Путь «из варяг в арабы» проходит через Белоозеро, но город не является частью «пути в греки». Существует торговый путь, проходящий и неподалёку от Изборска, через Псков, но он скорее дублирует участок пути «из варяг в греки»³. Такое положение Старой Ладоги в середине «изгиба» торговых путей, своеобразной точки выпуклости, формирует весьма обширный сектор, в целом

U-образная конфигурация относительно Скандинавии

направленный в сторону Скандинавского полуострова для которого эта точка ближайшая на канале проницаемости.

³ Карлссон Д., Селин А. По следам Рюрика. Путеводитель по истории викингов в Северо-Западной России. NDPC (Партнерство по культуре Северного измерения). 2012. С. 15.

S-конфигурация. Старая Ладога основана под влиянием экзогенных факторов при поляризации в результате воздействия трех удаленных внешних точек влияния (Константинопольский, Каспийский – как промежуточный, Скандинавский центры воздействия). Предшествующее основанию города обретение торговых путей и их раз-

S-образная конфигурация относительно торговых путей «из варяг в греки» и «из варяг в арабы»

деление в месте локации Старой Ладоги вызывали к жизни появления населенного центра обладающего возможностями по обслуживанию транспортно-логистического узла в месте соединения встречных связей и распределения потоков в направлении северо-запад-юг и северо-запад-восток.

Смещение ядра. В качестве возможных триггеров, запустивших процесс данного смещения можно рассматривать несколько

Любанско-Ладожское смещение ядра

явлений, которые могли оказывать влияние и воздействовать комплексно. Наиболее часто упоминаемым и наиболее вероятным следует считать изменение гидрологического режима Ладожского озера и реки Любша (в отношении последней – ее обмеление). Расположение Любши и Старой Ладogi на столь близком расстоянии теоретически может стать свидетельством переориентации располагаемого здесь центра в сторону более близких актуальных связей со славянами в противоположность предполагаемой изначально скандинавской направленности Любшанского городища. В пользу этого предположения выступает размещение исторической сухопутной дороги до Новгорода на левом берегу Волхова, что не предполагает необходимости переправляться через реку.

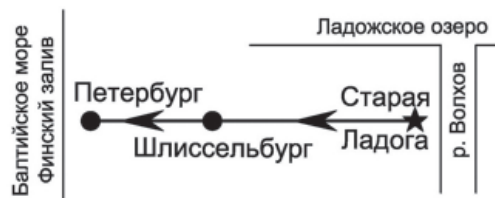
Ладожско-Ильменская двухъядерная система. Старая Ладога и Новгород оказались «зажатыми» между двумя крупными озерами Ладожским озером с севера и озером Ильмень с юга. Данная конфигурация, в целом, походящая на Х-образную конфигурацию, призвана показать формирование двух крупных и значимых центров в пределах достаточно ограниченной области в условиях относительно большого расстояния между крупными селениями. Одновременно эта схема так же, как и предыдущая может содержать в себе идею о последующем перенесении центра влияния из Старой

Ладожско-Ильменская двухъядерная система

Ладogi в Новгород в связи с соответствующим усилением славян. В этом случае данную схему следовало бы интерпретировать как Волховское смещение ядра.

Т-образная конфигурация. Классическая Т-образная модель предусматривает наличие очаговых первичных поселений, отрезанных от крупного канала проницаемости, нуждающихся в транспортном узле, обладающим связью с внешним миром. При таком подходе очаговым центром может являться сама Старая Ладога, даже не смотря на то, что она находится на крупном канале проницаемости (Волхов). Однако, в связи с изменением геополитических интересов рос-

Т-образная конфигурация относительно Старой Ладogi и Петербурга

сийского государства в целом и стремлением влиться в европейские торговые отношения Старая Ладога оказывалась в менее выгодном, с транспортной точки зрения, положении, нежели города, располагающиеся на Неве, где преимущество было отсутствие необходимости преодолевать славящееся своим буйным нравом Ладожское озеро. Так можно проинтерпретировать необходимость появления Петербурга как торговой гавани европейского уровня и значения.

Р-образная конфигурация. Одновременно с предыдущей конфигурацией происходит переоценка положения Старой Ладogi. Староладожская локация последовательно уступала свои позиции сразу по нескольким направлениям: утратила столичный статус, произошло смещение «центра территории» – потеря центральности. Городское поселение перешло к осуществлению военно-рубежной, а затем, в связи с обветшанием, техническим и моральным износом крепости, совершенствованием вооружения, и опорно-технической функции. Произошло

R-образная конфигурация относительно Новой Ладоги

«затухание» значимости Старой Ладоги, особенно заметное в свете появления нового городского поселения, ориентированного на актуальную государственную стратегию организации кораблестроительного производства Петра I – Новой Ладоги. Новая Ладога восприняла у Старой Ладоги функции «оплота» Российского государства.

Историческое долголетие Старой Ладоги позволило ей примерить на себя многочисленные исторические роли и функциональные характеристики знакового места. Меняющаяся в смысле собственной роли Старая Ладога соответственно меняет пространственные конфигурации.

Нами рассмотрены шесть пространственных конфигураций. Развертывание каждой из этих конфигураций предусматривает переосмысление сложившейся интерпретации пространства. В свою очередь, восприятие каждой из этих временно актуализированных конфигураций пространственных паттернов дает начало или видоизменяет компонент идентичности, которые в дальнейшем сохраняются и культивируются в дискурсе Старой Ладоги.

Приведенный нами анализ пространственных конфигураций Старой Ладоги может послужить отправной точкой для дальнейших исследований в области процессов формирования идентичностей Старой Ладоги.

Интерпретация пространства: пространственные конфигурации старой Ладогы

Герман Игоревич Остапенко, студент Департамента политической науки Факультета социальных наук Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), Москва.

***Аннотация:** В статье предложен способ исследования феномена столичности на основании анализа пространственного положения объекта путём составления схем пространственных конфигураций по методу С. В. Рогачёва. Этот подход дополняет необходимый, но недостаточный способ изучения столичности через призму идентичностей, используя способствующий более детальному рассмотрению этап интерпретации пространства. Также проанализированы пространственные конфигурации Старой Ладогы, которым дана соответствующая методу оценка.*

***Ключевые слова:** интерпретация пространства, пространственное положение, пространственные конфигурации, пути проницаемости, Старая Ладога.*

Spatial Interpretation: Spatial Configuration of Old Ladoga

German Igorevich Ostapenko, Student of the School of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.

***Abstract:** This paper considers the way of investigation of stolicnost' (capitalness) phenomenon on the ground of analysis of entity's spatial position by forming schemes of spatial patterns (configurations) (by the S.V. Rogachyov's method). This approach complements necessary, but insufficient way of stolicnost' (capitalness) studying through identity concept. It implies using interpretation of space stage (in research design) which promotes more detail consideration of phenomenon. Also there were analyzed spatial patterns (configurations) of Staraya Ladoga, which were given appropriate assessment.*

***Key words:** interpretation of space, spatial position, spatial pattern (configuration), paths permeability, Staraya Ladoga.*

НОВЫЕ ИМПУЛЬСЫ В РАЗВИТИИ СТАРОГО КОНЦЕПТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СТОЛИЧНОСТИ РУСИ*

Н.И. Еряшев

Столичность Старой Ладogi, как известно, явление не новое: его основа уходит корнями к 862 году – времени, когда основатель династии Рюриковичей сел княжить в городе, расположенном на одном из отрезков выгодных торговых путей¹. Почти четыре века спустя северо-западные земли вновь обретают важность объекта стратегического интереса для русских князей. Сюда прибывает Александр Невский со своей дружиной, чтобы дать отпор шведам и ливонским рыцарям. По истечении еще четырех веков ладожская крепость становится местом обороны опять же от шведских захватчиков. А еще через столет данное направление приковывает к себе, наверное, самый большой интерес со стороны правительства: планы Петра I по переносу столицы должны были иметь под собой некий фундамент, своего рода легитимацию столь спонтанного переезда царя и органов государственной власти.

Именно тогда и получает свое распространение история прихода Рюрика в Ладogu, создается теория покорения юга севером, вспоминаются и превозносятся подвиги Александра Невского. Подобное явление подкреплено двумя важными особенностями. Во-первых, нельзя не отметить роль руководителя страны в продвижении данной идеи, а во-вторых, уже тогда закрепляется историчность европейского сознания про-

стых жителей, ставшая базисом соответствующей идентичности.

Однако с концом царской власти развитие концепта столичности Старой Ладogi впадает в период стагнации: Москва оттягивает одеяло исторической важности, что едва ли способствует поддержанию имиджа древней столицы. Исторические памятники, особенно церкви в силу пропаганды атеизма, приходят в запустение, многие здания большевики наделяют другими функциями, мало беспокоясь о величии времен древности. В советский период вспышкой внимания к городу можно считать лишь время прокладки Дороги Жизни². Именно таким забвением, вероятно и объясняется тот факт, что всего один респондент охарактеризовал советский период временем наивысшего расцвета города, что составляет всего 1,23% от общего числа опрошенных.

При этом, если рассматривать только местных жителей, то можно заметить, что вышеупомянутый исторический отрезок, на протяжении которого имело место отсутствие интереса к Старой Ладoge, отразился и на сознании ладожан: у 23,5% опрошенных не прозвучало никаких упоминаний о столичности места. Наверное, поэтому графа «чего не хватает для непровинциальности» иногда заполнялась своего рода жалобами о недостаточной благоустроенности.

Но, опираясь на собранные данные, можно наблюдать своего рода скачок в оформле-

¹ Дневник полевого исследователя Окуновой Елизаветы Сергеевны, стажера-исследователя Клуба геополитический исследований НСО МГИМО (У) МИД России, С.3

² Фотография 347

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

нии местной идентичности у коренных жителей. Рубежом его можно условно назвать 2003 год – 1250 летний юбилей основания древнего города, в честь которого напротив дома культуры воздвигнут памятник³. Памятная дата стала еще более значимой за счёт приезда главы государства – В.В. Путина⁴. Именно с этого года в архитектурной и социальной среде Ладоги происходят долгожданные изменения: строятся дороги, реставрируются исторические памятники, устанавливаются современная спортивная площадка со стадионом⁵, очищаются улицы, рассаживаются клумбы.

Результат таких положительных сдвигов в благоустройстве и поддержании культурно-исторического имиджа Старой Ладоги весьма закономерен: целых 58,8% опрошенных из числа местных жителей обоих полов и всех возрастов считают современность временем наивысшего расцвета населенного пункта. В объяснение подобной оценки можно было услышать следующие фразы «стало чисто», «восстановление, поток туристов», которые вполне отражают наглядность перемен.

Что же касается связи «сейчас» с истоками города, с древним периодом активной торговли и варяжского владычества, на пластах которого и держится исторический концепт столичности Ладоги, то нельзя не отметить, что отпечаток древности в сознании ладожан сохранил свою силу. Его ярко демонстрируют средние числа двух показателей значимости варягов в исключительности и известности Старой Ладоги, которые равны 6,96 и 6,74 соответственно.

На первый взгляд, может показаться, что эти цифры ставят под сомнение новизну толчка в развитии столичного самосознания. К тому же, исторические памятники, выбранные жителями как показательные, относятся к тому периоду, когда государство еще называлось Русью. Ведь тремя самыми распространенными ответами были «крепость», «монастыри» (мужской⁶ и женский⁷) и «церковь Иоанна Предтечи»⁸.

Однако и здесь все не так просто: до той

самой отправной даты (2003 года) все рассматриваемые архитектурные сооружения находились в запустении. Так, стены и башни крепости оставались полуразрушенными и недостроенными⁹, Никольский мужской монастырь не мог предстать перед посетителями в своей нарядной побелке и порадовать слух прихожан звоном новых колоколов¹⁰, церкви не были полностью отреставрированы. Но именно после 2003 года оборудованная пристанью Старая Ладога стала пунктом назначения на картах многих туристов со всего мира¹¹. В стенах крепости проводятся фестивали-реконструкции сражений дружин¹², в монастырях и соборах звучит церковный хор, в святые места приезжают поклониться верующие, каждый не упустит возможности взобраться на холм-могилу Олега¹³ и полюбоваться простором Волхова, а варяжский сокол-герб Ладоги расправляет бронзовые крылья неподалеку от древнейшей в нашей стране улицы¹⁴.

Отсюда можно заключить, что, несмотря на историческое величие известных памятников, жизнь в эту хронику вдохнула современная политика по реконструкции и сохранению нашего наследия. Тем самым непровинциальность сознания ладожан была подкреплена ощущением значимости места их проживания, старт которому был дан федеральными властями и всероссийскими культурными объединениями¹⁵.

Опять же, стоит вернуться к краткому обзору истории города, данному в начале ра-

³ Фотография 345

⁴ Фотография 343

⁵ Фотография 323

⁶ Фотография 356

⁷ Фотография 321

⁸ Фотография 333

⁹ Фотографии 354, 356

¹⁰ Дневник полевых исследований поездки в Старую Ладогу (4 – 5 июля 2015г.) Еряшева Никиты, С.5

¹¹ Остапенко Герман. Старая Ладога. Дневник. Общий обзор. Музей крепости. С.2; Фотография 204032 Музейная экспозиция крепости

¹² Дневник полевых исследований Басовой Дарьи, г. Старая Ладога, июль 2015 г. С. 1, 4; Фотография 307

¹³ Фотография 425. Урочище Сопки, Фотография 311

¹⁴ Дневник полевого исследователя Окуновой Елизаветы Сергеевны, стажера-исследователя Клуба геополитический исследований НСО МГИМО (У) МИД России, С. 1; Фотография 204005 Сокол с расправленными крыльями – символ Рюриковичей

¹⁵ Остапенко Герман. Старая Ладога. Дневник. Общий обзор. Музей крепости. С. 3

боты, чтобы убедиться в закономерности этого явления. И ранее возрождение столичной идеи и конструирование основанной на ней идентичности было компетенцией и интересом исключительно властных представителей, руководителей государства. Таким об-

разом, сейчас можно наблюдать черты новой волны в данном процессе, а отсюда частично судить и о самосознании населения и внешнеполитической ориентации, задачи которой вместе с веяниями времени определяют интерес к столичности Старой Ладogi.

Новые импульсы в развитии старого концепта северо-западной «столичности» России

Никита Игоревич Еряшев, студент Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: В статье рассматривается функциональное развитие понятие «столичности» в сознании жителей Старой Ладogi. Автор уделяет особое внимание современному этапу развития «столичности» благодаря официальному дискурсу.

Ключевые слова: Старая Ладoga, понятие «столичности», дискурс.

New Impetuses to the Development of an Old Concept about North-Western 'Capitalness' of Russia

Nikita Igorevich Eryashev, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: The article concerns the functional development of the term 'capitalness' in the mind of the citizens of Old Ladoga. The author pays a particular attention on the modern way of 'capitalness' developing due to an official discourse.

Key words: Old Ladoga, 'capitalness', discourse.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФА О СТОЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МЫШКИНА*

Е.С. Окунева

Столица – не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент, формирующий, воспроизводящий и трансформирующий ее государственность.

Столица является наиболее типичным институциональным закреплением функции политического центра в противовес «периферии». Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре»¹. Таким образом, специфичность столицы подчеркивается как на символическом, так и на функциональном уровне, что подтверждает наше предположение о существовании дополнительного механизма национального строительства, выражающегося в создании идеального образа нации и противопоставления его маргинальности периферии.

Целью данного исследования является проведение полевого исследования с когнитивным картированием исторической памяти столиц с проблемной государственностью на примере столицы выдуманного государства (город Мышкин).

В ходе полевых исследований в городе Мышкине антропологическими методами были сделаны следующие наблюдения, отражающие существование мифа о столичности как элементе национального строительства:

1. Мышиному царству присущи такие атрибуты государственности, как, например, собственная Конституция, валюта или часы «Мышанты» (по аналогии с кремлевскими курантами). В центре города располагается царская резиденция – «Мышиные палаты». Мыши, приехавшие из других городов и стран, подлежат регистрации в «Мышиной канцелярии» (прообраз Федеральной миграционной службы). Среди наград, вручаемых жителям города, – орден Мыши и премия «Золотая мышь».

2. Форма правления данного воображаемого государства – наследственная монархия. Имя царя (Мышаус 229-й) говорит нам о древности государства, а семиотика – о древнеримских корнях правителя.

3. Мышкин позиционирует себя как столица Мышиного царства, входящего в Империю Медведя (премьер-министром в царстве также является медведь). Тем самым мышкинцы показывают, что они не являются сепаратистами, оставаясь частью России.

4. В Мышином царстве культивируется образ внешнего «другого» – кошек. В Мышкине можно встретить следующую символику: мышь в доспехах, оседлавшая кошку, со знаменем «Мыши всех стран, объединяйтесь!».

¹ Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения / В. Россман. – М. Изд-во Института Гайдара, 2013. – С. 35–36.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

5. В царском дворце располагается мышиный зоопарк, в котором демонстрируются различные виды мышей, а также крысы. Это отображает палитру многообразия мышиной нации, которую должна представлять столица как ее собирательный образ. В царском дворце также находится так называемая «сырная ком-

ната» – образ мышиного рая или идеала, присущего столице.

Таким образом, историческая память о столичности влияет на идентичность людей не только после того, как город перестал быть столицей, но даже когда данное государство давно исчезло или является выдуманным.

Деконструкция мифа о столичности на примере города Мышкина

Елизавета Сергеевна Окунева, магистр «Заребужного регионоведения», МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** Столица является наиболее типичным институциональным закреплением функции политического центра в противовес «периферии». Историческая память о столичности влияет на идентичность людей не только после того, как город перестал быть столицей, но даже когда данное государство давно исчезло или является выдуманным*

***Ключевые слова:** столица, формирование «столичности», Мышкин, идентичность, деконструкция.*

Deconstruction of a Myth about 'Capitaleness': A Case of a Town Called Myshkin

Elizaveta Sergeyevna Okuneva, MA in World Regional Studies, MGIMO University.

***Abstract:** Capital represents the most typical institutional body that determines the functions of a political center separating it from a "periphery" a historical memory of the previous "capitalness" has an impact on people's identity even when a state has disappeared or is invented.*

***Key words:** capital, 'capitalness', Myshkin, identity, deconstruction.*

СТОЛИЦА КАК ЦЕНТР ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА – ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СТОЛИЧНОСТИ КАСИМОВА*

С.О. Савин

Изучение феномена столиц. С точки зрения институционализма и классической геополитики столица является административным территориальным центром страны, местом расположения органов государственной власти.

С позиции критической геополитики это определение сильно огрубляет представление о столице, так как выполняемые ей функции куда разнообразнее, а значение шире, чему в мировой практике есть немало подтверждений. В частности, если бы столица была просто местом расположения органов государственной власти, то дилеммы выбора места, переноса, сдачи столицы во время войны, просто бы не существовало.

Изначально, действительно, в столице располагались казна и двор. Сейчас же это нечто большее. И понять это можно через конструктивизм, субъективные факторы в рамках критической геополитики. С этой позиции столица – идеализированный образ нации, инструмент реализации процесса нациестроительства.

Национальное строительство держится не только на известных *механизмах формирования общей идентичности и противопоставления себя внешнему врагу*, но и на идее о внутреннем другом – то есть на формировании *внутренней дихотомии «развитый–отсталый»*, первый из которых более соответствует *идеализированному образу нации*. Именно существование этого противоречия *вечно догоняющего и вечно опережающего* поддерживает единство и динамику нации.

Соответственно параллельно существуют два вектора: маргинализация периферии и идеализация центра. Ведь именно в центре кристаллизуется нация, непрерывно идут процессы – в том числе пространственные – которые создают её идеальный образ. Вот в этих процессах и появляется столица, как *сверхзадача и сверхцель* в национальном государстве, где она играет столь важную символическую роль.

Подобное исследование крайне сложно проводить в классических столицах, где имеет место наложение институциональных и символических функций и может показаться, что последние второстепенны.

Поэтому полезно рассматривать *феномен неправильных столиц*, где нет и, нередко, никогда не было никаких органов государственной власти, и, тем не менее, *миф о столичности* там налицо. Нас мало интересует случаи, когда эти представления служат лишь «самоси» тех или иных мест, то есть формируют локальную идентичность, служат яркой ассоциацией (наверно нет города, который не претендовал бы на роль какого-нибудь центра), потому что на функцию идеализированного центра такие места никак не претендуют.

Но есть города, где именно эта память или миф о столичности выполняет именно функцию нациестроительства. Таким примером является город Касимов.

Касимов – город в Рязанской области, столица Касимовского ханства, существовавшего с 1452 по 1681 года. Первое

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

упоминание города относится к 1152 году, тогда это место называлось Городец Мещерский, со временем пограничная крепость Владимиро-Суздальского княжества. Касимовское ханство было выделено Московским великим князем Василием Темным и поэтому на протяжении своего существования находилось в разной степени зависимости от Русского государства. Существовая во многом номинально, Касимовское ханство выполняло в том числе и внешнеполитические функции – почет и уважение касимовских ханов служили примером благоприятных отношений с Москвой на фоне попыток последней втянуть Казанское и Астраханские ханства в свою орбиту влияния. С тех времен в городе остались мечеть, кладбище, некоторые другие памятники истории. Хотя незначительную часть населения составляют татары, в основном это пришлое, появившееся много позже население.

Мифотворика о столичности Касимова. Эти факты тем не менее являются хорошим подспорьем для жителей Касимова, которые аж до сих пор продолжают помнить о существовавшем некогда ханстве и активно транслируют и продуцируют мифы об особости касимовского региона и города, как центра этого региона и этой особости.

Надо сказать о наличии несовпадения официального и популярного дискурса. На официальном уровне не уделяется особого внимания отдельным эпизодам из истории этих земель, а чаще говорится о Мещере, мещерском крае, мещерских болотах и лесах.

Так, например, крупные местные газеты имеют названия «Мещерские вести», «Мещерская новь». Туристические же буклеты и сайты пестрят аллюзиями к прошлому Касимова, как ханства и подчеркивают в первую очередь хотя и былую, но столичность города.

Кроме того, целый пласт художественной литературы, созданной местными писателями, посвящен именно этому периоду. События, определявшие судьбы страны рассматриваются через призму исключительного на них влияния касимовских земель. В сувенирных лавках целые стеллажи уставлены романами, повестями

и сборниками стихов местных авторов, в которых творческое осмысление героев и событий происходит именно в антураже Касимовского ханства, как важного центра столицы.

Данные тезисы представляют результат анализа только письменных источников, которые впоследствии должны быть дополнены результатами полевой экспедиции, количественного анализа, социологических опросов, анализа неформальных источников.

Столица как центр государственного строительства – историческая память о столичности Касимова

Сергей Олегович Савин, студент Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В статье рассматриваются функциональные особенности «столицы» на примере провинциального российского города – Касимов, а также делается попытка объяснить влияние мифа о «столичности» на процесс конструирования отдельной национальности.*

***Ключевые слова:** критическая геополитика, пространственная идентичности, Касимов, нациестрительство.*

Capital as a Center of State-building: Historical Memory about 'Capitalness' in Kasimov

Sergey Olegovich Savin, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

***Abstract:** The article concerns functional elements of "capital" at the example of the Russian provincial town – Kasimov and seeks to explain the influence of the myth about "capitalness" on the construction of a nation.*

***Key words:** critical geopolitics, geographical identity, Kasimov, nation-building.*

СИМВОЛ ГОРОДА В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КАК ИДЕНТИФИКАТОР КОНЦЕПТА СТОЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ КАСИМОВ И МЫШКИН*

Б.А. Барабаш

В конце июня 2015 года Клуб геополитических исследований НСО при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках изучения пространственных мифов о столичности, распространенных в сознании жителей малых городов России, провёл небольшие экспедиции в города Касимов и Мышкин. «Что такое столица в субъективном понимании?» и «Является ли каждый их этих городов столицей в каком-либо смысле?» – два главных вопроса, сформировавших основу всего исследования. В каждом из городов был проведён анализ исторических нарративов, собраны материалы во время глубинных интервью, а также проведены опросы. Проведение статистического опроса является важным социологическим инструментом любого исследователя, принявшего решение работать в полевых условиях. С помощью него становится возможным оценить субъективное отношение людей к какому-либо вопросу, взглянуть на проблемную тему другими глазами и, в конце концов, сделать важные выводы. Среди вопросов, адресованных респондентам, присутствовал один, предлагающий выбрать три экспоната, которые могли бы рассказать о Касимове или Мышкине на выставке в большом городе. На самом деле данный вопрос ставил своей целью установить, с какими символами жители ассоциируют со своими городами.

Касимов

Пространственный миф, связанный с возможной столичностью Касимова, предполагался быть связанным с татарским народом и его культурой, так как несколько веков назад этот город в действительности представлял собой столицу Касимовского ханства. С тех пор в городе сменилось немало эпох, наиболее значительными из которых, по мнению самих жителей, явились период купечества, советский период, а также начало XXI века. Тем не менее, до начала проведения опроса, предполагалось, что большинство жителей будут выделять именно период ханства и отмечать тот факт, что город некогда и впрямь являлся столицей.

Среди 327 возможных символов города, которые выбрали 109 респондентов, только 16% так или иначе связаны с татарской культурой, причём 11% из них представляли одну из главных городских достопримечательностей – старинную мечеть и минарет. Остальные 5% представляли древние гробницы татарских правителей – Текие, а также различные предметы промысла (например, костюмы). Несколько людей выделили в отдельные символы города «толерантность» и «дружбу народов» как вполне себе уникальные характеристики города. Многие касимовцы гордятся подобной атмосферой в своём городе, и некоторые респонденты даже

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

ставили это в пример другим городам России. После анализированная исторических нарративов, местной периодической печати и ответов респондентов появилось предположение о том, что в городе происходит некоторое «замалчивание истории» именно периода в составе ханства. На это косвенно указывает лишь поверхностное упоминание эпохи во время экскурсии в главном музее города. В самом сознании людей этот исторический период, если и имел место быть, зачастую смешивался с другими. Так, например, некоторые респонденты из важных исторических моментов города упоминали касимовскую невесту, якобы являющуюся дочерью ханского правителя, и Петра I, который отдал город в дар хану Касиму, несмотря на то, что на самом деле этих исторических персонажей разделяли целые века. По сути, память о былом величии ханства трансформировалась в добрососедские отношения двух культур и религий, о чём сами жители не прочь упомянуть. Справедливости ради, следует отметить, что в относительном отношении символы татарской культуры стоят на одном из первых мест наравне с православными храмами (14%) и различными символами, связанными с природой, пейзажами и рекой (11%). Подобное размежевание можно объяснить тем фактом, что сам Касимов по размеру территории (31,6 км²) и населения (31 494 чел.) принадлежит к средней категории, в нём достаточно места различным постройкам, ландшафтным элементам и сооружениям для вариативного выбора в качестве символов города, а насыщенная событиями историческая жизнь только умножает подобный выбор. Только 32% всех опрошенных касимовцев на вопрос о том, какое значение имеет город для истории татар, так или иначе упомянули столичность.

Мышкин

Предполагаемая столичность Мышкина, очевидно, связана с образом мыши, в честь которой и был назван город в Ярославской области. В опросе, проведённом в этом городе, приняло участие 103 человека, которым было предложено выбрать 309 символа города (каждый мог выбрать три «экспоната»). Количество символов города, так или иначе связанных с образом

мыши составило рекордные 34% в относительном отношении и 104 экспоната в абсолютном. В среднем каждый респондент, так или иначе, выбрал в качестве символа города «что-то мышинное». Около 19% из них составил символ мыши как таковой, а 5% объединял образ мыши и произведения народного промысла (кошельковые мыши, куклы и т.д.). Остальные символы, связанные с мышью, включали в себя Мышиные палаты, Музей мыши, а также царские мышинные регалии. Несмотря на то, что в относительном отношении «мышинные экспонаты» хотя и составляют только одну треть от всех символов, в количественном отношении они многократно превышают другие символы, связанные с архитектурными купеческими постройками, производством валенок и гончарных изделий, а также мемориалом, построенным к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Сам Мышкин представляет собой удивительный пример построения туризма, фактически, не имея никакой культурной и исторической базы. История современного туристического города начинается с открытия в 1991 году музея Мыши, позиционирующего себя как «единственный в мире». После популяризации символа администрацией города и построения особого туристического центра «Мышиные палаты», количество туристов в городе многократно возросло, обеспечив рабочие места населению и дополнительный доход для облагораживания города – так в 2014 году в Мышкине соорудили каменную набережную. Необходимо заметить, что, несмотря на то, что символ мыши сыграл свою роль в становлении современного города, некоторые жители высказали сомнение на счёт подобной идеи популяризации искусственного бренда, а некоторые выказали прямой скептицизм и неодобрение. Обладая территорией в 5 км² и населением в 5866 человек, Мышкин является типичным малым городом России. Однако это также означает и гораздо меньший выбор существенных объектов в городе, которые могут стать его символами. Кроме того, согласно туристической легенде города, Мышкин в действительности является столицей Мышиного царства.

Наконец, 53% всех опрошенных мышкинцев на вопрос о значении города Мышкина для мышей всего мира упомянули концепт столичности.

Компаративный анализ

	Касимов	Мышкин
Размер и население	31,6 км ² 31 494 чел.	5 км ² 5866 чел.
Столичность	Столица Касимовского ханства	Столица Мышиного царства
Символы, связанные со столичностью (%)	15,9%: 11,9% Мечети + Минарет 2,1% Промысел 1,2% Текие 0,6% Дружба народов	33,7%: 18,8% Мышь 5,2% Промысел (мышинный) 4,2% Мышиные палаты 4,2% Музей мыши 1,3% Царские регалии
Ближайшие по популярности символы	15% Православные храмы 11,6% Природа, река, леса	14,9% Промысел (валенки, гончарное дело и т.д.) 2,6% Мемориал ВОВ
Столичность города	32,1% упомянули концепт столичности	52,4% упомянули концепт столичности

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что пространственный миф о столичности своего города у мышкинцев развит гораздо сильнее, чем у касимовцев, даже несмотря на то, что первые имеют искусственную и вымышленную столицу, а последние некогда на самом деле были столицей целого ханства. Возможное различие может объяснить тот факт, что мышкинцы заинтересованы в построении собственного мифа, так как он приносит им деньги за счёт туризма, причём данная система уже налажена и работает, чего нельзя сказать о Касимове. Там лишь небольшая прослойка татарской элиты заинтересована в сохранении статуса приемника ханства, но на административном уровне для поддержания такого статуса практически ничего не делается. Наконец, важно принять в расчёт также и расположение городов, и их размер относительно друг друга. Затруднённый транспортный доступ играет не меньшую роль в определении отношения жителей к своему городу.

Символ города в сознании жителей как идентификатор концепта столичности на примере городов Касимов и Мышкин

Богдан Алексеевич Барабаш, студент Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ распространения концепта «столичности» в двух малых городах России.

Ключевые слова: Касимов, Мышкин, «столичность», сравнительный анализ.

Town's Symbol in the Mind of its Residents as a Determinant of a Concept of 'Capitalness': The Cases of Kasimov and Myshkin

Bogdan Alexeevish Barabash, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: The article concerns comparative analysis of the spread of the term 'capitalness' in two small Russian towns.

Key words: Kasimov, Myshkin, 'capitalness', comparative analysis.

КАСИМОВ И МЫШКИН: КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДЕЛАЕТ ОДНИ ГОРОДА БОЛЕЕ СТОЛИЧНЫМИ, А ДРУГИЕ — НЕТ*

М. И. Тисленко

Пространственная идентичность так или иначе всегда отражает местную географическую специфику, живущую в сознании носителей идентичности. С позиций методологии критической геополитики пространственная идентичность является социальным конструктом, который обладает такими свойствами, как структурность, пластичность и изменчивость. Наша исследовательская группа, побывав в Касимове и Мышкине, ставила своей целью изучить столичность и как феномен (какой представляется столичность в нестоличных городах), и как структурный элемент пространственной идентичности (как можно мыслить столичность своего города, который столицей не является). Была выдвинута следующая гипотеза: различные дискурсы (исторический и туристический) позволяют конструировать миф о собственной столичности, даже если город никогда не был столицей и отсутствуют объективные предпосылки (экономические и политические) стать столицей.

Рассмотрим обстоятельства, которые обусловили выбор Касимова и Мышкина в качестве социологических полей для проверки выдвинутой гипотезы: Касимов был центром Касимовского ханства с 1452 по 1681 гг., т.е. столицей полуавтономного феодального государства в составе Московского царства. Мышкин, в отличие от Касимова, никогда не был столицей чего-либо, самое большое положение он занимал с 1777 по 1923 годы в качестве центра Мышкинского уезда Ярославской губернии. Тем не менее, примерно с 1960-х гг. там начинается форми-

роваться миф о Мыши как символе города, в 1990-е гг. появляется миф о Мышином царстве как бренд с целью привлечения туристов, в котором Мышкин выступает столицей Мышиного царства.

Быть некогда столицей феодального государства или называться так в туристических целях еще не значит быть столицей в сознании собственных жителей. В центре нашего полевого исследования было изучение пространственных образов Мышкина и Касимова, касающихся столичности, и это исследование привело к неожиданному результату: мышкинцы ощущают свой город более столичным, нежели касимовцы — Касимов, что подтверждается статистикой: в Мышкине 26,4% респондентов (27 интервьюированных из 102) назвали свой город либо однозначно непровинциальным, либо скорее непровинциальным, в то время как в Касимове данный показатель составляет 17,4% (19 респондентов из 109), то есть разница между городами 9%.

Была предпринята попытка объяснить, почему Касимов уступает Мышкину в столичности как части пространственной идентичности жителей. Ряд географических факторов говорит в пользу Касимова: по площади он в шесть раз больше Мышкина (31 км² и 5 км² соответственно), по населению — в пять раз (около 31 000 жителей против почти 6 000 жителей). Более того, существует ряд условий, благодаря которым в Касимове мог бы прижиться миф о столичности: во-первых, это уже упомянутая история Касимовского царства, которая обладает большим потенциалом как нарратив, который мог бы конструи-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», руководитель И.Ю. Окунев.

ровать «столичные» смыслы. Во-вторых, это социально-экономическое положение города: в XIX веке Касимов был крупным купеческим и промышленным центром, а в XX веке на Касимовских заводах производились меха, шоколад, алкогольные изделия, а также обрабатывались драгоценные металлы, и историческая память жителей хранит упомянутые события. Однако что является силой, может обернуться слабостью, и социально-экономический фактор может ослабить формирования мифа о столичности: 53,2% касимовских респондентов считают, что Касимов в России знают не из-за истории с Касимовским царством, а по другим причинам (самая часто называемая – продукция касимовских заводов). Важнейшим же основанием неразвитости мифа о столичности, как видится исследователям, выступает отсутствие поддержки со стороны государства нарратива «Касимов – столица Касимовского ханства». И в музейном, и в туристическом дискурсах данному нарративу не отводится большое внимание: экскурсоводы в музеях упоминают о факте существования Касимовского царства, которое находилось в подчинении Московского государства, и даже его правители назначались из Москвы. Один из экскурсоводов с неудовольствием отметил: «К нам приезжают и спрашивают: «А где татары? Мы ожидали увидеть, что здесь татары преимущественно живут». А мы же русские, татар здесь осталось мало, и Касимов – русский город». Иная ситуация сложилась в Мышкине, где не было такого благоприятного исторического нарратива, однако нашлась поддержка столь ироничной мысли «назначить» Мышкин столицей Мышиного государства. Интенсивному развитию «мышиного» нарратива с 1990-х гг. способствовала деятельность председателя Мышкинского народного музея и музея Мыши В.А. Гречухина и ярославского губернатора А.И. Лисицына, благодаря которому туристическому бизнесу был дан большой импульс, а также главы Мышкинского муниципального района А.Г. Курицына; именно эти имена называли респонденты, связывая их с современностью как периодом наибольшего развития города. Более того, респонденты отмечали визит Президента Д.А. Медведева (1 августа 2008 года) и его хорошее впечатление от города и

созданной там инфраструктуры¹, как важную веху в истории города. Таким образом, личностный фактор мышкинцев и поддержка со стороны властей сыграли решающую роль в формировании мифа о столичности.

Неверно было бы думать, что миф о столичности Мышкина – это некий полностью искусственный конструкт, который был выдуман узкой группой людей и насажден его жителям извне исключительно с целью привлечь туристов. При интервьюировании жителей города было обнаружено, что столичность для мышкинцев имеет сложный характер и обладают двумя основными чертами. Первая – это интернациональность: Мышкин столичен, потому что его символ интернационален: «Мыши живут по всему миру, а мы – столица мышей, и потому каждая мышь может к нам явиться». Подтверждением тому служат экспозиция музея Мыши, где собраны фигурки мышей со всего света от США до Японии. Вторая характеристика – исключительность, которая складывается не только из мифа о мышши, но и восприятия себя как «столицы провинции». Данный удивительный дуализм антагонистических по смыслу понятий весьма логично укладывается в сознании жителей Мышкина: наш город по многим параметрам является настоящей квинтэссенцией провинциальности, что делает Мышкин первым среди равных, то есть столицей среди всех провинциальных городов. Это подкрепляется ответами респондентов, которые зачастую в агрессивном тоне заявляли, что Мышкин необходимо оставлять провинциальным, иначе он потеряет свою исключительность. Существует и третья черта мышкинской столичности – центральность: каждый раз, когда речь заходит о Мышином царстве, Мышкин помещают на картах в центре; однако подобное явление присутствует только в туристическом и музейном дискурсах.

О сложности концепта столичности в Мышкине говорит обнаруженный исследователями феномен «мышескептицизма»². С одной стороны, мышь действительно ста-

¹ Президент призвал ориентироваться на Мышкин. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golddring.ru/news/show/94311/> (дата обращения: 18.07.2015).

² Авторский термин, созданный по аналогии с «евроскептицизмом».

ла символом города в сознании жителей: из 287 названных респондентами экспонатов, которые бы они отправили на выставку о Мышкине, 105 наименований так или иначе связаны с мышиной тематикой, то есть 36,6%. С другой стороны, мышкинцы в интервью часто выражали недовольство местной туристической политикой, жестко эксплуатирующей мышь как символ. По их мнению, подобные действия выставляют Мышкин исключительно как мышиный город и не позволяют разглядеть в нем иные черты, например, «провинциальный шарм». Соответственно, мышиный нарратив оказывается девальвирован собственной эксплуатацией, а жители, признавая его дискурсообразующим, все же начинают относиться к нему скептически.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

– Миф о собственной столичности как часть пространственной идентичности мо-

жет быть обнаружен и в Касимове, и в Мышкине, однако в последнем городе он сильнее присутствует в сознании жителей;

– Главная причина, почему концепт столичности не получил полноценное развитие в Касимове, несмотря на благоприятные географические и исторические факторы, является недостаток поддержки со стороны властей и иных институтов дискурса «Касимов – столица Касимовского ханства»;

– Миф о столичности Мышкина обязан своему успеху «мышиному» нарративу, который получил необходимое обеспечение со стороны государства и укрепился в сознании мышкинцев;

– Столичность в сознании жителей Мышкина смогла выйти за пределы данного нарратива и оформилась в сложный концепт, вобравшему в себя, помимо «мышиной» тематики, и мысль о Мышкине как столице провинции. Тем не менее, сам концепт оказался не лишены внутренних противоречий в лице «мышескептицизма».

Касимов и Мышкин: как пространственная идентичность делает одни города более столичными, а другие – нет

Мария Игоревна Тисленко, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России

***Аннотация:** В данной статье рассматривается концепт столичности как составная часть пространственной идентичности на примере малых городов Касимова и Мышкина. Автор анализирует, почему концепт столичности не получил полноценное развитие в Касимове, в то время как в Мышкине он смог закрепиться в сознании его жителей.*

***Ключевые слова:** концепт столичности, пространственная идентичность, Касимов, Мышкин.*

The Cases of Kasimov and Myshkin: How Spatial Identity Makes Some Cities More Metropolitan than Others

Maria Igorevna Tislenko, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University

***Abstract:** in this article the concept of capitalness as a component of spatial identity is observed on the example of small towns Kasimov and Myshkin. The author analyses, why the concept of capitalness has not got full development while in Myshkin it has been able to gain a foothold in the minds of its citizens.*

***Key words:** concept of capitalness, geographical identity, Kasimov, Myshkin.*

ПОНЯТИЕ «СТОЛИЧНОСТИ» В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ КАСИМОВА, МЫШКИНА И СТАРОЙ ЛАДОГИ

А.В. Салаватова

Понятие «столичности» не универсально. Это особая пространственная категория, которая обретает смысл под влиянием совершенно разных факторов. Особый интерес представляют исследования столичности в малых городах, которые не имеют ни соответствующей институциональной структуры, ни каких-либо других предпосылок для того, чтобы называть себя столичными, но где этот пространственный образ, так или иначе, проявляется: на уровне культурно-исторической памяти или как туристический бренд. Очевидно также и то, что у жителей трех рассматриваемых городов сама столичность как идеальный тип наполняется особым содержанием, отличным от восприятия жителей официальных столиц или региональных центров. В связи с этим представляется важным определить, что в данном случае понимается под столичностью, какие критерии применимы к этому понятию.

Анализ строится на данных, полученных в ходе социологических опросов (общая выборка по трем городам – 294 человека). Ключевыми для данной статьи являются ответы на третий вопрос анкеты, где респондентам предлагалось определить наиболее важные характеристики абстрактного столичного города, а именно выбрать из шести критериев три наиболее значимых:

- 1) Наличие органов центральной власти.
- 2) Богатое историческое прошлое.
- 3) Высокий уровень социально-экономического развития.
- 4) Хорошая транспортная доступность.
- 5) Наличие культурно-исторического своеобразия.

6) Отсутствие провинциальности в сознании горожан.

Прежде чем перейти к рассмотрению критериев столичности, имеет смысл указать на несколько важных обстоятельств. Во-первых, большинство жителей рассматриваемых городов не считают их непровинциальными (см. табл. 1). В общей сложности почти 72% опрошенных ответили «скорее нет» или «однозначно нет» на вопрос о НЕ-провинциальности их городов. При этом довольно частым явлением была подмена понятий, зачастую жители понимали вопрос как «город или деревня», то есть маркер столичности заменялся уровнем урбанизированности населенного пункта. Во-вторых, Касимов оказался в меньшей степени «столичен», чем Мышкин или Старая Ладога (76,2% ответов уходит на «скорее нет» и «однозначно нет», в то время как в Мышкине этот показатель – 69,6%, в Ладоге – 69,4%). Это можно объяснить тем, что миф о столичности в Касимове восходит к временам Касимовского ханства, вассального Московскому татарскому территориальному образованию, что является не лучшим символом для города в лесах Рязанской области, поэтому на официальном уровне эта история если не замалчивается, то уж точно не тиражируется. Напротив, в Мышкине и Старой Ладоге миф о столичности стал популярным туристическим брендом, развитие которого всячески поощряется местными властями (хотя при этом не всегда находит искренний отклик у населения).

Таблица 1

Восприятие жителями своих городов как непровинциальных

Город	Считаете ли Вы Касимов/Мышкин/Старую Ладого непровинциальным городом?				
	Однозначно да	Скорее да	И да, и нет	Скорее нет	Однозначно нет
Касимов	8 (7,3%)	11 (10,1%)	7 (6,4%)	27 (24,8%)	56 (51,4%)
Мышкин	13 (12,6%)	14 (13,6%)	4 (3,9%)	21 (20,4%)	51 (49,2%)
Старая Ладога	13 (15,8%)	9 (11%)	3 (3,6%)	12 (14,6%)	45 (54,8%)
Итого	34 (11,6%)	34 (11,6%)	14 (4,8%)	60 (20,4%)	152 (51,7%)

В случае выделения наиболее важных критериев столичности также часто встречается подмена понятий. Наиболее часто столичность воспринимают как синоним благополучия, процветания города, и респонденты начинают перечислять, чего не хватает их городам. Это может быть обусловлено тем, что вопрос про критерии столичности абстрактного города следует за двумя вполне конкретными вопросами с тем же маркером: считают ли они свой город непровинциальным, что делает его таковым. В рамках пятиминутного опроса людям часто бывает сложно перестроиться и отвечать на этот вопрос без привязки к своему городу. Встречаются случаи явной подмены понятий, особенно это актуально для первого варианта ответа – наличие органов центральной власти, который, как ни странно, был наиболее очевидным, но в наименьшей степени пользовался популярностью (на него приходится 10,5% ответов). Слово «власть» в данном случае вызывает яркий эмоциональный отклик, в то время как прилагательное «центральный» просто игнорируется респондентом, поэтому довольно часто встречаются ответы с такой логикой: «нет, власть у нас плохая, власть не надо» или «вот с властью у нас проблемы, так что пишите власть».

Наибольшей популярностью пользуются следующие критерии: богатое историческое прошлое (18% ответов), высокий уровень социально-экономического развития (21,5% ответов), хорошая транспортная доступность (20,4% ответов). Высокий уровень социально-экономического развития можно считать самым понятным вариантом ответа и вместе с тем самым объективным критерием, потому что смыслового искажения здесь не происходило. Богатое историческое прошлое воспринимается респондентами на довольно высоком уровне абстракции, но, безусловно, как нечто положительное, хотя непонятно, какую роль жители придают ему именно с точки зрения столичности. Кроме того, часто ответы давались под воздействием каких-то клише (или же вариант ответа упрощался до этих клише). Например, крайне распространенной логической цепочкой было следующее: респондент задумывается над понятием «столичности» (по всей видимости, подменяя его «процветанием») и начинает перечислять, что нужно исправить в первую очередь – дороги, а в итоге выбирает вариант «хорошая транспортная доступность». Дороги широко тиражируются в массовой культуре как извечная российская проблема, поэтому в ответах они зачастую звучат раньше, чем

Таблица 2

Критерии столичности

Город	Что, на Ваш взгляд, делает любой город непровинциальным?					
	Наличие органов центральной власти	Богатое историческое прошлое	Высокий уровень социально-экономического развития	Хорошая транспортная доступность	Наличие культурно-исторического своеобразия	Отсутствие провинциальности в сознании горожан
Касимов	34 (12,1%)	51 (18,1%)	69 (24,5%)	53 (18,9%)	37 (13,2%)	37(13,2%)
Мышкин	24 (8,7%)	48 (17,4%)	61 (22,1%)	63 (22,8%)	43 (15,6%)	37 (13,4%)
Старая Ладога	20 (10,7%)	35 (18,7%)	30 (16%)	36 (19,2%)	35 (18,7%)	31 (16,6%)
Итого	78 (10,5%)	134 (18%)	160 (21,5%)	152 (20,4%)	115 (15,4%)	105 (14,1%)

варианты, связанные с экономической или культурной сферами. Не всегда понятна разница между богатым историческим прошлым и культурно-историческим своеобразием, поэтому респонденты предпочитают выбрать что-то одно. Также этот вариант ответа часто служит запасным по причине своей абстрактности и очевидной «положительности». Отсутствие провинциальности в сознании горожан воспринимается как второстепенный критерий. Возможно, это связано с тем, что люди справедливо не понимают, как определяется этот уровень.

Таким образом, исходя из данных таблицы и вышеизложенных комментариев,

можно сделать следующие выводы. У жителей рассматриваемых малых городов не сложилось какого-то более или менее ясного представления о таком понятии как «столичность». Их ответы носят ситуационный характер, крайне подвержены влиянию предыдущих вопросов, клише, эмоциональных реакций. Респонденты не очень внимательно подходят к формулировкам или же забывают основной критерий при выборе ответов. С учетом всех возможных искажений можно сделать вывод, что для жителей малых городов столица – это, в первую очередь, экономически развитый город с хорошими дорогами и памятниками культуры.

Понятие «столичности» в восприятии жителей малых городов России: на примере Касимова, Мышкина и Старой Ладogi

Анастасия Валерьевна Салаватова, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: Понятие «столичности» не универсально. Это особая пространственная категория, которая обретает смысл под влиянием совершенно разных факторов. Особый интерес представляют исследования столичности в малых городах, которые не имеют ни соответствующей институциональной структуры, ни каких-либо других предпосылок для того, чтобы называть себя столичными, но где этот пространственный образ, так или иначе, проявляется: на уровне культурно-исторической памяти или как туристический бренд.

Ключевые слова: столица, формирование столичности, Касимов, Мышкин, Старая Ладoga, метод деконструкции.

‘Capitalness’ in the Mind of the Residents of Small Russian Towns: The Cases of Kasymov, Myshking and Old Ladoga

Anastasia Valerievna Salavatova, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

Abstract: The term ‘capital’ is ambiguous. It means a certain geographical category, which has a sense in the context of various factors. A particular interest lays in the research of in small towns that have neither institutional structure nor any other prerequisites for naming themselves ‘capital’. However, their geographical image can be seen as the element of historic-cultural memory or as a touristic brand.

Key words: capital, ‘capitalness’, Kasimov, Myshkin, Old Ladoga, deconstructio

Пространственная идентичность на российско-китайском пограничье

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4\(21\)-119-120](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-119-120)

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ РАЗДЕЛЕННЫХ ГОРОДОВ (на примере БЛАГОВЕЩЕНСКА и ХЭЙХЭ)

И.Ю. Окунев, Д.В. Басова

В современном мире вопросы идентичности представляют собой особый интерес для исследователей, так как идентичность той или иной общности оказывает влияние не только на цивилизационно-культурные ориентиры, но и формируют социально-политический фон.

Пространственная структура разделенных городов представляет собой редкий случай, что и обусловило их выбор в качестве предмета исследования. В Благовещенске и Хэйхэ существует этнополитическое противостояние русских и китайцев, но граница при этом открыта, то есть институциональная среда, наоборот, характеризуется нацеленностью на кооперацию. В другом близком случае (Ивангород и Нарва) конфликт носит институциональный характер, выраженный в наличии фильтрующей границы (граница Эстония – Россия), притом что этнополитическая среда бесконфликтна вследствие расселения одного этноса – русских. Таким образом, пространственная структура городов не подразумевает наличие единой модели пространственной идентичности.

Несмотря на схожесть необычной локализации – разделенные города, – под влиянием некоторых факторов формируются разные типы пространственной идентичности, которые так или иначе влияют на образ жизни людей на выбранных территориях.

В связи с этим была поставлена цель исследования: проследить, каким образом формируется восприятие жителей разделенных городов самих себя и своих ближайших соседей, и на основании этого выделить особенности двух моделей пространственной идентичности.

Эмпирической базой исследования послужило проведение социологического опроса среди жителей этих двух городов, на основании которого можно зафиксировать восприятие самих себя и своих китайских соседей. На Дальнем Востоке россияне склонны негативно воспринимать китайских соседей, ощущая перманентное состояние «китайской угрозы» и экспансионистских шагов со стороны КНР. Помимо этого, в данных городах проведен анализ «пространственного» проявления идентичности, а именно были зафиксированы образы, символы, названия улиц, вывесок, печатных изданий, которые так или иначе указывают на характер самоидентификации жителей городов. Был проведен тщательный анализ письменных источников по данной проблематике. В результате, интерпретация собранных источников позволяет составить модель пространственной идентичности, характерной для Благовещенска и Хэйхэ.

Деконструкция пространственной идентичности жителей разделенных городов (на примере Благовещенска и Хэйхэ)

Игорь Юрьевич Окунев, к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России;

Дарья Владимировна Басова, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В статье содержится описание методологической основы исследования пространственной идентичности российско-китайского пограничья, проведенной клубом геополитических исследований МГИМО*

***Ключевые слова:** российско-китайское пограничье, пространственная идентичность, критическая геополитика.*

Deconstruction of Spatial Identity in the Separated Cities: The Cases of Blagoveshensk and Heihe

Igor Yur'evich Okunev, PhD, Associate Professor, MGIMO University;

Daria Vladimirovna Basova, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University.

***Abstract:** The article describes the methodological basis of the study of the spatial identity of the inhabitants of Russia-China borderland held a Club of Geopolitical Studies of MGIMO*

***Key words:** Russo-Chinese borderland, spatial identity, critical geopolitics.*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ: СЛУЧАЙ БЛАГОВЕЩЕНСКА И ХЭЙХЭ

М.И. Тисленко

Российско-китайские отношения выходят на новый уровень стратегического партнерства, носящее в перспективе, по замыслам обеих сторон, всеобъемлющий характер. История связей между Китаем и Россией насчитывает более 300 лет с момента заключения Нерчинского трактата в 1689 году, однако еще в 1653 году русским первопроходцем Е. П. Хабаровым был заложен острог, из которого впоследствии вырос город Благовещенск. Положение Благовещенска уникально: это единственный административный центр (Амурская область), располагающийся на границе РФ с КНР, что определяет его высокое значение в экономических и культурных процессах с Китаем, осуществляющихся через «город-близнец» Благовещенска на другом берегу Амура – Хэйхэ.

В лимологии¹ границы могут выполнять барьерную и контактную функции²; соответственно, в случае Благовещенска и Хэйхэ можно говорить именно о проявлении контактной функции границы РФ, но как это должно отразиться на пространственной идентичности жителей обоих городов? Данный исследовательский вопрос встал в центр внимания Клуба геополитических исследований МГИМО (У) МИД России. Была выдвинута гипотеза: пограничное положение и тесные связи с Китаем обусловили формирование особой пространственной идентичности в Благовещенске и Хэйхэ, которая строится на тесной связи между двумя культурами без их смешения

и/или ассимиляции. Для проверки гипотезы клубом была организована экспедиция с 20 по 25 августа 2015 года, в ходе которой был собран обширный эмпирический материал в виде дискурсивных практик Благовещенска и Хэйхэ. Объектом исследования выступили пространственные мифы и способы интерпретации пространства жителями обоих городов. Ввиду использования подходов критической геополитики и лимологии, в исследовании были задействованы следующие методы:

1. Дискурс-анализ письменных источников (туристические путеводители, историко-культурные артефакты в музеях, книги по краеведению);

2. Глубинные и фокусированные интервью с работниками музеев и учебных заведений, а также местными жителями;

3. Сбор и интерпретация символики Благовещенска и Хэйхэ.

Анализ дискурсивных практик подтвердил гипотезу, выдвинутую изначально: жители Благовещенска и Хэйхэ действительно являются носителями особой пространственной идентичности, которая, в свою очередь, подразделяется на две модели – благовещенскую и хэйхэнскую, обладающими чертами сходства и различия. Этому способствовали географические предпосылки: периферийность положения обоих городов, их удаленность от крупных экономических центров своих государств; сходные климатические и ресурсные условия, а также невысокий уровень доходов по сравнению со средними доходами по России и Китаю³. Благодаря открытию грани-

¹ Лимология – наука о границах (прим. автора).

² Колосов В. А. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. №3 (сентябрь–декабрь). С. 44–59. [Электронный ресурс], URL: <http://www.nadbank.org/> (дата обращения: 31.05.2015).

³ Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск - Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. – 2007. – №5. – С. 137–138.

цы в 1984 году и созданию зоны свободной российско-китайской торговли в 2004, между городами начали выстраиваться сначала экономические, а затем культурные и социальные связи. Это выразилось и в создании особого рода дискурса о Благовещенске и Хэйхэ как «городах-близнецах» и «символах российско-китайской дружбы» без какой-либо культурной ассимиляции или унификации: благовещенцы по-прежнему считают себя благовещенцами и россиянами, в то время как хэйхэнцы мыслят себя китайцами в первую очередь. Основой для подобного дискурса являются тесные экономические связи, которые порождают благоприятные условия для сотрудничества, без чего оба города обречены на жизнь отсталой периферии в своих государствах. Благовещенцы относятся к Хэйхэ как источнику возможностей в плане бизнеса (торговля), сферы услуг (медицина, туризм) и рекреационных ресурсов (съездить на шоппинг в Хэйхэ на выходных стало

бытовой практикой). Жители Хэйхэ видят в Благовещенске хорошую торговую площадку и возможность завязать тесные контакты с русскими и познакомиться с их культурой, что выражается в популярности русской кухни среди китайцев и получения образования в университетах Благовещенска. Примечательно, что в плане символов в Хэйхэ большинство вывесок дублируются на русском языке, что объясняется стратегией привлечения русских клиентов, нежели реальным абсорбированием элементов русской культуры. По свидетельствам опрошенных, в Хэйхэ и Благовещенске настроены на поддержание добрососедских отношений. Таким образом, Клубом был сделан вывод о наличии собственных пространственных идентичностей в Хэйхэ и Благовещенске, конструктивных по своей природе, но остающихся обособленными друг от друга ввиду сильных русских и китайских национальных элементов идентичностей.

Пространственные идентичности на российско-китайской границе: случай Благовещенска и Хэйхэ

Мария Игоревна Тисленко, студентка Факультета политологии МГИМО (У) МИД России

***Аннотация:** в данной статье в центре внимания исследователя находится феномен Благовещенска и Хэйхэ – приграничных «городов-близнецов». Автор рассматривает, как города, разделенные государственной границей и Амуром, смогли сконструировать собственную модель пространственной идентичности с учетом русской и китайской национальной идентичности.*

***Ключевые слова:** приграничный город, культурное взаимодействие, российско-китайские отношения, пространственная идентичность, контактная функция границы.*

Spatial Identities at the Russo-Chinese Border: The Cases of Blagoveshensk and Heihe

Maria Igorevna Tislenko, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University

***Abstract:** in this article the phenomenon of Blagoveshchensk and Heihe – border ‘twin cities’ – is in the spotlight of the researcher. The author observes, how these cities separated from each other by the Amur and the state border have been able to construct their own model of spatial identity taking into account Russian and Chinese national identities.*

***Key words:** border city, cultural relations, Russian-Chinese relations, spatial identity, contact border function.*

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСК

Н.А. Манжина

Пространственная идентичность является важным элементом самосознания как отдельной личности, так и населенных пунктов в целом. Способствуя формированию определенного самовосприятия, она закладывает основы не только личного, но и культурного, экономического и даже политического развития исследуемых территориальных единиц.

В данной работе исследовано влияние соседства китайского города Хэйхэ на формирование пространственной идентичности российского приграничного города Благовещенск.

Данный кейс представляет собой особый интерес, поскольку расстояние между этими городами разных государств составляет менее 1 километра, что само по себе достаточно редкое территориальное явление и единственное на российско-китайской границе.

Серьезное внимание здесь было уделено характеристике типа границы между городами — одному из основных показателей, позволяющих оценить взаимопроникновение экономических и культурных элементов исследуемых территорий.

Что касается методологической основы работы, то в качестве метода исследования пространственной идентичности использовался анализ неформальных источников, а именно анализ архитектурных единиц, названий улиц, кафе, ресторанов, закусочных, и т.д. Данный метод интересен тем, что он позволяет выявить несознательную самоидентификацию населенного пункта.

Объектом исследования является город Благовещенск.

Предмет — названия улиц и предприятий общественного питания, городская архитектура.

Несмотря на то, что изучение пространственных идентичностей уже сформировалось в отдельную нишу геополитических исследований, в основном массиве работ упор делается на анализ торговых взаимосвязей, организации политического и правового пространства, социальных и культурных контактов. В данном же предмете заключается особенность исследования — в фокусе работы находятся визуальные городские ориентиры, а не письменные источники.

Актуальность исследования данного феномена носит вполне прикладной, практический характер. Знание особенностей идентичности жителей исследуемой территориальной единицы позволяет обоснованно предполагать, а в некоторых случаях даже предсказывать, какой выбор в той или иной сфере они будут совершать, какие товары будут использовать, каким политическим силам будут симпатизировать, какую политическую партию будут поддерживать на выборах. Результаты исследования могут также представить интерес и федеральному правительству при выстраивании отношений со всем регионом, Амурской областью, административным центром которой является Благовещенск.

Особенности пространственной идентичности приграничного города Благовещенск

Надежда Андреевна Манжина, аспирант Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России.

***Аннотация:** В статье исследовано влияние соседства китайского города Хэйхэ на формирование пространственной идентичности российского приграничного города Благовещенск.*

***Ключевые слова:** пространственная идентичность, Благовещенск, приграничный город.*

Spatial Identity of a Borderland City of Blagoveshensk

Nadejda Andreyevna Manzhina, Post-graduate student at MGIMO University.

***Abstract:** The article regards the influence of Chinese city Heihe on the structurualisation of geographical identity in the Russian wide-open frontier city – Blagoveshensk.*

***Key words:** geographical identity, Blagoveshensk, wide-open frontier city.*

КЛУБ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОВЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОЛДАВИИ

С 29 января по 2 февраля 2015 г. студенты Факультета политологии при поддержке Фонда развития МГИМО провели исследования в Кишиневе, Тирасполе, Комрате и Тараклии. Целью экспедиции было изучение пространственных идентичностей народов Молдавии.

Экспедиция продолжила традицию исследований Клуба, начатую в 2013 году. Итогами предыдущей экспедиции на российско-финское пограничье, которая состоялась в прошлом году, стали публикация в журнале *Human Geographies*, входящем в международную библиографическую базу Scopus, и сборник «Критическая геополитика», который получил диплом конкурса научных работ РАПН.

Экспедиция в Молдавию была организована в партнерстве с исследовательской группой по политической географии и геополитике молодежного отделения РАПН и Клубом геознергетической политики ВШЭ. От МГИМО в научной экспедиции принимали участие научный руководитель Клуба геополитических исследований, доцент И.Ю. Окунев, Д.В. Басова, П.З. Талыбов, А.В. Салаватова и М.И. Тисленко.

В ходе экспедиции студенты собрали письменные, устные и визуальные материалы, посетили историко-культурные и этнографические объекты. Также были проведены глубинные интервью с экспертами, лидерами общественного мнения и молодежью. Материалы собирались в Кишиневе, Приднестровской Молдавской Республике (ПМР), Административно-территориальном образовании Гагаузия, а также в Болгарской национально-культурной автономии.

Студенты Университета, по приглашению Министерства иностранных дел ПМР, приняли участие в заседании Совета молодых дипломатов. В рамках встречи участники обсудили текущую геополитическую ситуацию в регионе.

Одним из пунктов программы было посещение Тараклийского государственного университета, ведущие профессора которо-

го прочитали лекцию об истории и культуре бессарабских болгар, ознакомили с экспозицией университетских музеев. В завершении встречи прошел круглый стол с участием преподавателей и студентов вуза, где обсуждались перспективы сотрудничества.

Полученные в ходе экспедиции данные будут проанализированы и представлены на тематической научно-практической конференции.

VIII ВСЕРОССИЙСКАЯ АССАМБЛЕЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

20–21 апреля на базе Пермского государственного национального исследовательского института прошла VIII Всероссийская ассамблея молодых политологов. В мероприятии приняли участие представители МГИМО.

Ассамблея была посвящена обсуждению ряда вопросов по широкому кругу проблем: от значения методологии в профессии политолога до мировых политических процессов. На пленарном заседании пред студентами, аспирантами и молодыми учеными выступил профессор кафедры сравнительной политологии М.В.Ильин с докладом, в котором была рассмотрена тема профессиональной близорукости и дальнорукости. Далее аудитории представили ряд магистерских программ по политологии и международным отношениям, включая программы МГИМО.

В секции «Геополитика» приняли участие и студенты ФП: третьекурсники Дарья Басова и Ярослав Мальцев и студентка I курса Мария Тисленко.

М.Тисленко представила результаты исследования пространственных идентичностей, полученных по итогам экспедиции Клуба геополитических исследований в Молдавию. Д.Басова выступила с докладом, затрагивающим геополитические трансформации на Балканах. В рамках дискуссии «Политизация идентичности: этнотерриториальные аспекты» Я.И.Мальцев представил работу «Шотландия: нация без национализма?».

Данные материалы будут опубликованы в отдельном сборнике VIII Ассамблеи молодых политологов.

В заключительной части мероприятия молодые ученые и представители академической среды обсудили вопросы профессиональной этики, а также определили перспективы сотрудничества научных и экспертных сообществ в России.

КЛУБ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОВЕЛ СЕРИЮ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО МАЛЫМ ГОРОДАМ РОССИИ

В конце июня — начале июля Клуб геополитических исследований НСО при поддержке Российского гуманитарного научного фонда провел серию экспедиций в города Касимов (Рязанская область), Мышкин (Ярославская область) и Старая Ладога (Ленинградская область).

В центре внимания экспедиций были пространственные мифы о столичности, распространенные в сознании жителей данных городов. В экспедиции приняли участие доцент кафедры сравнительной политологии И.Ю.Окунев и студенты Факультета политологии Д.В.Басова (председатель клуба), Б.А. Барабаш, Н.И. Еряшев, Е.С. Окунева, С.О. Савин, А.В. Салаватова, М.И. Тисленко и А.А. Цацулин.

В рамках поездки в столицу Касимовского ханства — город Касимов — с 26 по 28 июня исследовательская группа анализировала исторические нарративы в Касимовском краеведческом музее и Центре татарской культуры и искусства имени Ахмеда Ишимбаева. Также были собраны материалы в Старой ханской мечети, текие Шах-Али-хана и Авган-Мухаммед-султана и музеях народных промыслов.

Кроме того, члены клуба проводили социологические опросы на улицах города и глубинные интервью с представителями интеллигенции и работниками культурной и туристической сфер.

С 28 по 30 июня прошла экспедиция в город Мышкин. Ее участники работали в Академии краеведения, Мышкинском центре туризма, Опочининской библиотеке, Мышкинском народном музее, Музее истории города «Столица лопманов» и других культурных учреждениях. Студенты провели

серию социологических опросов, в которых приняли участие более ста респондентов.

4–5 июля исследовательская группа интервьюировала жителей и гостей первой столицы Руси Старой Ладоги (включая профессиональных историков-реконструкторов) и собирала письменные и визуальные источники в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее, Информационно-досуговом центре «Старая Ладога», Никольском и Свято-Успенском монастырях.

Во всех трех городах молодые исследователи помимо сбора источников и социологических данных вели подробные полевые дневники включенного наблюдения. Особенно актуальными они оказались при описании мероприятий III Международного военно-исторического фестиваля раннего средневековья «Ладога» и Ежегодного фестиваля «Мышь 2015».

Собранный обширный эмпирический материал послужит основой для подготовки выступлений на конференциях и написания научных статей.

КЛУБ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОВЕЛ ЭКСПЕДИЦИЮ В БЛАГОВЕЩЕНСК И ХЭЙХЭ

С 21 по 25 августа молодые исследователи побывали в городах российско-китайского пограничья в рамках реализации гранта молодых ученых МГИМО. В проекте приняли участие доцент кафедры сравнительной политологии И.Ю. Окунев, аспирант кафедры Н.А. Манжина и студенты Д.В. Басова (4 ФП) и М.И. Тисленко (2 ФП).

Фокус проекта был направлен на изучение динамики формирования идентичностей в ситуации пространственной инверсии. В городе Хэйхэ исследовательская группа, используя методы включенного наблюдения, фиксировала наличие элементов лимитрофной идентичности. Кроме работы на улицах города материалы были собраны в представительстве информационного агентства Синьхуа, Китайско-русской художественной галерее, Филателистическом центре российско-китайских отношений и других организациях.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте (предпочтительно) или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья – 20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами,
- обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц,
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала
- размер шрифта основного текста 14
- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см.

Для рассмотрения редакции просьба направлять два файла статьи – один, содержащий информацию об авторе (см. структуру статьи), один – без идентификации автора. Все материалы направляются на анонимное рецензирование, поэтому любая идентификация автора в тексте или ссылках должна быть убрана в одном из файлов.

При оформлении статьи просим авторов проверять их на соответствие следующей структуре:

1. Заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).

2. Инициалы и фамилия автора(ов).

3. Название учреждения, где работает автор и адрес, включая почтовый индекс.

4. Резюме статьи на русском языке (200-250 слов).

5. Ключевые слова (10-12 слов на русском языке).

6. Основной текст.

7. Список литературы (составленный по алфавиту и пронумерованный).

8. Об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, научная специализация, e-mail).

9. Заглавие статьи на английском языке прописными буквами.

10. Инициалы, фамилия (английская транскрипция).

11. Название учреждения, где работает автор и адрес на английском языке, включая почтовый индекс.

12. Abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов).

13. Key words (ключевые слова на английском языке).

14. References (список должен соответствовать пронумерованному списку литературы, но названия книг и статей на русском языке транслитерируются латинскими буквами и переводятся на английский язык. Иностранные источники на латинице остаются без изменения).

15. About author (об авторе на английском языке).

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения

в квадратных скобках [] порядкового номера упоминаемого произведения из «Списка литературы» и, в случае цитаты, номера страницы цитируемого произведения, через запятую после порядкового номера [3, с. 5].

«Список литературы» оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82. Второй список, «References», оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в систему «Scopus». Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Требования к оформлению «References»: названия статей, монографий и журналов на русском языке должны быть транслитерированы латиницей и переведены на английский язык. Например: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995)/ А.Д. Богатуров. М.: Конверт-МОНФ, 1997 (описание в «Списке литературы» согласно ГОСТУ) в References

описывается как Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945–1995) [Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945-1995)]. Moscow: Konvert-MONF, 1997). Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). При ссылке на переводную литературу в References следует указывать оригинальное издание.

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

Статьи необходимо направлять на e-mail: sravnitpolit@mail.ru и avtor@ibb.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

Контактная информация:

e-mail: sravnitpolit@mail.ru, avtor@ibb.ru

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала.